

The book cover features a solid orange background. At the top, there are three vertical stripes of varying widths in shades of grey and white. On the right side, there are three vertical stripes of varying widths in shades of orange and white. The text is centered on the orange background.

Е.Ю.ГУСЬКОВА

**ВООРУЖЕННЫЕ
КОНФЛИКТЫ
НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ**

ГУСЬКОВА Елена Юрьевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, Генеральный директор Международного Фонда югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись», член Президиума Российской ассоциации содействия ООН, член Президиума Ассоциации друзей Югославии, член Ассоциации Европейских исследований, почетный член Сербского общества сербско-русской дружбы.

В 1994 г. признана «Выдающимся ученым России».

В 1994 г. работала научным экспертом по Балканам в штабе миротворческих сил ООН в бывшей Югославии.

Награждена Республикой Сербской Орденом Негоша II степени.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Е.Ю.ГУСЬКОВА

**ВООРУЖЕННЫЕ
КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ**

(ХРОНИКА СОБЫТИЙ)

Москва 1999

Серия: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Центр научно-информационных исследований глобальных
и региональных проблем

Отдел Восточной Европы

Автор – д.и.н. Гуськова Е.Ю.
Редактор – к.и.н. Игрицкий Ю.И.

© ИНИОН РАН. 1999 г. Данная публикация не может быть
переиздана или воспроизведена любым другим способом без
письменного разрешения ИНИОН РАН

ISBN 5-248-00190-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Отделение Словении.....	13
Хорватия: война до победного	28
Операции «Блеск» и «Буря».....	75
Противоборство в Боснии и Герцеговине.....	93

ВВЕДЕНИЕ

События в Югославии в начале 90-х годов развивались стремительно, во многом непредсказуемо и трагично. Ни Югославия, ни тем более Европа не были готовы разрешить лавину возникших в одночасье проблем в федерации. Возникла угроза перерастания проблемы в конфликт, а последнего в войну. Ситуация осложнялась тем, что республики, вставшие на путь самостоятельности, не хотели ждать принятия согласованного закона о правилах выхода из федерации. Словения и Хорватия, первыми объявившие о своей независимости, решительно требовали вывода со своих территорий Югославской народной армии (ЮНА), а также закрепления за административными границами статуса межгосударственных. Вопросы условий сецессии, правопреемственности распадающегося многонационального государства, распределения имущества, определения границ, судьбы армии, прав национальных меньшинств, условия признания новых государств не обсуждались. На несколько лет вооруженные столкновения стали единственным средством решения накопившихся проблем.

Раздоры в СФРЮ начались в республиканских политических верхах, направлялись и осуществлялись политическими лидерами. В углублении раскола большую роль сыграли средства массовой информации – телевидение, печать, радио. Изначально конфликт был управляем теми силами, которые хотели отделиться. Находившиеся под их влиянием телевизионные станции в конце 80-х годов постепенно перекрыли свободный поток информации, передавали только ориентированные на республики новости, смакуя конфликтные моменты, подчеркивая различия, гордясь независимостью своих лидеров, ставя им в заслугу

несогласие с центром. Телевидение Белграда, в свою очередь, старалось ограничить объем передач из других республик, всячески подчеркивая единство федерации. Мировое общественное мнение формировалось в основном под воздействием средств массовой информации Запада, склонных поддерживать сепаратистские тенденции и антикоммунистические настроения в республиках СФРЮ. В силу этого история гражданских, а затем фактически межгосударственных военно-политических конфликтов на территории бывшей Югославии не получала всестороннего освещения. Цель данной работы – восполнить пробел в публицистике и историографии, используя новые югославские источники.

Стоит вспомнить, что с начала 90-х годов в СМИ на территории Югославии, а затем Европы и мира начиналась настоящая информационная война.

Француз Жак Мерлино в своей книге “Нельзя говорить вслух обо всех югославских истинах” (34) писал, что в мире появился новый бизнес – услуги агентств по связям с общественностью, действующие в сфере политики и информации (35, с.200). Их клиентами становятся представители разных стран, когда необходимо провести манипуляции с информацией. Жак Мерлино опубликовал досье, которое ему предоставил директор американской компании Ruder Finns Global Public Affairs Джеймс Харф, согласно которому компания на протяжении многих месяцев сотрудничала с Хорватией (с августа 1991 по июнь 1992 г), с Боснией и Герцеговиной (с мая по декабрь 1992 г.) и с Косово (с октября 1992 г.), чтобы помочь им в борьбе против «сербского агрессора» (35, с.201). Д.Харф рассказал Ж.Мерлино, как вновь созданные государства Хорватия, Босния и Герцеговина стали клиентами его компании, и как ему платили, чтобы в их интересах была “модифицирована” картина гражданской войны в Югославии, то есть искажена истинная картина конфликта в полном объеме.

Фирма располагала картотекой, содержащей несколько сотен влиятельных имен, по адресам которых они направляли свои версии событий. “Мы можем, – откровенно говорил Харф, – за несколько минут разослать четкую информацию всем, кто, по нашим расчетам, отреагирует. Наше ремесло – посеять информацию, чтобы она как можно быстрее циркулировала, чтобы тезисы, благоприятные для нашего дела, были первыми, получившими распространение. Скорость – существенный фактор.

Если какая-то информация представляет ценность для нас, мы должны сразу же внедрить ее в общественное мнение, потому что мы хорошо знаем, что в расчет принимается первая информация. Опровержения не приносят результата... Важно обращаться к нужным личностям..."(35, с.94-95). С помощью электронной техники фирма обслуживала несколько сотен ведущих политиков в Европе и Америке, журналистов, руководителей гуманитарных организаций, профессоров в университетских центрах, фильтруя информацию и в считанные минуты поставляя нужные сведения нужным людям. Только за три месяца было организовано 30 целевых бесед с издателями ведущих газет, направлено тринадцать эксклюзивных материалов, 37 факсов по горячим следам событий, 17 официальных писем и 8 официальных заявлений. Фирма обеспечила рабочие контакты боснийских властей в США – с вице-президентом Гором, госсекретарем, семнадцатью влиятельными сенаторами (35, с.95).

Больше всего директор компании гордился тем, что ему удалось привлечь на сторону хорватов и мусульман часть влиятельных лиц еврейского происхождения. Это было очень трудным делом, т.к. в антисемитизме могли обвинить как раз и Ф.Туджмана, и А.Изетбеговича. История давала достаточно оснований для таких опасений. Как подчеркивал сам Д.Харф, «жестоким антисемитизмом была отмечена история Хорватии и Боснии. Более десяти тысяч евреев было ликвидировано в хорватских лагерях». Тем не менее фирме удалось внедрить «блеф» о существовании лагерей, которые умело и неназойливо были названы «концентрационными», в умы еврейских организаций. Уже после этого легко было сравнить сербов с нацистами и заручиться поддержкой еврейских организаций в антисербской борьбе (35, с.96). Д.Харф был особенно доволен, что ему удалось внедрить в общественное мнение ряд штампов, таких, как "концлагерь", "геноцид", "массовые изнасилования", которые очень помогли «профессионально» выполнить свою работу.

Не только эта фирма, но и многие СМИ вольно или невольно создавали стереотипы и закрепляли их в сознании читателей и слушателей. Американский журналист Петер Брок обработал 1500 статей из газет и журналов в 1992 г., опубликованных различными агентствами новостей на Западе, и пришел к выводу, что соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1 (29). Журналист Д.Оуэн описал в лондонском журнале «Europa

time» в сентябре 1994 г. реакцию редактора журнала, когда он прочитал его сообщение из Боснии: «Очень хорошее, но разве оно не могло быть больше антисербским?» – «Почему?» – «Потому, что большинство газет на этой неделе антисербски настроено...» (18, с.38).

Односторонняя картина происходивших событий и их причин, отразившаяся в средствах массовой информации, привела к тому, что в общественном мнении сложился устойчивый стереотип причин и содержания происходивших на Балканах событий.

Назовем основные направления создания стереотипов:

1. Показать начинающийся конфликт как борьбу между демократией (Словения, Хорватия) и коммунистической диктатурой (Сербия, Югославия). Отсюда вытекал вывод, что демократии надо помочь, ведь Запад всегда готов поддержать демократию.
2. Создать образ руководителей Югославии как ортодоксальных коммунистов, последний оплот коммунизма, с которым надо бороться.
3. Создать образ виновного за конфликт. Постепенно он перерос в образ врага. Им стала Сербия и, соответственно, сербы. Большинство материалов СМИ Запада и Восточной Европы (в 1991 и 1992 гг. исключением не была и Россия) составляли перепечатки и пересказы других информационных агентств. Газеты пестрели заголовками: “Сербию надо поставить на колени”, “Убийцы Сараево”, “Бандиты на Балканах”.
4. Подготовить повод для наказания агрессора. Взрыв в очереди за хлебом в Сараево (май 1992 г.) повлек за собой введение санкций против СРЮ, взрывы на сараевском рынке Маркале (февраль 1994 г. и август 1995 г.) стали поводом для воздушных ударов НАТО. Хотя позже было доказано, что сербы не совершали этих акций, они уже были сурово наказаны.

Для многих журналистских публикаций, посвященных событиям на Балканах, было характерно изображение сербской стороны как агрессора и виновника войн в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а мусульман и хорватов как слабо вооруженных, терпящих постоянные поражения и не получающих должной поддержки Запада вследствие эмбарго на поставку оружия.

Такая же трактовка событий содержалась и в целом ряде исследовательских работ, вышедших на Западе (39; 33).

Преобладающей была точка зрения, что «одна нация в рамках многонациональной Югославии – сербы, под руководством президента бывшей республики Сербии Слободана Милошевича решила создать, при поддержке Югославской народной армии, Великую Сербию» (39, с.18). Для этого они решили занять территории соседних Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, «прогнав и убив все несербское население». «Этой позиции придерживалось и правительство Соединенных Штатов, часть американской политической и интеллектуальной элиты, хотя, – признает С.Вудворд, – на такую позицию повлияли Австрия, Словения и Хорватия, а позже – Германия» (39, с.19). Такая точка зрения стала основой для политики США, которые идентифицировали С.Милошевича с «новым Гитлером». Нарушение норм цивилизованного поведения, по мысли руководства США, должно было быть должным образом наказано. Изоляция такого лидера от мирового сообщества и уменьшение опасности его агрессии предполагалось осуществить с помощью целого ряда мер: «политического исключения из международных организаций, дипломатической изоляции, экономической изоляции путем введения торговых санкций и эмбарго на ввоз оружия, установления зон, запретных для полетов, угрозы авиаударов...» (39, с.19). Эту точку зрения выражал и посол США в Югославии У.Циммерман, который пишет в своей книге, что главная вина лежит на С.Милошевиче, «который осуществлял стратегию, приведшую страну к распаду и явившуюся причиной смерти сотен тысяч жителей Югославии» (40, с.246). Авторы большинства книг, написанных на Западе, не использовали литературу, написанную на сербско-хорватском языке, вообще игнорировали такой вид материалов как документы стран-участниц конфликта, не стремились разобраться в причинах и сути происшедшего.

Журналистов, выступавших против сложившихся стереотипов, было сравнительно немного. Они пытались найти сбалансированный подход и возложить ответственность за продолжение войны на всех участников конфликта, в том числе и на "мировые державы". Уже упоминавшийся Ж.Мерлино (34), обозреватель "Цайт" М.Тумман (38), американский журналист Петер Брок (29; см. также 32; 36), Арнольд Шерман (37), англичанин Йосеф Бодански (28), австриец Петер Хандке (31) и другие журналисты указывали на односторонность освещения балканского

конфликта, вскрывали механизмы дезинформации, критиковали своих коллег за предвзятость в освещении балканского кризиса.

Сегодня еще много вопросов, связанных с балканским кризисом, остается без ответов. Не все документы доступны ученым. Еще молчат многие участники событий. Но стремление к всестороннему рассмотрению происходившего на Балканах подкрепляется большим количеством появившихся в последнее время новых источников, так необходимых исследователям — сборников документов, дневников и воспоминаний руководителей переговорного процесса, дипломатов и военных, участвовавших в операции международных сил на территории бывшей Югославии, свидетельств очевидцев. Важнейшими из них являются документы ООН, в частности, Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН, доклады Генерального Секретаря. Они до сих пор так и не стали предметом тщательного анализа ученых.

В России не существует обобщающего труда по истории югославского кризиса конца XX века. Представленный материал рассматривает лишь один аспект сложного комплекса проблем распада федерации — вооруженные столкновения на территории Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины¹. Впервые в российской историографии автор использует большое количество новых материалов, опубликованных в США (документы ООН), Югославии, Республике Сербской, Республике Сербской Краине, Хорватии, Боснии и Герцеговине. В соответствии с обозначенной выше целью работы, вводится в научный оборот большое количество югославских источников, практически не использовавшихся в научных работах, выходящих в разные страны. Автор надеется, что данная хроника, как и другие опубликованные работы российских югославистов (2-17; 20-27; 30) является вкладом в мозаику общей сложной картины балканской трагедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатовић Љ. Генерал Младић.-Београд,1996.-336 с.
2. Валев Э.Б. Югославский клубок //География.-М.,1996.-№ 5.-С.1-7,9; № 7.-С.1,8-9,14,15; № 9.- С.8-9; № 13.-С.2-4; № 15.-С.7-9; № 19.-С.10-11.

---

¹Здесь не анализируются вопросы военных преступлений в ходе вооруженных столкновений ввиду сложности проблемы, требующей специального исследования.

3. Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история.- М.,1994.-№ 4.-С.3-32.
4. Гуськова Е.Ю. Балканская трагедия: 90-е годы XX века// Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий).-М., 1994. - С . 292-316.
5. Гуськова Е.Ю. Кризис на Балканах и позиция России: Предисловие// Югославский кризис и Россия.-М, 1993.-С.40-54.
6. Гуськова Е.Ю. Новые государства на Балканах: Первые шаги на пути самостоятельности.- М.: ИНИОН, 1996.- 66 с.
7. Гуськова Е.Ю. От тоталитаризма к демократии: первые итоги выборов на многопартийной основе.- М.:ИНИОН,1991.-52 с.
8. Гуськова Е.Ю. Основные направления внешней политики России и балканский кризис // Обозреватель.-М.,1995.-№ 13.-С.32-37.
9. Гуськова Е.Ю. Политический ландшафт новой Югославии.-М.: ИНИОН,1996.- 42 с.
10. Гуськова Е.Ю. Распад югославской федерации// Россия и современный мир. - М., 1993.—№ 2.-С.13-33.
11. Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: От Бриони до Дейтона (мирные планы 1991 - 1995 гг.) .- М.: ИНИОН,1998.- 68 с.
12. Давыдов Ю.П., Приходько О.В., Смирнов П.Е. Югославский кризис: интернационализация или интервенция ? // США: Экономика, политика, идеология.-М., 1993.- № 8.-С.50-60.
13. Князев В.К. Трагическая судьба Югославии предупреждает // Федерализм.-М., 1996.-№ 3.-С.139-154.
14. Куликова Н.В, Милованов В.С. Балканский кризис и Дейтонское соглашение // Правила игры.—М., 1996.—№ 1.—С.100—126.
15. Куликова Н.В, Милованов В.С. Дейтонское соглашение — путь к миру ? // Федерализм.—М., 1996.—№ 3.—С.155—176.
16. Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта //Вопросы истории. — М., 1994.—№ 5.—С.40—56.
17. Мартынова М.Ю., Кошуба М.С. Новая этнополитическая карта Балкан.-М.,1995.- 164 с.
18. Оуэн Д. Непонимание кризиса на Балканах // Сербия. - Белград, 1994.- № 12.- С.37-38 (Перепечатка из журнала «Еуропа time», London).
19. Станичић С. Луис Мекензи, генерал УНПРОФОРА који је морао да оде //Политика.-Београд, 1993.- 5 мај.-С.21
20. Тягуненко Л.В. Уроки Дейтонских соглашений // Свободная мысль.- М., 1997.- № 2.- С. 18-29.
21. Тягуненко Л.В. Легко ли быть первопроходцем: О некоторых уроках хозяйственной системы Югославии // Вопр. экономики.- М., 1991.- № 5.-С.135-145.

22. Тягуненко Л.В. Что происходит в Югославии?: (Мировое сообщество обязано вмешаться) // Независимая газ.-М., 1991.-11 июля.-С.4.
23. Тягуненко Л.В. Волобуев П.В. Старых друзей не бросают: Не ужесточать, а отменять санкции против Югославии // Правда.- М., 1992.- 16 сент.- С.3.
24. Тягуненко Л.В. Волобуев П.В. Рискованный обгон: (Что за спешка с признанием Хорватии) // Правда.- М., 1992.- 26 февр.- С.3.
25. Тягуненко Л.В. Волобуев П.В. Сербский вопрос и интересы России // Моск. новости.-М., 1992.- 21 июня.- № 25.-С.13.
26. Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990-1992).- М.,1992.-372 с.
27. Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии.- М.,1993.-504 с.
28. Bodansky Y. Offensive in the Balkans.-L., 1995.- 117 p.
29. Brock P. Dateline Yugoslavia: the partisan press// Foreign policy.-L., 1993/1994.-N 93.- P.152-172.
30. Guskova J. Jugoslovenska kriza i Rusija.- Beograd: Inst. za medunar. politiku i privredu, 1996.- 404 s.
31. Handke P. Eine winterliche Reise zu den flüssen Donau, Save, Morawa und Drina.- Frankfurt am Main: Suhrkamp,1996.-136 p.
32. Influence of the Brock Analysis. Editor's Note // Media Warfare: The Serbs in Focus. - Belgrade, 1995. - P.32.
33. Magas B. The destruction of Yugoslavia.-L.:N.Y.: Verso, 1993.-366 p.
34. Merlino J. Le vérités yougoslaves ne sont pas toutes bonnes a dire.-P.: Albin Michel, 1993.- 265 p.
35. Merlino Ž. Istine o Jugoslaviji nisu sve za priču / Prevod s francuskog.- Beograd: Kontekst, 1994.- 204 s.
36. Shaltan J. It's Absurd to Deny Media Bias Against the Serbs // Media Warfare: The Serbs in Focus. - Belgrade, 1995. - P.34-35.
37. Sherman A. Perfidy in the Balkans.- Athens, 1993.-326 p.
38. Thumman M. The War reporter's war// Media Warfare: The Serbs in Focus. - Belgrade, 1995.- P. 120.
39. Woodward S. Balkan tragedy: Chaos and dissolution after the cold War.- Washington: Brookings Inst., 1995.-485 p.
40. Zimmermann W. Izvori jedne katastrofe / Prevod s engleskog.- Zagreb: Globus, 1996.- 312 s.

ОТДЕЛЕНИЕ СЛОВЕНИИ

Словения была самой высокоразвитой в экономическом отношении республикой СФРЮ. На Словению приходилось более 17% производимого в стране общественного продукта, 19% промышленного и 7% сельскохозяйственного производства. Здесь производилось около 30% всех югославских грузовиков, 50% автобусов, почти 30% холодильников, свыше 40% телевизоров. Однако экономический кризис, охвативший страну, имел серьезные последствия и для Словении: около 800 предприятий находились на грани финансового краха, росло число безработных, ощущалась нехватка валютных средств, падал уровень жизни (5, с.16).

Общее состояние федеральных органов, близкое к полному параличу, сделало возможным быстрое осуществление идеи Словении об отделении от Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ). Представители Словении требовали самостоятельности во всех структурах – в Союзе коммунистов Югославии (СКЮ), в Президиуме СФРЮ, в Союзной Скупщине, в правительстве, в руководстве Югославской народной армии (ЮНА). Опираясь на национальную идею, лидеры Словении стремились сплотить народ вокруг проведения политики на отделение республики, даже ценой жертв и страданий. Культивировалась идея, что в истории Словения всегда боролась за свою самобытность – и против австро-венгерской монархии, и против наполеоновских полчищ. Подчеркивалось, что в «первой Югославии» Словения не чувствовала себя по-настоящему свободной, а при Тито пребывала “под властью Белграда”, “висела на конце телефонного провода, идущего из ЦК СКЮ” (5, с.14). Националистические круги и лидеров Словении раздражало

постоянное вмешательство центра в республиканские дела, сербское руководство казалось им преисполненным великодержавными амбициями. Отношения осложнились после экономического бойкота словенских товаров, который в конце 1989 г. организовала Сербия в ответ на закрытие словенским правительством границы для сербов и черногорцев из Косова, которые хотели провести в Любляне митинг против их притеснения в Косове. Серьезной критике подверглось решение центра изъять из денежного обращения федерации 18, 2 млрд. динаров, что негативно отразилось на положении дел во всех республиках, в том числе и в Словении.

Словения в течение 1990 г. и первой половине 1991 г. осуществила ряд акций, направленных на достижение большей самостоятельности — потребовала, чтобы словенские солдаты отбывали срок службы только в Словении, а частями, расположенными в Словении, командовали бы только офицеры-словенцы; 8 марта 1990 г. из названия республики было изъято слово “социалистическая”, в июле того же года Скупщина приняла решение о переподчинении отрядов территориальной обороны словенскому правительству; 2 июля 1990 г. парламент принял Декларацию республики о независимости. Как отмечал в своих дневниках Б.Йович в августе 1990 г., словенцы никак не реагировали на предложение Президиума СФРЮ разработать закон об отделении республик и твердо решили идти до конца даже ценой столкновения и войны. “Об этом дали особо доверительную информацию делегатам республиканской скупщины... Разработали все варианты столкновения вплоть до ввоза оружия из-за границы и вооруженного отпора” (4, с.174). В октябре 1990 г. Скупщина Словении объявила, что на территории республики не имеют законной силы 27 союзных законов, а впредь ни один закон без одобрения Скупщины применяться в республике не будет.

23 декабря 1990 г. был проведен плебисцит, на котором 88, 5% населения высказалось за отделение от Югославии. Через несколько дней после проведения референдума председатель Скупщины Словении Ф.Бучар на совместном заседании палат официально провозгласил Словению самостоятельным государством. 31 января 1991 г. была принята Декларация об отделении. В середине января следующего года председатель правительства Словении А.Петерле, выступая в парламенте, отметил, что “республика вступила в ключевую и самую сложную фазу борьбы за самостоятельность” и подчеркнул необходимость

“принять целый свод законов, которые необходимы самостоятельному, суверенному, независимому государству” (5, с.10). Речь шла: а) о достижении как можно большей самостоятельности в сфере экономической деятельности, о создании своей кредитно-денежной и банковской системы, проведении самостоятельной налоговой политики; б) о переводе в ведение республиканских органов большинства вопросов, связанных с функционированием систем территориальной и народной обороны; в) о реализации комплекса мер, обеспечивающих Словению полную самостоятельность в проведении внешней политики.

В начале 1991 г. в Словении разрабатывалась концепция увязки платежных средств республики с одной из твердых западноевропейских валют с последующим введением собственной денежной единицы, определялись размеры налога с оборота, таможенных пошлин и т.д. Словения в одностороннем порядке сократила взносы в федеральный бюджет, объявила недействительным для республики Закон о фонде для слаборазвитых республик и ряд других законов.

20 февраля 1991 г. Словения приняла поправку к Конституции, согласно которой республика становилась самостоятельным государством, а в начале марта наложила мораторий на призыв словенских юношей в югославскую армию.

Жесткая критика ЮНА, начавшаяся в конце 80-х годов, требования предоставить возможность словенским солдатам служить только в своей республике, а федеральными воинскими подразделениями, расположенным в Словении, руководить только словенским офицерам постоянно вносили осложнения во взаимоотношения между Словенией и ЮНА. Это позволило легко внедрить в сознание не только словенцев, что югославская армия “окупировала” Словению, и начать борьбу с ней. Параллельно Словения создавала свои военизированные отряды в рамках существовавшей территориальной обороны (ТО).

Уже в начале февраля 1991 г. печать констатировала, что “территориальная оборона в Словении – это более не составная часть вооруженных сил СФРЮ, а часть национальных вооруженных сил республики” (5, с.11). В Словении создавалась не подчиненная руководству ЮНА национальная гвардия. Министр внутренних дел Словении И.Бовчар, выступая в парламенте, советовал призывникам не реагировать на повестки о призыве в ряды ЮНА, если на них нет штампа словенских властей. Было объявлено, что

рекруты будут нести службу только на территории Словении. Создавалась и собственная служба разведки. Зимой 1991 г. в печати появились сведения о закупках Словенией оружия¹ за рубежом (5, с.11). В словенских средствах массовой информации часто повторялась мысль об угрозе Словении со стороны ЮНА. А вот как описывала ситуацию создания антиармейской атмосферы в Словении сараевское “Освобождение”: “Все здесь обвиняют ЮНА в том, что она готовится утопить в крови молодую словенскую демократию. Министр внутренних дел И.Бовчар разглагольствует о провокациях со стороны народной армии на очередном заседании республиканской скупщины. О каких именно провокациях идет речь, он не говорит, умалчивает он и о том, где и когда провоцировала кого-либо армия, но тем не менее его выступления достаточно, чтобы возбужденные толпы людей бросились в магазины и стали лихорадочно скупать соль, масло, муку, консервы и другие продукты, пригодные для длительного хранения... Был случай, когда распространился слух, что танки ЮНА – на подступах к городу, и репортеры уже ринулись по указанным им адресам, не обнаружив там, разумеется никаких танков. Был и другой случай, когда среди жителей Любляны пронесся слух, будто колонны ЮНА маршируют по центру столицы, и вновь журналисты поспешили в “горячую точку”, но обнаружили там лишь вполне мирную улицу с открытыми магазинами, учреждениями, банками...” (цит по: 5, с.12).

Словения настойчиво стремилась и к внешнеполитической независимости. В беседе с корреспондентом ТАСС Ю.Корниловым секретарь по иностранным делам Словении Д.Рупел отмечал, что в республике уже реализуется план самостоятельного выхода страны на международную арену. Так, в декабре 1990 г. в Союзный секретариат по иностранным делам (ССИД) уже было направлено официальное послание о необходимости усиления влияния республик на принятие внешнеполитических решений. В нем отмечалось также, что союзное руководство должно “рассматривать словенцев – сотрудников ССИД как официальных представителей словенской внешней политики и словенских национальных интересов” (5, с.13). Параллельно готовилась почва для международного признания Словении. “Процесс международного

---

¹ Словения и Хорватия закупали оружие за рубежом, поскольку внутренние ресурсы строго контролировались руководством ЮНА.

признания Словении уже начался, и мы убеждены, будет продолжаться нарастающими темпами, – говорил Д.Рупел.- Словения уже сегодня имеет своих официальных представителей в Будапеште, Вене, Риме. В Вашингтоне наши интересы представляет открытое в октябре 1990 года “Бюро по внешнеполитическим, экономическим и культурным связям Словении и США”, в Москве аналогичные функции возложены на директора московского представительства нашей крупнейшей торгово-промышленной фирмы “Словениялес”, который вправе, когда это требуется, выступать от имени правительства республики...” (5, с.13). А.Петерле направил в конце января письмо в адрес госсекретаря США Дж.Бейкера, в котором утверждалось, что руководство СФРЮ готовится расправиться “с молодыми демократиями – Словенией и Хорватией”, поэтому Словения будет “защищать свою молодую демократию всеми возможными способами” (5, с.18). Во время визита в Рим председатель Президиума Республики Словении М.Кучан вел активные переговоры с председателем Совета министров Дж.Андреотти, министром иностранных дел Дж. де Микелисом, был принят президентом Ф.Коссигой. Он подчеркнул на пресс-конференции, что к 26 июня Словения “возьмет на себя функции власти на всей своей территории”, которые в настоящее время принадлежат федеральному правительству. В этот день будет принята политическая декларация, в которой будет объяснено, какой тип государства собирается создать Словения, какие отношения она будет поддерживать с другими республиками и каким образом станет членом международного сообщества. При этом словенский лидер подчеркнул, что республика намерена “действовать постепенно, не сжигая всех мостов” (11).

В самой республике предусматривали возможность военных действий. Министр обороны Хорватии М.Шпегель пишет в предисловии к книге Я.Янши, что контакты между министрами обороны Хорватии и Словении были частыми, что они «вместе готовили оборону республик..., вместе анализировали опасность, которая может нам грозить...» (15, с.66). Между Хорватией и Словенией был подписан «договор о совместной подготовке к обороне». Менее известно, пишет М.Шпегель, что «я разрабатывал план совместной обороны Словении, Хорватии и БиГ» в марте-апреле 1991 г. (15, с.III). У военных министров двух республик были и одинаковые оценки возможностей и слабостей ЮНА: они полагали, что армия Югославии слаба и неспособна преградить путь

к самостоятельности республик. Самое большое внимание при своей оценке министры уделяли человеческому фактору, расстоянию и времени. Они пришли к выводу, что в Сербии население слишком «старое» и нет молодежи, способной воевать. При этом учитывалось, что в 1990 г. среди восемнадцатилетних солдат в Северо-Западной армии 30% составляли албанцы, 20 – хорваты, 8 – словенцы, 10% – мусульмане. Сербов было 15-20%, большинство из которых, утверждали министры, не готовы были жертвовать своими жизнями (15, с.V). Словения располагала временем для технической и организационной подготовки «к встрече агрессора». Министр обороны Янез Янша описывает в своей книге, как из республиканской территориальной обороны (ТО) создавались вооруженные силы Словении. Подготовка к этому началась еще в 1990 г., когда Скупщина Словении приняла конституционные поправки к республиканской Конституции, согласно которым ТО в чрезвычайных обстоятельствах, («в случае внутренних столкновений в Югославии») переходит в подчинение Президиума Республики. Во главе ТО были поставлены новые люди. Осенью 1990 г. началась реорганизация ТО. Надо было решить проблему с материальным оснащением ТО, вооружением. В сентябре 1990 г. Словения не послала в ЮНА новобранцев и не перечислила в бюджет деньги – налог на армию. Эти 300 млн. динаров пошли на закупку оружия для ТО, вспоминает Я.Янша (15, с.66). Затем были разработаны оперативные планы «на случай агрессии ЮНА». В руководстве ЮНА среди высших офицеров были люди, информировавшие Словению обо всех самых важных решениях в армии. Реорганизации подверглась и служба республиканской безопасности (на должности ставили лояльных Словении людей), милиция.

Министр обороны Словении разработал «Возможные варианты раздружения¹ с военной точки зрения». Этот прогноз состоял в следующем (15, с.91):

«I вариант. Раздружение по договору.

II вариант. Попытка насильственным путем помешать раздружению.

1. простой вариант,
2. грубый вариант.

---

¹Термин «раздружиться» предложила Словения, подчеркивая, что она не отделяется от СФРЮ, а добровольно перестает находиться в составе югославского содружества.

III вариант. Преимущественно одностороннее раздружение.

1. оперативная подготовленность,
2. частичная мобилизация и пассивная помощь,
3. общая мобилизация и активная помощь,
4. комбинированный вариант.

В вариантах III 1), 2), 3) – федерация отвечает употреблением силы».

Каждый из этих вариантов был детально расписан по часам и минутам. Документ обсуждался на совещаниях разного уровня. Я.Янша пишет, что пришлось применить на практике комбинацию этих вариантов. Но первый вариант, который предполагал отделение в течение трех лет, был зачитан журналистам 20 мая, хотя в руководстве Югославии серьезно не обсуждался.

В военном руководстве СФРЮ также готовились к отделению Словении. В январе 1991 г., как вспоминает полковник Берислав Попов, в Главном штабе ЮНА был разработан вариант военного плана на случай отделения Словении. Он включал в себя необходимость закрытия границы с Австрией и Италией и защиты целостности СФРЮ. Никто тогда не верил, что план придется осуществлять через несколько месяцев, но в самых неблагоприятных условиях (7, с.51).

Таким образом, серьезная подготовка к отделению и возможному столкновению с армией Югославии шла полным ходом именно тогда, когда политическое руководство вело переговоры о будущем Югославии, когда Словения предлагала конфедеративные варианты устройства содружества. Ничто уже не могло остановить Словению от решительного шага – отделения от СФРЮ. Возможно, лишь отрицательная позиция Запада. Поэтому военное и политическое руководство Словении в феврале 1991 г. активно занималось внешнеполитической деятельностью по «прощупыванию» позиций отдельных стран и международных организаций, включая НАТО. Как отмечает Я.Янша, весной 1991 г. отделение Словении не поддерживали ни США, ни НАТО, ни ЕС. Однако, известно, что Германия и Австрия готовы были признать самостоятельность двух республик.

Министр обороны Словении пишет, что уже в июне было ясно, что ЮНА не будет способна послать против Словении и Хорватии большие силы. Речь будет идти лишь о небольших акциях в отдельных местах (15, с.123). Любопытно, что в день провозглашения независимости Хорватии Ватикан предупредил

С.Месича, что Словения будет оккупирована Югославской армией (16, с.49).

19 июня Скупщина Словении, не останавливаясь на пути к самостоятельности ни на один день, обсуждала вопрос о новых государственных символах.

В день провозглашения независимости, 26 июня 1991 г., словенское руководство взяло под свой контроль границы республики и воздушное пространство, таможенные пункты. Причем, это произошло очень быстро, пока депутаты еще пили шампанское в здании Скупщины после торжественной церемонии, и рассматривалось как акт «передачи власти». 26 июня, как вспоминал один из помощников премьер-министра СФРЮ А.Марковича, у того состоялся разговор со словенским коллегой Петерле. А.Маркович убеждал его в том, что Словения совершила агрессию против Югославии, которая является международно признанным субъектом: «а вы с помощью полиции и армии заняли таможи... Вы должны уйти, оставить объекты» (21, с.114). Они договорились о встрече в Белграде 27 июня. Но встреча не состоялась – уже были разосланы президентом М.Кучаном телеграммы руководителям государств и генеральному секретарю ООН, в которых сообщалось о решении Скупщины Словении провозгласить независимость и суверенитет.

Вопрос, кто же отдал распоряжение о защите югославских границ союзными войсками, долго обсуждался в официальных и неофициальных кругах Югославии. Предраг Ташич объясняет ситуацию так: «Решение о защите югославских границ Союзное исполнительное вече приняло 26 июня рано утром, мне кажется, в два часа ночи. Заседание правительства началось накануне вечером в половине десятого. Решение о защите югославских границ подготовили соответствующие компетентные союзные органы, а разъяснение дал министр полиции Петар Грачанин» (21, с.115). Целью предлагаемых мер была «защита территориальной целостности СФРЮ., обеспечение свободного движения по всей государственной территории». Предраг Ташич публикует в своей книге протокол заседания правительства в ночь с 25 на 26 июня. Большинство министров высказалось за меры, направленные на защиту целостности страны. Но опасность виделась в возможных столкновениях, которые могли привести к жертвам. Министр иностранных дел СФРЮ Б.Лончар сказал, что ему звонили министры иностранных дел Италии и Германии – Джанни де

Микелис и Ганс-Дитрих Геншер, которые предупредили, что если в Словении дойдет до столкновения, то единство югославской федерации больше не будет поддерживаться международным сообществом. Другие иностранные политики также советовали избегать насилия при попытке сохранить единство страны (21, с.115, 178). Члены правительства оказались перед дилеммой – как пойти на защиту целостности страны, но не использовать при этом армию? Анте Маркович зачитал членам правительства информацию, которая поступила из Словении. В ней говорилось, что председатель словенской Скупщины Ф.Бучар заявил в Любляне: «Ожидается реакция союзных властей. ... Ожидается, что решения Союзного вече Скупщины СФРЮ будут иррациональными и неврастеничными. Это свидетельствует о том, что у них нет стратегии, как парировать словенские меры» (21, с.116). Правительство приняло решение признать акт Словении односторонним, угрожающим территориальной целостности Югославии. Правительство осудило решение словенского руководства взять на себя все функции Федерации на словенской границе, таможене и авиалиниях, установить с Югославией государственную границу. В соответствующие органы были отправлены директивы об усилении контроля на границе; и в частности, запрещалось устанавливать пропускные контрольные пункты на внутрифедеративной границе.

Принятое ночью решение касалось «непосредственного обеспечения исполнения союзных законов о переходе государственной границы на территории Республики Словении». Союзному секретариату внутренних дел в сотрудничестве с Союзным секретариатом по народной обороне поручалось обеспечить контроль за контрольными пунктами перехода границы, с помощью пограничных частей ЮНА обеспечить государственные границы. Способы исполнения решения должен был определить Союзный секретарь (министр) внутренних дел (21, с.116).

Сегодня уже можно со стопроцентной уверенностью сказать, кто отдал армии приказ. В книге профессора генерал-полковника Н.Чубры описывается подробно процесс принятия решения по вопросу активизации войск в Словении. В то же раннее утро 26 июня в комнате № 221 Генерального штаба состоялось совещание представителей Союзных секретариатов по народной обороне, внутренних дел и Таможенного комитета, которые решали вопрос о способах исполнения решения правительства. Начальник Генерального штаба генерал Б.Аджич детально рассказал о планах

действия всех собравшихся служб, особенно ЮНА, по мирному или вооруженному занятию пограничных переходов. «О возможности общего вооруженного нападения на части ЮНА и военные объекты на территории Словении речи не шло. Очевидно, что ничего подобного не предвиделось», – вспоминает генерал (10, с.130).

27 июня рано утром А.Марковича разбудил звонок из Словении. М.Кучан взволнованным голосом сообщил, что танки ЮНА вышли из казарм и направились к словенской границе. Кто отдал приказ о выступлении? Все сделали вид, что ничего не знают.

Анте Маркович, последний премьер-министр СФРЮ, экономист-реформатор, позже обвиненный в том, что именно он отдал приказ войскам наступать в Словении, писал: "Что касается отделения Словении и так называемой войны, у меня сложилось очень ясное мнение. Прежде всего, Словения заняла пограничные пункты суверенного государства Югославии, и поэтому интервенция ЮНА была оправдана. Другое дело, как и каким образом дошло до интервенции. Думаю даже, что *речь шла о договоре руководства Словении и Сербии* об инсценировке нападения. Неужели Вы думаете, что генералы в Белграде были настолько неумными, что пошли в наступление практически с танками без боеприпасов и безусыми юнцами? О походе танков ЮНА в Словению я узнал только в четверг, 27 июня 1991 г. около пяти часов утра, когда мне, единственному в Белграде., позвонил по телефону Кучан. Сразу после этого я позвонил Кадиевичу...¹ Точное содержание разговора пусть останется для моих мемуаров. Вы можете сделать вывод по тому, что не произошло со Словенией. Знаю, что на следующий день генералы хотели бомбардировать отдельные цели в Словении, особенно Любляну. Этому, естественно я воспротивился" (17).

Приказ взять под контроль 35 контрольных пограничных переходов аэродрома Брник, порта Копар, где осуществлялась международная связь², отдавался командованием ЮНА в соответствии с решениями правительства. Для этих целей выделялось 1990 военнослужащих, из которых 400 – из подразделений внутренних дел, 270 таможенников. Этим подразделениям ставилась задача строго ограниченного характера. При этом руководство Словении было поставлено в известность,

---

¹ Министр обороны СФРЮ.

² Согласно данным В.Кадиевича, подразделения ЮНА за 48 часов заняли 133 из 137 объектов на границе (6, с.117).

правительство просило их содействия. Получив утром 26 июня решение союзного правительства, руководство Словении посчитало его «официальным объявлением войны» (15.с.133).

Словенское руководство оценило деятельность ЮНА как чистую агрессию. Президент М.Кучан срочно послал письма руководителям входивших в федерацию республик — А.Изетбеговичу, М.Булатовичу, С.Милошевичу, К.Глигорову и Ф.Туджману: “Это акт агрессии и попытка длительной оккупации независимой Республики Словении...” (16, с.49—50, сноска). В Хорватии военную операцию несколько обтекаемо назвали “внутренней агрессией доминирующей страны против вассальной территории” (19, с.22). Президент Хорватии полностью поддержал М.Кучана в его оценке действий ЮНА (16, с.50, сноска). Следует подчеркнуть, что Хорватия стремилась по срокам совместить процесс отделения Хорватии и Словении, и даже основные даты объявления независимости и самостоятельности в этих республиках совпадали. Но когда Словения ждала военной и материальной помощи от Хорватии во время столкновений с ЮНА, она ее не получила. Министр обороны Словении Я.Янша писал об обнаружившейся в те недели «близорукости хорватов». Тщетно Я.Янша добивался от Загреба солидарных действий со Словенией, указывая, что следующей жертвой ЮНА станет Хорватия, независимо от того, кто выйдет победителем из войны в Словении. «Хотя Хорватия и координировала все предпринимаемые ею шаги по отделению со Словенией, но действовала так, будто в соседней республике не ведется никаких военных действий» (18, с.5). Ф.Туджман даже не обещал М.Кучану, что не пропустит войска ЮНА через свою территорию (15, с.133). На словах Загреб поощрял сопротивление Словении, однако на заседании Президиума СФРЮ 15 июля единственным выступившим против вывода ЮНА из Словении был представитель Хорватии С.Месич. Хорватия опасалась, что в случае вывода войск из соседней республики, их могут употребить в Хорватии для защиты сербов Краины.

Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резерв территориальной обороны. Югославские пограничники были изолированы, им не разрешалось осуществлять свои функции, дороги баррикадировались. Неожиданно военные ЮНА столкнулись с ситуацией, когда все словенцы стали относиться к ним как к оккупантам, хотя армия не давала ни малейшего повода для этого, не стремилась употреблять оружие.

В 9-00 27 июня 1991 г. ЮНА с территории Хорватии и Словении начала движение маршем самыми короткими дорогами в сторону пограничных переходов. Уже в Хорватии в Чаковаце и Ястребарске были сооружены баррикады, которые значительно задержали колонны с техникой. На территории Словении дороги были блокированы словенскими добровольцами и военными, перегорожены баррикадами, на югославских военных начались нападения. Янез Янша отдал приказ «осуществить наступательные действия против сил и объектов оккупантов» (15, с.147).

Полковник Берислав Попов, 27 июня получивший задание двигаться в направлении Вараждин – Ормож – Горня Радгона – государственная граница – вспоминает, что на границе со Словенией на мосту была возведена баррикада из строительных блоков. Пришлось вести переговоры со словенскими военными, которые не хотели разбирать завалы. Более того, они начали стрелять по югославским солдатам. Б.Попов приказал открыть ответный огонь, а затем был вынужден искать обходной путь. Никто из военных не знал, что в Словении началась война. Когда под утро колонна оказалась около села Вержай, их встречала “живая стена” из жителей села, которая не хотела пропускать армию. Были там и женщины, и дети, и старики. Выстрелы в воздух разогнали толпу, и колонна двинулась дальше, неоднократно попадая в засады, перекрестный огонь. Танки отвечали ответными выстрелами. То тут, то там завязывался настоящий бой. Словенцы особенно упорно защищали подходы к границе. Привлекалось и мирное население, которое бросало бутылки с зажигательной смесью. К четырем часам 28-го июня три отряда 32-ой механизированной бригады встала на границе. Они понесли большие потери – 17 человек было ранено, 5 погибли, 5 попали в плен, уничтожено 22 единицы военной техники. 29 начались переговоры со словенцами, и, казалось, мир был достигнут. Но 2 июля на пограничный пост началось наступление. Б.Попов получил приказ отступить назад, в вараждинскую казарму (7, с.52-53).

28 июня в 15-00 армия установила контроль над всеми пограничными пунктами, выполнив поставленную задачу, хотя перестрелка длилась до вечера. Продолжалась и блокада казарм, нападение на караулы, военные объекты, провокации, аресты и нападения на югославских военных и членов их семей.

По оценке Словении, “эта война не является гражданской, то есть войной между отдельными слоями одного и того же народа.

Это война между двумя народами при явных экспансионистских посягательствах на историческую территорию одного из заинтересованных государств... Речь идет не о борьбе за власть в рядах партии, а о подлинном конфликте между демократическим выбором, ориентированным на Европу, и устаревшей моделью, которая вела к войне” (6, с.7). Так говорил М.Кучан в интервью одной из западных газет. Так начала складываться концепция агрессора в югославском конфликте, теория виновного за развязывание военных действий. Словенский историк Йоже Пирьевец называет события в Словении попыткой «блицкрига» ЮНА, приостановленного «неожиданным успехом январских чет» (20, с.426).

3 июля было заключено перемирие. 4 июля Президиум СФРЮ потребовал деблокады казарм, возвращения всех пленных, прекращения стрельбы. Но Словения рассчитывала на поддержку Запада. 5 июля отчетливо была заявлена позиция Германии. Выступая по радио, Ганс-Дитрих Геншер заявил, что в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА необходимо будет поставить вопрос о признании Европейским Сообществом независимости Словении и Хорватии. При этом министр подчеркнул необходимость принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию, заморозить с этой страной сотрудничество в области финансов до прояснения обстановки (2).

Весной 1991 г. ЕС принимает решение создать так называемую “тройку”, которую должны составлять бывший, настоящий и будущий председательствующие ЕС. 28 июня в Югославию выехали Жак Пос, Джанни де Микелис и Ханс ван ден Брук (Люксембург, Италия, Голландия), которые 7 июля беседовали на острове Бриони с членами Президиума СФРЮ во главе со Стипе Месичем, премьер-министром Анте Марковичем, руководством всех республик кроме Сербии, не приглашенной на встречу. В результате многочасовых переговоров было достигнуто первое соглашение первой международной миссии – Совместная декларация о мирном разрешении югославского кризиса. В Декларации еще признавалось единство СФРЮ и предлагалось начать 1 августа переговоры между словенской стороной и представителями СФРЮ. Тем самым Словения становилась субъектом переговорного процесса, и за ней закреплялось право ставить вопрос об отделении. Стороны

договорились, что контроль над словенской границей переходит к Словении, что аэродром будет контролироваться союзными диспетчерами, что Словения должна деблокировать казармы, выпустить пленных и заложников.

Печальным итогом этой недолгой войны было: у ЮНА 44 убитых, 184 раненых, у Словении — 3 убитых, 66 раненых (14).

12 июля Президиум СФРЮ в полном составе большинством голосов, но после острых дискуссий, принял решение вывести подразделения ЮНА из Словении и передислоцировать их в БиГ, Сербию и Черногорию. Как отмечается в литературе, на решение вывести из Словении войска повлияли несколько факторов: вмешательство ЕС в урегулирование уже в начале июля 1991 г., договоренность С.Милошевича и М.Кучана 24 января 1991 г. о согласии Сербии с отделением Словении, массовое враждебное отношение словенцев к ЮНА (1, с.231). Разработанный Генеральным штабом план вывода войск из Словении был осуществлен 29 июля 1991 г. Из республики были выведены все войска, вся боевая техника.

Сравнивая события в Словении с последующими войнами в Хорватии и БиГ, многие полагают, что Словения неожиданно легко достигла своей независимости. По мнению одного из руководителей переговорного процесса Дэвида Оуэна, главная причина состоит в том, что ЮНА запретили воевать. Он предполагает, что словенское руководство предложило С.Милошевичу услугу за услугу: если позволят Словении отделиться, она останется нейтральной в войне Сербии и Хорватии (20, с.60).

Для Словении война стала катализатором ускорения ее международного признания. Г.-Д.Геншер пообещал М.Кучану в начале июля, что независимо от исхода войны Словения будет признана мировым сообществом, а в разговоре с С.Месичем Г.-Д.Геншер уверенно заявил, что предпримет все необходимые шаги для признания Словении и Хорватии. По мнению Германии, армия совершила путч и поэтому необходимо срочно обратиться в Совет Безопасности. “Геншер, — по оценке хорватского политического деятеля С.Месича, — действовал исключительно динамично”: ему удалось проинформировать Англию, ЕС, Австрию и убедить их в “агрессии” ЮНА и необходимости признать независимость Словении и Хорватии (16, с.74—76).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вилић Д., Тодоровић Б. Разбијање Југославије, 1990-1992.-Београд: ДИК Књиж. новине - Енциклопедија, 1995.- 488 с.
2. Вострухов Е. Словенији предьявлен ультиматум//Известия.- М.,1991.-5 июля.-С.1.
3. Интервью президента Словенији// ТАСС. Серия «СЕ».-М.,1993.- 21 июля.-С.6-7.
4. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника.-Београд: Политика. 1995.-491 с.
5. Корнилов Ј. Словенија: на путу выхода из федерацији? //ТАСС. БПИ.-М.,1991.- 4 марта.-С.9-18.
6. Кучан М. Интервью газете “Круаэвенман” // Там же. Серия «СЕ».-М.,1991.-9 окт.- С.6-7.
7. Попов Б. Започео сам рат// НИН: Нед. информ. нов.- Београд,1996.-23 фебр.-№ 2356.-С.51-54.
8. Прунк Ј. Краткаја историја Словенији.—[М.], [1996].—Рукопись.— 34 с.¹
9. Трифуновић В. Нећу милост // НИН: Нед. информ. нов.- Београд,1996.-26 јан.-№ 2352.-С.12-14.
10. Чубра Н. Војска и разбијање Југославије.- Београд: Центар за војно-економска и стратегијска истраживања, 1997.-247 с.
11. Југославија: М.Кучан поддрживае независност Словенији// ТАСС. Серия «СЕ».-М.,1991.-13 јунија.-С.7.
12. Југославија: Обстановка в Словенији и вокрут нее// Там же.- 20 јунија.-С.14-15.
13. Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije.-Veternik: LDI, 1997.-460 s.
14. Istina o oruženom sukobu u Sloveniji.-Beograd: Narodna armija, 1991.-87 s.
15. Janša J. Pomaci: Nastajanje i obrana slovenske države.-Zagreb: Mladinska knjiga, 1993.-341 s.
16. Mesić S. Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari.- Zagreb: Nislavpress, 1994.- 350 s.
17. Marković A. Interviu...//Vjesnik.-Zagreb,1994.-1 lipanj.-S.16-17.
18. Oschlies W. Ex-Yugoslawien`95. Politisch - Porträts der sechs Nachfolgesaaten.- Köln, 1995.- 38 s.
19. Ogorec M. Hrvatski domovinski rat 1991-1993.- Opatija: Otokar Keršovani, 1994.-192 s.
20. Pirjevec J. Jugoslavija 1918 - 1992.- Koper: Založba Lipa, 1995.-464 s.
21. Oven D. Balkanska odiseja.-Beograd: Radio B92, 1996.-410 s.
22. Tašić P. Kako sam branio Antu Markovića.-Skopje: Mugri 21, 1993.-192 s.

---

¹ Переплетенная рукопись предоставлена автору посольством Словении в Москве.

ХОРВАТИЯ: ВОЙНА ДО ПОБЕДНОГО

Война в Хорватии в 1991 г. потрясла Европу. Трактовка событий не отличалась разнообразием подходов и множественностью интерпретаций. Устоялся стереотип определения их характера: причиной войны стала агрессия ЮНА и сербов против независимой демократической Хорватии с целью создать “Великую Сербию”. Нюанс заключался в том, что иногда истоки конфликта искали в противостоянии “демократической” Хорватии и “коммунистической” Сербии.

Понять истоки конфликта в Хорватии, Боснии и Герцеговине трудно, так как межнациональные столкновения имеют и историческую подоплеку, и вполне реальные современные причины. Но, пожалуй, одним из самых серьезных факторов стал неразрешенный вопрос о праве нации на самоопределение: кто имеет право на самоопределение, предполагающее и отделение – государство или народ? Если государство, то республики лишь уточняют свои границы и определяют условия сецессии. Если отдельный народ в рамках многонациональной республики – то каков статус внутренних границ и каким образом их изменять?

С распадом федерации и объявлением Хорватии об отделении от СФРЮ сразу возникла проблема сербского населения в Хорватии, которое заявило о своем праве на самоопределение и желании остаться в рамках сохраняющейся Югославии. Согласно данным Союзного статистического института, в Хорватии в 1991 г. из 4760344 человек населения сербы составляли 580762 или 12, 2% населения (57, с.6). В 11 общинах Хорватии сербское население составляло более 50% населения, в 10 общинах – от 30 до 49%, в 16 общинах – от 10 до 29% (57, с.17). Сербское население компактно

размещалось на 32% территории Хорватии. Часть сербов проживала в городах, где большинство населения составляли хорваты. Например, в общине Загреб сербов было не более 9% (57, с.17).

Сербы жили на нынешних территориях много столетий. В средние века эти земли являлись пограничными между Турцией и Австро-Венгрией и важны были как хорошо организованный военный щит одних против других, в зависимости от того, кто завоевывал эти земли. 300 лет постоянных войн заставляли стороны заниматься серьезной организацией Военной Границы (Војна Крајина)¹. В конце XVI — начале XVII в. произошло великое переселение сербов с турецких территорий на пустующие земли Краины. Переселявшиеся на эти земли сербы получили определенные права и привилегии, право пользоваться землей, освобождались от всех повинностей и налогов, они не могли стать зависимыми от хорватских дворян кметами. Их единственной обязанностью было участие в обороне Вены и Пешта от притязаний Османского царства. В 1871 г. по указу австро—венгерского императора произошла демилитаризация Краины. Сербско-Банатская Краина включалась в состав Венгрии, Хорватско-Славонская — в состав хорватской бановины. В 1881 г. с присоединением к хорватской бановине части Войны Краины число сербов там достигло четверти всех жителей, и их политическая роль существенно возросла (30, с.226).

Вторая мировая война оставила в сердцах сербского населения Краины самый глубокий след. 10 апреля 1941 г. усташа при поддержке Гитлера и Муссолини провозгласили Независимое Государство Хорватское (НГХ). Во главе НГХ (1941-1945) Гитлер поставил Анте Павелича, хорватского эмигранта из Италии, создателя нелегальной фашистской организации “Хорватское усташское движение”. Усташская программа НГХ, кроме прочего, предполагала истребление сербского народа, евреев и цыган и создание “чистой хорватской нации”. Планомерное истребление нехорватского населения на территории НГХ унесло жизни 900 тыс. сербов. На территории НГХ начались гонения на сербов, в печати развернулась погромная антисербская кампания. “Усташские

---

¹ В истории земли 11 общин, приграничных с Боснией и Югославией, где сербы составляли компактное большинство, известны под названием Война Краина (Военная Краина).

головорезы зверски истребляли сербов, живших в Хорватии”, – отмечали российские историки (17, с.188). Хорватский министр Миле Будак сказал на одном из банкетов в Госпиче: “Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них” (35, с.146). Загребский надбискуп Алоиз Степинац записал в своем дневнике 27 марта 1941 г.: “В конечном итоге хорваты и сербы – два мира, северный и южный, которые никогда не сблизятся, только лишь чудом Божиим. Схизма¹ – самое большое проклятие Европы, даже большее, чем протестантизм” (47). В 1941–1945 гг. история засвидетельствовала самые большие этнические чистки сербов на территории НГХ на землях Краины.

В 1945 г. в составе Федеративной Народной Республики Югославии была создана Республика Хорватия. Вопрос об автономии Краины, которая после второй мировой войны так и осталась в Хорватии, никогда не поднимался. В 1948 г. сербы составляли 14, 5% всего населения Хорватии (41, с.77).

В социалистической Югославии идеи югославянства, братства и единства главенствовали над узконациональными сербскими или хорватскими интересами. Совместная жизнь в хорватских городах и селах редко давала повод для ссор и национальных обид, и скорее, отражала ассимиляционные процессы. В 70-е годы Хорватия вышла на первое место в СФРЮ по распространению этнически смешанных браков. Причем число таких браков постоянно росло. В 1956 г. 10, 9% заключенных браков были смешанными, а в 1972 г. эта цифра возросла до 17% (27, с.90).

Еще в “Декларации об основных правах народов и граждан Демократической Хорватии”, принятой 9 мая 1944 г. в Топуско на заседании Антифашистского веча народного освобождения Хорватии, в статье 1 было записано, что “хорватский и сербский народы в Хорватии полностью равноправны” (9, с.П–10). В Конституции Социалистической Хорватии было записано, что это республика хорватского и сербского народов, а на руководящие должности выдвигали обязательно и хорватов, и сербов. Следует однако заметить, что сербские земли в Хорватии, составлявшие

---

¹ Схизма (греч.) – церковный раскол. В данном случае имеется в виду православие

четверть всей ее территории, экономически были достаточно слабыми, с низким уровнем сельского хозяйства и малым числом промышленных предприятий, с более низким уровнем доходов населения.

В конце 80-х годов в Хорватии усилилась националистическая пропаганда, появились первые признаки антисербских настроений в республике, росла напряженность. В июле 1989 г. в Книнской Краине во время праздника по поводу 600-летия Косовской битвы были поставлены и вопросы положения сербов в Хорватии: упоминалось право на собственную культуру, язык и употребление кириллицы. Праздник был прерван властями после того, как приглашенная на концерт певица начала петь народные сербские песни, что было расценено как проявление национализма. В августе 1989 г. Сабор Хорватии принял закон о языке, в котором сербский язык как язык сербского народа в Хорватии не упоминался.

Когда в Хорватии в 1990 г. начали формироваться политические партии, представители сербского народа создали 11 февраля Югославскую самостоятельную демократическую партию (в Войниче) и 17 февраля – Сербскую демократическую партию (в Книне). Один из основателей СДП врач Йован Рашкович говорил, что партия ориентирована на Югославию и демократию, а национальные моменты, или, как он выражался, «национальные ружья», он предлагал заменить на «веру в человечность» (36, с.16).

Уже на первом съезде (24-25 февраля 1990 г.) Хорватского демократического содружества (ХДС), где руководителем партии был избран Франьо Туджман, прозвучали его слова о том, что НГХ не было лишь фашистским образованием, а являлось выражением чаяний хорватского народа иметь свое самостоятельное государство (47). Министр правосудия Хорватии в интервью газете “Слободна Далмация” на вопрос, что для него значит “духовное обновление” ответил: “При духовном обновлении ребенок с рождения, прежде чем научиться читать и писать, должен знать, кто является его врагом. А врагом ему на этой нашей земле является серб” (56, с.10). Ф.Туджман в феврале 1990 г. говорил, что “сербов в Хорватии надо провозгласить гражданами Хорватии и назвать их “православными хорватами”. Будет запрещено название “православный серб”. В Хорватии будет запрещена православная церковь, а для тех, кто не захочет переселиться в Сербию, церковь станет хорватской” (19, с.109).

22 апреля – 6 мая 1990 г. в Хорватии состоялись выборы в органы власти на многопартийной основе. ХДС получила в парламенте 2/3 мест во всех трех палатах Сабора. Франьо Туджман был избран председателем Президиума Хорватии.

Фигура Ф.Туджмана является, на наш взгляд, одной из центральных в югославском конфликте. Поэтому скажем несколько слов об этом человеке. Его биографию подробно излагает немецкий исследователь Хоппе (52). Ф.Туджман родился в 1922 г. в небольшом городке Велико-Трговиште северо-западнее Загреба. Его отец был фермером и предпринимателем, одним из лидеров Хорватской крестьянской партии. В 1941 г. отец присоединился к партизанам, но по окончании войны выступил с критикой югославского режима и был убит весной 1946 г. Брат Стиепан также участвовал в партизанском движении и погиб в 1943 г. Ф.Туджман закончил с отличием гимназию в Загребе. В 1941 г. некоторое время он служил в армии усташей, а затем в том же году вступил в компартию и присоединился к партизанам Тито. В конце 1945 г. Ф.Туджман стал представителем Хорватии в генеральном штабе югославской армии. В 1955-1957 гг. он учился в Высшей военной академии в Белграде, некоторое время руководил отделом кадров Министерства обороны Хорватии. В 1960 г. Ф.Туджман становится самым молодым генералом армии, но уже в следующем году он порывает с военной карьерой и начинает заниматься военной историей (52, с.10). Как мне рассказывали хорватские коллеги, из всех претендовавших на пост директора Института истории рабочего движения в Загребе Ф.Туджман был выбран не потому, что был блестящим историком (он с трудом защитил докторскую диссертацию), а из-за своих националистических убеждений. Он отстаивал право хорватского народа иметь собственные вооруженные силы, выступал с требованием признания самостоятельного хорватского языка. В 1967 г. его исключают из партии за ультранационалистические взгляды и отправляют на пенсию. В 1972 г. его судят за участие в националистическом движении и приговаривают к двум годам лишения свободы. Второй раз его арестовывают уже в начале 80-х гг. за участие в диссидентском движении. Ф.Туджман становится символом национального сопротивления (52, с.11).

На выборах в апреле 1990 г. СДП получила большинство голосов в трех сербских общинах и получила пять мест в парламенте. В остальных сербских общинах она поделила голоса с коммунистами.

Первая половина 1990-го года была временем национального подъема для хорватов, разочарования, страхов и все-таки надежд для сербов. Еще жили рядом, и достаточно спокойно, сербы и хорваты в одном селе, на одной улице, веря, что не произойдет худшего. Как сказал один из членов СДП Душан Билич на собрании СДП в Силаше в июне 1990 г., “хотя сербы сегодня с разочарованием смотрят на перерождение Хорватии, я верю, что сербы найдут среди хорватов тех, кто стремится к совместной жизни в Югославии... В этом истинная роль Сербской демократической партии” (3). Руководители СДП призывали сербов “сохранить и развивать годами создаваемые добрые отношения с хорватским народом и со всеми другими людьми” (43, с.4). Во главе сербского движения в Хорватии стоял Йован Рашкович, врач-психиатр, прекрасный оратор, антикоммунист по своим убеждениям. Он с самого начала выступал за культурную автономию сербского народа в рамках Хорватии.

На наш взгляд, сербское политическое движение в Хорватии с 1989 г. прошло несколько этапов.

1989 год — год возрождения и роста сербского национального самосознания, когда было создано культурное общество “Зора”, проводились культурные и культурно-исторические мероприятия.

С 1990-м годом связано формирование политического сознания сербского населения. Во всей Югославии создавалась многопартийная система, еще не было речи о распаде Федерации, поэтому сербы Краины создавали свою национальную партию, которая должна была бы отстаивать их интересы в хорватском парламенте. Первую половину 1990 г. можно характеризовать как манифестационный период, когда сербы обсуждали конституционные поправки и просили учесть их требования. Наибольшие протесты вызывали намерения властей свести сербов к национальному меньшинству в Хорватии, тогда как сербы считали себя равноправным с хорватами «государствообразующим» народом, что было записано во всех конституциях Хорватии¹.

Со второй половины 1990 г. начинается организационное объединение общин с большинством сербского населения (в рамках

---

¹ В Конституции 1974 г. было записано: «СР Хорватия является национальным государством хорватского народа, государством сербского народа в Хорватии и государством народностей, которые в ней живут».

Конституции СФРЮ), борьба за права культурной автономии в рамках Хорватии.

Лишь в тот момент, когда Социалистическая Республика Хорватия встала на путь отделения от Югославии (середина 1991 г.), крайние сербы встали на путь отделения от Хорватии, твердо надеясь остаться в Югославии. На этот шаг их вынудила национальная политика новой хорватской власти.

Скупщина общины Книн 10 апреля 1990 г. на совместном заседании всех веч приняла решение заключить Договор об объединении сербских общин далматинской области, а также создать Объединение общин Северной Далмации и Лики. Сербов беспокоило, что руководство Хорватии, взяв курс на отделение от СФРЮ, категорически отрицало необходимость предоставления культурной автономии сербам, проживающим в республике, не шло ни на какие компромиссы, а лишь ужесточало антисербскую кампанию.

23 мая 1990 г. председателем Скупщины общины Книн, центра сербских земель на западе Хорватии, избирается Милан Бабич, зубной врач по профессии, член Главного комитета СДП, бывший коммунист, делегат на съезде Союза коммунистов Хорватии. Вокруг него формируется круг патриотически настроенных сербов, которые начинают работу по объединению сербских общин в Хорватии. Причем, делают это на основе Конституции Хорватии, которая это формально позволяет.

20 июня Президиум Социалистической Республики Хорватии изменяет название Республики, изымая из него слово “социалистическая”, меняет государственные символы. Символика в виде шахматного чередования белых и красных клеток (шаховница), заменившая звезду, напомнила сербам усташескую символику времен второй мировой войны. Скупщина общины Книн 27 июня 1990 г. после серьезной подготовительной работы, проведенных собраний, митингов и встреч в сербских общинах завершает создание Содружества шести общин Лики и Северной Далмации и, соответственно, его Скупщины. Цель объединения – создание единого экономического пространства, осуществление скоординированной региональной политики, подъем менее развитых общин. Эти требования ставили задачи не “угрожать суверенитету или экономическому единству Республики Хорватии, но напротив, укрепить ее экономическую мощь и равномерное развитие. Учитывая, что на территории Северной Далмации, Лики,

Кордуна, Бани и части Славонии в большинстве своем живет сербский народ, как исторический народ на части территории Республики Хорватии, представляющей территорию Войной Краины, то существуют причины историческо-культурного характера, чтобы на этой территории Республики создать современный регион, где могли бы быть отражены национальные и культурные особенности этой части Республики Хорватии” (58). В короткое время к Содружеству сербских общин выразили желание присоединиться еще 11 общин.

В это же время проявляет себя еще одна личность – будущий президент Республики Сербская Краина Милан Мартич. Он был старшим инспектором по экономическим преступлениям в книнской милиции и одним из тех, кто воспротивился в июле 1990 г. введению новой хорватской униформы и новых знаков отличия в книнской милиции.

Параллельно шло объединение сербских общин Западной Славонии, Восточной Славонии, Барани и Западного Срема. На митингах народ говорил лишь о стабилизации и демократизации Хорватии, выражал опасение возрождения фашизма.

Митинги, демонстрации, собрания выявили активных и способных руководителей. Но среди руководителей сербского движения в Хорватии намечались две линии: более твердая, при опоре на Сербию и С.Милошевича (М.Бабич) и умеренная, с наведением «мостов взаимопонимания» (Й.Рашкович).

В конце июля 1990 г. к местечку с символическим названием Срб в Лике потянулись колонны народа из Далмации, Лики, Кордуна, Бани, Славонии, Барани и других областей. Было решено создать высший орган законодательной власти сербского народа Краины и всех сербов Хорватии как *вторую палату Хорватского Сабора*, поскольку последний не учитывает интересы сербского народа в Хорватии. В присутствии 150 тыс. человек был сформирован Сербский Сабор как представительный орган сербского народа в Хорватии, а также исполнительный орган – Сербское национальное вече, была принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа. Требования сербов касались употребления кириллицы, сохранения сербских школ и соответствующих школьных программ, культурных и политических институтов, предприятий, печати и сербского радио и телевидения (10). Председателем Сербского национального вече был избран Милан Бабич.

Сербское национальное вече приняло решение провести среди сербского населения референдум об автономии сербов в Хорватии. Хорватские власти объявили референдум незаконным и послали в сербские области Северной Далмации специальные полицейские подразделения, чтобы изъять оружие у резервного состава милиции и помешать проведению референдума. Ночью хорватские милиционеры напали на милицейский участок в Бенковцах. В ответ сербы воздвигли баррикады на дорогах. Этот день неповиновения практически стал днем “сербского восстания” в Книнской Краине. Милан Бабич принял руководство на себя, возглавив Штаб по обороне Книна. Референдум состоялся в 28 общинах (полностью) и 23 общинах (частично). В 10 общинах хорватским властям удалось помешать волеизъявлению 150-ти тысяч проживающих там сербов. Всего за сербскую автономию высказалось 756549 чел., против – 172, недействительных бюллетеней было 60 (53).

21 декабря 1990 г. в Книне была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК). На книнской крепости, возвышающейся над городом, был поднят сербский флаг. Согласно принятому Уставу, “Сербская автономная область Краина является видом территориальной автономии в составе Республики Хорватии... в рамках Федеративной Югославии” (9, с.52).

В декабре того же года была принята и новая Конституция Хорватии, где сербское население было признано национальным меньшинством, а формулировка прежней конституции о том, что Хорватия является государством хорватского и сербского народов была отменена. В новой Конституции было записано, что на первых демократических выборах была подтверждена тысячелетняя государственная самобытность Хорватии и решимость добиться суверенитета. Провозглашено, что Хорватия становится национальным государством хорватского народа. Об обещанной сербской автономии речи не было.

Приход к власти в Хорватии правой националистической партии Хорватское демократическое содружество, принятие новой Конституции Хорватии сыграли решающую роль в дальнейшей деятельности автономистов. Кроме того, мотивацией для сербского народа был лозунг, сформулированный Слободаном Милошевичем – “Все сербы будут жить в одном государстве”. “Сербы в Республике Сербской и Республике Сербской Краине на борьбу за свободу и право на жизнь в одном государстве вместе с остальной частью

своего народа поднялись с сознанием, что это – совместная борьба и общая цель. Это сознание было для них самой важной мотивацией и самой прочной гарантией”, — говорил один из лидеров сербского движения Хорватии Б.Рашуо (37). Когда руководству Сербии стало ясно, что федерацию сохранить не удастся, то оно стало склоняться к мысли, что надо провести референдум о самоопределении народов и отделиться тем, кто выскажется за отделение, и остаться в едином государстве всем остальным. По этой схеме все сербы должны были оказаться в новой Югославии. Позиция, занятая руководством Сербии, поддерживала сербов в их борьбе. С.Милошевич подчеркивал, что разделение сербов на части в случае распада федерации – неприемлемо для Сербии. «Об этом даже не может идти речи», — говорил он твердо в октябре 1990 г. (36, с.28). Позже, с изменением международной обстановки, руководство Сербии видоизменяет свои планы по отношению к сербам в Хорватии, а затем полностью от них отказывается.

Сербы предупреждали Загреб, что они будут предпринимать решительные меры только в том случае, если официальная Хорватия встанет на путь отделения. Когда 20 февраля 1991 г. правительство Хорватии представило Сабору Конституционный закон, который определял приоритет республиканских законов над союзными и принял Резолюцию «о раздружении» РХ и СФРЮ, Сербское национальное вече и Исполнительное вече САО Краины 28 февраля 1991 г. приняли Резолюцию о “раздружении” с Республикой Хорватии на основе результатов референдума. В ней не признавалось решение Хорватского Сабора, выдвигалось требование остаться в СФРЮ и провозглашалось, что на территории САО Краины будут действовать только союзные и краинские законы. 18 марта Скупщина общины Книн “в функции части Скупщины Сербской Автономной области Краина” приняла решение об окончательном отделении от Республики Хорватии. 12 мая был проведен референдум о присоединении к Сербии. 16 мая Скупщина САОК приняла решение о присоединении Краины к Югославии.

В литературе ведется полемика по поводу того, были ли действия М.Бабича по объединению с Сербией инициированы Белградом и лично С.Милошевичем. Многие убеждены в этом. Но С.Радулович утверждает, что С.Милошевич ничего не знал о планах М.Бабича и был поставлен в крайне неудобную ситуацию. Ведь в марте 1991 г. на встрече в Караджорджево руководителей Сербии и Хорватии С.Милошевичу стало ясно, что Ф.Туджман не пойдет ни

на какие территориальные уступки сербам. Именно поэтому краинской делегации не было позволено выступить в Скупшине Сербии, а сама Скупщина не придала официального звучания решению краинских сербов. Это прозвучало как белградское «нет» Книну.

Тогда позиция М.Бабича претерпела изменения. Он стал выступать за статус Краины как отдельной территории в составе Югославии. Руководство Хорватии считало события в Краине не межнациональным столкновением, а “нападением на легальную власть” (1, с.23, сноска). Начинается усиленная подготовка отрядов полиции и создание хорватской армии. Сербы в свою очередь пытаются предотвратить приезд хорватской полиции и окружают свои села баррикадами.

Сербское движение за независимость от Хорватии явилось следствием развернувшейся в республике в 1991 г. националистической пропаганды и широких антисербских настроений. Но движение за автономию в рамках Хорватии переросло в движение за присоединение к Югославии, с одной стороны, из-за политики Хорватии, направленной на полную самостоятельность республики, а с другой стороны – из-за поданных Белградом надежд на поддержку в борьбе за объединение всех сербов в одном государстве.

Официальный Загреб не стремился удовлетворить требования сербов об автономии. Был выбран путь запугивания и наказания послушавшихся, что еще больше накаляло обстановку. Возникший страх мирного сербского населения подтверждался активностью ХДС-овцев. Союзное руководство не могло добиться от Хорватии разоружения нерегулярных формирований, уменьшения численности милиции и резервистов.

Правящую партию в Хорватии отличала дискриминация граждан другой национальности, веры и политических убеждений, разжигание националистических настроений, антисербская и антиеврейская пропаганда. Сербы с болью восприняли изменение названия сербско-хорватского языка на хорватский, запрещение кириллического письма в служебной переписке, запрещение иметь свои радио и телепередачи (хотя таковые имели словенцы, венгры, албанцы), газеты и журналы на кириллице, изъятие из школьных программ текстов по сербской истории, сербских писателей и поэтов, переименование Площади жертв фашизма в Загребе. Узаконены названия населенных мест, написанные на кириллице

и латинице заменялись таблицами, написанными только на латинице. В республике фактически были реабилитированы усташеские традиции: символика новой Хорватии повторяла символику фашистской НГХ, было сформировано общество “Хорватские домобраны” (так называлось регулярное войско в период НГХ), реабилитированы некоторые военные преступники второй мировой войны, осквернялись памятники жертвам фашизма, могилы партизан. Только в Далмации было разрушено более 2000 памятников жертвам фашизма. Переименовывались села (Српска Капела – в Нова Капела), названия улиц, предприятий, где в названиях хоть что-то напоминало сербов. Даже свой национальный праздник Республика Хорватия отмечает 10 апреля, в день создания НГХ (1941).

В Хорватии выражение стремления к сепаратизму принимало порой уродливые формы. На футбольном матче Югославия — Голландия, который проходил в Загребе, весь стадион повернулся спиной к поднимаемому югославскому флагу, а во время звучания югославского гимна дружно пели хорватский. Иностранные комментаторы писали, что в истории футбола такого еще не было (19, с.151).

Сербы ощущали, как накалялась атмосфера в республике. Все они были вынуждены подписывать специальные “листы лояльности” новой власти. Проверку на лояльность сербы проходили на предприятиях и по месту жительства. Их вызывали “на разговор” в профсоюзные организации, где им предлагалось подписать “письмо поддержки власти Хорватии”. Те, кто отказывался подписать письмо, лишался работы, а, значит, средств к существованию. Только один пример. После такой процедуры на задарском предприятии “Адриа” 3 мая 1991 г. политическая полиция составила список из 15 сербов, которые отказались подписать письмо поддержки. Решением Рабочего совета уже 6 мая все 15 человек были уволены (34, с.25-26). Кто подписывал письмо, получал документ, в котором подтверждалась его лояльность новому режиму. Многим сербам эти документы напоминали “Звезду Давида”, но они спасали в некоторых случаях от террора и объяснений с хорватской полицией.

В Хорватии такое «внимательное» отношение к сербам объясняется в какой-то мере существовавшей убежденностью в их поголовной деятельности «в пользу агрессора» (59, с.177). Своеобразная шпиономания захватила Хорватию. Термин «пятая

колонна» прочно вошел в политический словарь правящей хорватской элиты. Один из военных теоретиков Хорватии писал в своем исследовании: «В войне за Хорватию «пятая колонна» выполняла свою задачу, главным образом, в больших городах, но особенно активна она была там, где велись боевые операции. Ее ряды пополнялись в основном из военных или милиционеров в отставке, гражданских лиц, находившихся на службе ЮНА, участников войны. Но самыми опасными были тайные агенты министерства внутренних дел и службы государственной безопасности. Наряду с этими лицами в «пятую колонну» следует, — по мысли автора, — включить и представителей некоторых политических партий, таких как СДП и СК — Движение за Югославию. Для всех них было характерным то, что они все были лицами исключительно сербской национальности» (59, с.177). Все они были заражены «великосербским гегемонизмом». Таким образом, круг подозреваемых в шпионаже был достаточно широким. Предполагалось, что эти люди выполняли работу снайперов, вели корректировку авиаударов, собирали агентурные данные, занимались агитацией и пропагандой, осуществляли диверсии и саботажи. Реакцией хорватского населения на такие действия, пишет М.Огорец, были террористические акции, разрушение объектов собственности граждан сербской национальности. Он полагает, что и после войны «пятая колонна» будет еще долгое время активна, поэтому против нее «должны предприниматься эффективные политические, правовые, информационные и другие противотеррористические меры» (59, с.178).

После прихода ХДС к власти, начиная с мая 1990 г., из Министерства внутренних дел были уволены все сербы, многих арестовывали. Началась замена сербов на руководящих должностях предприятий, отделов милиции, газет и журналов, судов. Следом прокатилась волна увольнений и обычных работников (34, с.35-48). Под давлением сербы уезжали из городов и поселков: из Карловца уехало 30 тыс. сербов, из Задара — 28 тыс., из Сисака — 30 тыс., Госпича — 5 тыс., Шибеника — 15 тыс., Винковаца — 10 тыс., Славонски-Брода — 10 тыс. Всего из Хорватии за период с 1991 по 1995 гг. уехало 350 тыс. сербов (60, с.2).

Уже в 1990 г. начались гонения на сербскую православную церковь: фашиствующие молодчики нападали на священников, избивали их, вламывались в церкви во время службы, оскверняли могилы, подкладывали в храмах взрывные устройства. В 1991 г. в

этих антисербских действиях активно принимает участие и хорватская полиция: арестовывает священников, запрещает верующим собираться, мешает проведению праздников. Всего в Хорватии с 1991 по 1993 г. были разграблены 94 православные церкви и 4 монастыря, разрушены 70 церквей и 96 церковных зданий, 10 кладбищ, одна патриаршая ризница, церковный музей, два церковных архива и две библиотеки (28, с.151). Хорватское государство использовало еще один метод очищения страны от православия – насильственное крещение сербских детей в католическую веру. Только в 1991 г. этой процедуре подверглись около 20 тыс. сербских детей (60, с.9). Руководитель Венского центра по расследованию нацистских преступлений Симон Визенталь в интервью миланской газете “Коррьере делла сера” в 1993 г. предупреждал, что в Хорватии возрождается фашизм. Он напомнил, что первыми беженцами югославского кризиса были 40 тысяч сербов из Хорватии, что там произошли первые инциденты с поджогом православной церкви и синагоги, осквернением еврейского кладбища (6, с.29).

С приходом ХДС к власти были значительно увеличены силы полиции. Оружие выдавалось и членам партии. Одновременно увеличилось число незаконных арестов, убийств, избиений, издевательств. В Бании 27 сентября 1990 г. специальные отряды хорватской полиции арестовывают 360 сербов, а сербы Петриня вынуждены скрываться в казармах ЮНА (9, с.90). В Госпиче были арестованы 17 известных сербских интеллектуалов, вывезены за город и расстреляны без суда и следствия. Тогда часто упоминалось имя Томислава Мерчепа, отличавшегося патологической жестокостью, ненавистью ко всему сербскому (25, с.26). В октябре власти блокируют все дороги, ведущие к Книну, закрывают железнодорожное сообщение.

Особым видом запугивания сербов были минирования их домов, торговых палаток, служебных помещений. В воздух взлетали сербские дома, магазины, парикмахерские, киоски, автомобили, принадлежавшие сербам. Только за несколько первых месяцев 1991 г. в Хорватии было сожжено около 50 киосков газеты “Борба” (34, с.33). В городе Даруваре, например, был вывешен плакат, рекомендовавший несколько способов распознавания сербов среди соседей.

А другая листовка призывала всячески вредить сербам, чтобы сделать их жизнь невозможной и заставить уехать из

Хорватии: "...Пусть возвращаются в свою Сербию. Пусть вернут десятки тысяч квартир, которые граждане Хорватии для них на своей крови построили..." (9, Приложение 12).

Сербы в Восточной Славонии пытались миром остановить разрастающиеся столкновения. В марте 1991 г. они обратились к "братскому хорватскому народу" с воззванием, в котором предупреждали об опасности раскола между сербским и хорватским народом. "Существует угроза миру и безопасности нашей совместной жизни. Ужас и страх вошли в наши дома. Усиливается неуверенность и бесперспективность нашей совместной жизни в любом месте: на работе, на улице, в печали и веселье, вообще везде. Растет недоверие между друзьями и соседями. Все очевиднее, что идет какая-то специальная война: ширятся слухи о занятии квартир владельцев другой национальности, о подготовленных списках на физическое уничтожение, об угрозе хорватам со стороны сербов... ведется систематическая и упорная пропаганда, чтобы уверить последнего хорвата в том, что на этой земле невозможна совместная жизнь хорватов и сербов. Надо знать на все времена, что мы не нападаем, что мы не подстрекаем, что мы только защищаемся. Граждане сербской национальности сегодня находятся под ударом хорватских националистических правых сил... Народ устал, озабочен и боится этого процесса истерической националистической шовинистической "демократии", которая грозит перерасти в процесс анархии с пагубными последствиями для всех граждан, несмотря на национальную принадлежность". Поэтому во имя согласия, которое веками строили поколения предков обоих народов, во имя счастья и мирного будущего детей, сербы просили хорватов не допустить унижения народов другой национальности и предотвратить безумие (15, с.9). Хорватские же газеты были наполнены сообщениями о хорватских беженцах из Славонии и Барани, которые стали жертвами "великосербской идеи". Эти земли назывались не иначе, как "оккупированные территории"¹.

19 декабря 1991 г. в Книне была торжественно провозглашена Республика Сербская Краина (РСК). Скупщины Западной и Восточной Славонии приняли решение войти в состав РСК. Согласно принятой Конституции, Республика Сербской

---

¹ Этот термин стал употребляться официальными властями Хорватии применительно ко всем территориям, на которых жили сербы, чтобы внушить миру, что сербы оккупировали хорватские земли.

Краины является “национальным государством сербского народа и всех граждан, которые в ней живут” (44, с.3). Новая республика состояла из трех территорий и 22 общин. Были определены государственные символы РСХ – новый герб, флаг и гимн. Но независимость еще предстояло отстаивать. Упущенные шансы создания конфедерации, негибкая политика правительства Хорватии в отношении сербского населения, запугивание, ущемление его прав, неуступчивость в предоставлении автономии, страх перед преследованием оставили перед сербским народом лишь два пути: или с оружием в руках защищать право самим решать свою судьбу, или покинуть эту землю.

В Хорватии причины войны связывают с великосербскими амбициями и стремлением создать «Великую Сербию». Хорватский исследователь М.Огорец называет, следующие основные причины войны в Хорватии:

1. «Идеологическо-политический кризис югославского социализма.
2. Крах теории и практики производственных отношений самоуправленческого социализма.
3. Великосербский империализм.
4. Консерватизм ЮНА и ее неспособность к адаптации в условиях новых общественных изменений
5. Угроза интересам узкой группы высших партийных, политических и военных руководителей» (59, с.13).

Страх сербского народа в Хорватии перед повторением геноцида времен второй мировой войны хорватские ученые и политические деятели считали проявлением «великосербского империализма» и полностью отрицали существование каких-либо оснований для него (59, с.14). Поэтому введение единого для всей страны конституционного порядка считалось делом закономерным и естественным. Однако хорватские власти встретили серьезное сопротивление краинских сербов.

Повсюду в сербских селах происходили столкновения с хорватской полицией, которая пыталась установить атрибуты новой власти. Сербское население начало организовывать ночные дежурства, патрулирования, создавать отряды самообороны. В январе 1991 г. создается Управление внутренних дел Краины. Его секретарем назначается Милан Мартич, будущий президент РСХ. В конце марта хорватская полиция, которая скорее напоминала вооруженные военные формирования, напала на Плитвицы, где

встретила серьезное вооруженное сопротивление сербов. Некоторые исследователи именно 31 марта считают началом сербско-хорватской войны.

После столкновений с полицией и внутренними войсками сербы стали создавать отряды территориальной самообороны (ТО) в Краине. С весны 1991 г., а особенно после провозглашения Хорватией своей независимости и отделения от СФРЮ 25 июня 1991 г. противостояние защитников сербских сел и хорватской полиции, борьба между сторонниками непризнанной властями автономии и защитниками республики переросла в кровопролитную войну.

По мнению министра обороны СФРЮ В.Кадиевича, вооруженные столкновения в Хорватии прошли две фазы: первая охватывает время от первых вооруженных нападений на сербов до конца лета 1991 г. Вторая фаза начинается с открытой войны против ЮНА (21, с.126). Анализируя позже события в Хорватии, министр подчеркивал, что цель руководства республики Хорватии на первом этапе заключалась в установлении власти над сербскими районами Краины и стремлении сломить ее сопротивление с помощью полиции и армии. При этом избегали открытого столкновения с югославской армией, стремясь ее нейтрализовать с помощью пропагандистских и политических средств.

Что касается создания хорватской армии, то В.Кадиевич описывает, как она постоянно росла численно за счет мобилизации в зависимости от поставок оружия из-за рубежа. Тактика же состояла в том, чтобы концентрировать вооруженные формирования на границе с РСК, постоянно угрожая нападением, а отдельными успешными вторжениями попытаться сломить дух сербского народа. Это должно было подготовить успех на заключительной фазе завоевания всей Краины. Такая военная деятельность должна была сопровождаться соответствующими политическими мерами в Хорватии. При этом предполагалось максимально использовать международный фактор в своих интересах.

С.Радулович предлагает такую периодизацию военных действий в Хорватии. Первая фаза – с марта (нападение хорватской полиции на Плитвице) до конца августа 1991 г., когда происходили вооруженные столкновения между сербской и хорватской сторонами. Вторая фаза – это уже война ЮНА и хорватской армии – с конца августа 1991 г., когда ЮНА напала на Киево, и до 20 ноября

(окончание битвы за Вуковар). Этот период характеризуется огромными жертвами и разрушениями (36, с.34).

Естественно встает вопрос, *могла ли Хорватия избежать войны?* По нашему убеждению, да. Предоставление сербам культурной автономии, обещание строго соблюдать права человека, уважительное отношение к сербской культуре и религии, представление его интересов в парламенте смогли бы устранить страх, охвативший сербское население. Требования сербов видоизменялись со временем в зависимости от категоричности, непримиримости и враждебности хорватских властей. Следовательно, изначально Хорватия ставила перед собой иные цели, которые в конце концов и осуществила — создание самостоятельной Хорватии, но без сербского населения. Об этом ясно сказал Ф.Туджман 24 мая 1991 г., выступая на площади Бана Елачица в Загребе: “Войны могло бы и не быть, если бы Хорватия этого не хотела. Но мы оценили, что только посредством войны можем добиться самостоятельности Хорватии. Поэтому мы проводили политику переговоров, а сами создавали свои вооруженные отряды. Если бы мы этого не сделали, то не достигли бы цели. Значит, войны можно было избежать, если бы мы не стремились осуществить свои цели, т.е. создать наше самостоятельное государство” (18, с.7).

Бывший министр внутренних дел Хорватии И.Большковац также полагает, что у Хорватии был шанс избежать кровопролития, поскольку ни сербы, ни хорваты не хотели воевать: “У нас в полиции работали сербы, которые были лояльны к нашей программе, у нас была часть Хорватии с сербским населением, которое не поднялось на бунт, премьер-министром союзного правительства был хорват¹, в генеральском корпусе было много хорватов, были даже сербы, готовые работать по нашему варианту, мирный путь перехода к мягкой конфедерации получил поддержку извне. Все это говорит о том, что можно было избежать войны” (5, с.71).

В Хорватии, где к войне готовились, происходила концентрация власти в руках узкого руководства страны и партии Хорватского демократического содружества. Это позволило подчинить все силы республики единому центру, единой воле. Усилия многих структур были направлены на создание, подготовку, оснащение и высокую боеспособность собственной армии. При

---

¹ Имеется в виду Анте Маркович

невозможности создать такую армию в рамках СФРЮ с самого начала упор был сделан на расширение сил полиции, которые к июлю 1991 г. выросли в несколько раз. А в Министерстве внутренних дел было задумано создать специальные подразделения Сбора народной гвардии¹ (как часть полиции специального назначения, состоящей исключительно из профессионалов), которые были представлены общественности уже 28 мая 1991 г. на смотре на стадионе “Загреб”. Одновременно формировалась система “Народной защиты” как система самообороны граждан Хорватии (59, с.116).

Причиной войны в Хорватии хорватские власти объявили «сербскую агрессию.., попытку сербов установить свою власть на части территории Хорватии, создать Великую Сербию» (50, с.71). В июле 1991 г. Хорватия объявила всеобщую мобилизацию. В ноябре общая численность хорватских вооруженных формирований достигла 110 тыс. человек или 2, 3% населения республики² (39). Значительную часть вооруженных сил республики составили отряды Сбора народной гвардии, (около 70 тыс.), войска Министерства внутренних дел (около 30 тыс.), отряды территориальной обороны, а также военизированные формирования. Правящая партия ХДС создавала по всей стране свои военизированные отряды. Основными критериями при приеме в них новобранцев были: хорватская национальность, преданность властям, ненависть к Югославии, готовность беспрекословно исполнить приказ (19, с.242). В страну приехали также наемники, среди которых – немцы, французы, англичане, румыны и даже негры (32). В республику был разрешен въезд долгие годы ждавшим своего часа черным легионам усташей. Их боевая подготовка велась в странах Латинской Америки, Австралии, Германии. Они были прекрасно вооружены. В распоряжении властей имелись также вооруженные формирования некоторых партий – правящей ХДС, Партии права, которые в 1991 г. активно начинали этнические чистки в Славонии, устраивали провокации, делали грязную работу, когда в этом не могли участвовать официальные структуры. Действия усташей, ХДС-

---

¹ По-хорватски Збор Народне Гарде (ЗНГ). В народе их звали зенговцы.

² По оценкам Главного штаба СФРЮ – 200-320 тысяч (22, с.404). По мнению министра обороны В.Кадиевича, численность хорватской армии составила 300 тыс. человек (52, с.131).

овцев, а также отрядов наемников, как свидетельствуют факты, отличались особой, изощренной жестокостью.

Сербы в Хорватии верили безгранично, что армия их защитит, и потому постоянно просили руководство в Белграде оказать давление на Хорватию. М.Бабич критиковал пассивную позицию Белграда и начал осуществлять идею создания армии РСК. В этом их поддерживали оппозиционные партии в Сербии. 20 августа 1991 г. правительство Краины¹ принимает решение о формировании единой системы территориальной обороны (ТО) как «вооруженных силах Краины». Командующим ТО становится М.Бабич. Сербские силы в Хорватии были организованы исключительно по территориальному принципу, как сельские отряды самообороны. Не было подразделений быстрого реагирования или сильной боевой мощи, которые могли бы начать наступательные действия. Многие отряды были плохо вооружены, были слабо связаны между собой, чувствовалось отсутствие единого командования. В Краину хлынули сербские добровольцы из Югославии. Волна патриотизма захлестнула Сербию, Черногорию. Многие патриотические партии (Сербское движение обновления, Сербская радикальная партия и др.) создавали свои вооруженные отряды, которые направлялись помогать сербским братьям в Хорватию. Однако эти отряды, собранные зачастую из случайных людей, не хотели подчиняться общему командованию, сотрудничать с ЮНА, их мораль была на достаточно низком уровне, они не гнушались уносить с поля и не с поля боя “военные трофеи”. “Пили сверх всякой меры, грабили бездушно, а их сообщения были полны лжи. В большинстве случаев...”, – вспоминал генерал Лисица (25, с.82).

Безусловно, весной 1991 г. на территории Хорватии и РСК сложилась крайне сложная политическая ситуация. Еще сохранялась признанная мировым сообществом СФРЮ. Объявили об одностороннем выходе из Федерации Словения и Хорватия. Объявили о выходе из Хорватии и присоединении к Югославии сербские земли Краины. Каждый из этих субъектов торопился самоорганизоваться политически, создать свою армию. Самой сложной оказалась проблема границ. При попытке Словении и Хорватии отделиться условность внутриреспубликанских границ

---

¹ Первое правительство Краины было избрано 29 мая, премьер-министром стал М.Бабич, а министром внутренних дел – М.Мартич.

стала огромным препятствием для решения этого вопроса в республике с неоднородным по национальному составу населением. Хорватия настаивала на признании существующих границ, а Сербия допускала возможность их пересмотра в связи с тем, что сербское население Хорватии выразило желание остаться в Югославии. Позиции Сербии и Хорватии расходились по многим вопросам, а противоречия и расхождения во взглядах не удавалось разрешить мирным путем.

Сербская проблема в Хорватии проявлялась как бы на двух уровнях.

С одной стороны, существовала проблема сербов в городской или сельской среде, где большинство населения составляли хорваты. Они в столкновении с властями, прежде всего с полицией и администрацией своих предприятий, были беззащитными, преследования по национальному признаку продолжались не один год. Сербов в хорватских городах сразу и однозначно отнесли к “пятой колонне”. Хорваты считали, что “пятая колонна” очень многочисленна, что сербы фанатичны, охвачены великосербским гегемонизмом. На основе этой теории практически все сербы были записаны во враги хорватского народа. Поэтому против них предпринимались, как писал хорватский исследователь военных побед республики, “эффективные полицейские, правовые, информационные и другие противотеррористические меры” (59, с.178).

Вот только несколько примеров.

3 мая 1991 г. хорватские власти уничтожили в Задаре около 350 сербских домов и магазинов, назвав эту акцию “хрустальная ночь” (9, с.92). Как вспоминает Станко Летич, по телевидению зачитывались имена сербских офицеров из Задара, которые угрожают суверенитету “молодой демократии”, что расценивалось как открытый призыв к линчу (38, с.3). В Задаре, вспоминал один пленный, “если не хотите идти в усташеские формирования, то у вас убьют всю семью, сожгут или заминировуют дом, сначала вы потеряете работу, а потом и голову. Там настоящий кошмар” (25, с.76).

С другой стороны, существовала проблема сербов в районах их компактного проживания. Хорватские военные вели активные провокационные и военные действия на границах и в некоторой глубине сербских общин, вошедших в состав непризнанной Республики Сербской Краины. Отчаянно защищая свои земли,

сербы не допустили утверждения хорватской власти на своей территории и получили относительную безопасность. Так было в Книнской Краине, Восточной Славонии, Западном Среме. Там же, где сербы не смогли отстоять свои села, например, в Западной Славонии, происходил массовый террор, геноцид против сербского населения.

Имеется огромное количество свидетельств жестокости усташей в сербских селах. Из воспоминаний корреспондента “Правды” Евгения Фадеева о Краине 1991 года: “...Вспоминаю, как четыре года тому назад по собкоровским делам оказался как раз в тех самых местах. Война еще не набрала свои жестокие обороты. Но я уже был арестован вооруженной до зубов хорватской полицией (уже не милицией) как “сербский шпион”. Потом вдоль живописной дороги на Петрыни ... я видел обрубленные стволы цветущих деревьев, на которых были посажены людские черепа. Тогда еще можно было разговаривать, и на мой вопрос: “Почему хорваты не снимают этот ужас: все же люди”, – услышал ответ: “Это не люди – это сербы” (45). Беженцы хлынули в Югославию.

Сербы искали выход из страшной ситуации. Запугивания, физические нападения, увольнение с работы, незаконные аресты, долгие часы в тюремных камерах заставляли одних сербов бежать, уезжать, разводиться; других – уходить на пенсию раньше положенного времени и пережидать, каждый день страшась за свою жизнь; третьих – принимать католичество и подписывать бумаги на лояльность хорватским властям; четвертых мириться с ситуацией, сносить унижения в обмен на оставленную жизнь. Постоянный страх поселился в душах этих людей.

Начало военных столкновений в Книнской Краине¹ некоторые исследователи связывают еще с 1990 г. В феврале 1991 г. хорватские силы оккупировали часть района Плитвицких озер, пытались прорвать заграждения и баррикады на дорогах, проникнуть вглубь сербской территории. До середины 1991 г. сербскими краинскими отрядами руководили штабы территориальной обороны и созданный 30 апреля 1991 г. Совет народной обороны. Однако это

---

¹ Мы условно обозначили Западную часть РСХ как Книнскую Краину. Она включает в себя такие области, как, Северная Далмация, Лика, Кордун и Бания. В июле 1990 г. на этих землях была провозглашена Сербская автономная область Краина.

скорее напоминало ополченцев, которые по мере возникновения опасности вставали под ружье и защищали свое село. Были попытки договориться с руководством ЮНА, чтобы оно возглавила борьбу в Краине, но это встретило серьезные политические препятствия. Например, 21 августа танковые отряды Книнского корпуса ЮНА подошли непосредственно к Задару, но получили из Белграда приказ отступить. Поэтому против хорватских вооруженных формирований боролись разрозненные сербские отряды, вооружавшиеся допотопным оружием, отремонтированным в подпольных мастерских.

Югославская народная армия, особенно ее книнский корпус, в котором в 1991 г. служили Ратко Младич, Славко Лисица, известные своими патриотическими чувствами, с августа 1991 г. начинает осознавать необходимость защиты сербского населения от хорватской полиции и вооруженных формирований (25, с.33; 53). По мнению В.Кадиевича, книнская армейская группировка ЮНА активно помогала сербам Краины и хорошо справилась со своей задачей. “Она полностью освободила все сербские районы в радиусе своих действий, разделила Хорватию около Задара, деблокировала Синьский, Дрнишский и Задарский гарнизоны, помогла поморской области в деблокаде Шибеника, поставила под угрозу Сплит и очень помогла Лике” (21, с.139). В августе 1991 г. военные освобождали села, занятые хорватами, помогали организовывать оборону сербских сел, обучали местных полицейских, спасали крестьян, прячущихся от налетов усташей. Здесь они впервые столкнулись со зверствами хорватских отрядов. Генерал Лисица описывает в своей книге, как в селе Драгичи усташа ночью зарезали двух восьмидесятилетних стариков, написав на доме “Убить, истребить сербов. Усташа из Читлука” (25, с.48).

Хорватские источники первые боевые действия в Бании связывают с началом июля 1991 г., когда сербская милиция пыталась захватить полицейские участки в общине Двор-на-Уне, Петриня. Хорватская полиция уходила из этих мест, когда видела, что сербским отрядам оказывалась поддержка ЮНА. В начале августа был занят Топуско, другие населенные пункты. Но сами хорватские исследователи отмечают, что в операциях в Бании были задействованы незначительные силы югославской армии, большую роль сыграли пропаганда и агитация, которые активизировали «четников и сербских экстремистов», живущих в этих районах (59, с.83-84).

Территория Кордуна – центр Книнской Краины. Как отмечают хорватские военные, здесь не было крупных боевых действий, и из-за слабости местной хорватской власти сербы сумели держать всю территорию под контролем, или, по их выражению, «оккупировать территорию» (59, с.90). В Лике (Книн, Обровац, Бенковац, Грачац) столкновения были серьезными и начались в апреле в районе Киево. Здесь, подчеркивают хорватские военные, ЮНА была очень активна, боролась за Масленичкий мост, а в августе заняла стратегическое положение около Шибеника и Задара.

Военные действия, которые велись ЮНА в районе Дубровника, «обеспечили большое преимущество Хорватии в международных отношениях», отмечают хорватские источники. Хорватия на весь мир заявляла о разрушении города-музея, о постоянном артобстреле. М.Огорец пишет, что первый раз старая часть Дубровника обстреливалась 23 октября 1991 г., а 25 октября югославская армия, подойдя непосредственно к стенам старой крепости, потребовала сдать город. После получения отказа, ЮНА начала постоянный артобстрел Дубровника, который длился до середины ноября (59, с.107-108). Обстрел Дубровника вызвал негативную реакцию в мире и во-многом способствовал формированию негативного общественного мнения в отношении ЮНА, руководства Югославии. Однако, следует подчеркнуть, что сведения о разрушениях старинного Дубровника были преувеличены. Английский журналист Д.Оуэн писал в 1994 г., что «прекрасные старинные строения... все еще существуют... Здесь я вам раскрою маленький секрет. Дубровник вообще не пострадал. Почему журналисты мира своим сердитым зрителям, читателям и слушателям не объяснили, что хорватская армия, когда сербы двинулись по адриатическому берегу к Дубровнику, выбрала этот средневековый шедевр архитектуры в качестве артиллерийского опорного пункта для этого региона, что сербская армия вообще не намеревалась разрушать его, так как тогда все еще считала его частью своей родины, своей Югославии?» (31, с.37-38).

Самые трагические события, пожалуй, развернулись на территории Западной Славонии. По переписи 1981 г. в 9 общинах Западной Славонии существовал 251 населенный пункт с абсолютным и 32 с относительным сербским большинством. Эти цифры были бы еще больше, если бы многие сербы не записывались как «югославы». С первых месяцев 1991 г. началось систематическое насильственное изгнание сербов с их исконных земель. До 15 августа

1992 г. было полностью этнически очищено от сербского населения 10 городов и 183 села, а частично очищено 87 сельских населенных пунктов (40, с.4, 5, 2). Преследования сербского населения продолжались и позже, так что эти цифры увеличивались.

На села с сербским большинством налеты крупных групп вооруженных активистов ХДС и вооруженные провокации начались весной 1991 г. Как правило, поводом служил приказ об установке новых хорватских флагов на зданиях общины. Но сербы как могли сопротивлялись появлению шаховниц. “Война флагов” переросла и в Восточной, и в Западной Славонии в настоящую гражданскую войну. За партийными отрядами следовали полицейские. Они встречали сопротивление плохо вооруженных сельчан.

Территориальная оборона Западной Славонии была создана лишь к сентябрю 1991 г. и состояла из 7800 бойцов (46, с.23). В Западной Славонии в селах с большинством сербского населения народ поднимался на борьбу, хотя и был плохо вооружен, не получал помощи и поддержки из Сербии. Во время борьбы, которая длилась до конца 1991 г., отряды ЮНА были в небольшом количестве только в районе Пакраца. После сдачи казарм ЮНА в Вировитице и Беловаре, а также нападения на склады в Даруваре и Вараждине хорваты получили большое количество оружия и смогли дополнительно вооружить солдат, а военные ЮНА покинули территорию Западной Славонии. Ограниченность своих целей в Западной Славонии ЮНА показала упорными и безнадежными попытками играть роль посредника и миротворца в столкновении хорватов и сербов, затем отказом разместить свои корпуса из Вараждина и Беловара на сербском этническом пространстве и отказом дать сербам свое оружие. На всей территории хорватским войскам оказывали сопротивление только местные отряды ТО. Сербам помогали также несколько отставных генералов из Югославии¹, которые поднимали народ на восстание против хорватов. “Народ поднялся, но никто его не защитил и он оказался в беде. Его прогнали” (8, с.198). Поэтому отряды самообороны видели свою главную задачу в том, чтобы вывести народ, провести эвакуацию во избежание его уничтожения. Так обстояли дела в районах с большинством сербского населения.

Один из хорватских офицеров, анализируя войну в Хорватии, отмечал, что боевая активность в Западной Славонии

---

¹ Упомянуты, в частности, Пекич (12, с.198)

началась только 16 августа 1991 г. «после нападения четников на хорватские позиции в районе Окучан» (59, с.76). Уже 21 августа хорватские силы начали контрнаступление в районе Пакраца «и разбили крупные силы четников и сербских добровольцев», что вызвало «панику и ослабление боевого духа» в их рядах (59, с.76).

Поскольку хорватские военные опасались поддержки сербским населением «юго-армии и экстремистов», они, как признают сами, начали операцию по «очистке» территории, населенной сербскими крестьянами (59, с.73, 76).

Выселение сербов из сел под полным контролем хорватских властей из-за немобильности сельского населения осуществлялось посредством самого грубого насилия — физической ликвидации и депортации сербов, уничтожения их имущества. В октябре, например, сербам 25 сел из общины Славонска Пожега было приказано покинуть дома в течение 48 часов, так как «четнические территориальные силы и отряды ЮА¹ все больше угрожают... мирному населению...» (49, с.128). Сербам была дана возможность поселиться или в селах, где большинство составляли хорваты, или в сборных центрах-лагерях, огороженных колючей проволокой. Тех, кто не уходил, убивали, а дома грабили, сжигали или сравнивали с землей.

1 ноября в православный день поминовения усопших хорватская армия начала наступление на сербские населенные пункты в треугольнике Беловар — Подравска-Слатина — Грубишно-Поле. Хорватские военные не скрывают, что контрнаступление сопровождалось «чистками территории от четников» (59, с.76). Хорватию отличало то, что по отношению к сербам это была государственная политика, а не действия отдельных неконтролируемых отрядов. Поэтому некорректно бы было пытаться уравнивать описания зверств. В результате Хорватия достигла своего именно благодаря целенаправленности действий: Хорватия стала этнически однородным государством. Я согласно снять наиболее сильные описания зверств. В ходе этого вандализма было полностью уничтожено 18 сербских сел.

Сразу после перемирия, подписанного в Женеве 23 ноября 1991 г., хорваты предприняли широкое наступление в Западной Славонии по всем линиям фронта. Мирное население и бойцы территориальной обороны, всего 70 тысяч человек, отступили к югу.

---

¹ Имеется в виду ЮНА.

Северная линия фронта переместилась к Пакрацу. Победа хорватской армии на этом направлении, по оценкам хорватских военных, была возможна благодаря лучшей организации войска, недооценка «юго-генералами» его вооружения и боевого духа солдат, а также переоценка «четнических добровольцев и сербских экстремистов» (59, с.77).

Корреспондент ИТАР-ТАСС так охарактеризовал в то время чувства, охватившие Белград: “Белград и Сербия в шоке. Республиканские власти, похоже, не знают, что предпринять. Ибо завтра пленарное заседание мирной конференции по Югославии в Гааге намерено потребовать от них подписания очередного текста плана ЕС о будущем устройстве Югославии, где сербские Краины остаются в составе Хорватии. Если этот план Сербией не будет подписан, Европейские сообщества грозят введением жестких экономических санкций против этой республики” (16, с.5).

Хорваты особо упорно дрались за земли Восточной Славонии. «На этом фронте, — подчеркивали хорватские военные, — разыгрались самые жестокие битвы, с самой большой динамикой и интенсивностью боевых действий обеих враждующих сторон. Здесь были и самые большие потери» (59, с.58). Восточная Славония непосредственно граничит с Югославией. Это - плодородные равнинные земли. Здесь хорошие дороги, линии связи. Важной составляющей экономики этого края является река Дунай. Тогда, в 1991 году, от немецкой Партии зеленых появились сведения, что Хорватия предполагает на Дунае недалеко от Вуковара построить атомную электростанцию, а радиоактивные отходы разместить в подземных ходах Вуковара. За этот проект, по словам “зеленых”, Хорватия получала оружие от Германии (8, с.128-129).

Восточная Славония — густонаселенный край, национальный состав населения — смешанный. Села с преимущественно сербским населением перемежаются с селами с большинством хорватского населения. Согласно точке зрения хорватских военных, «хорватские силы начали здесь подготовку к обороне значительно раньше, чем в других районах, т.к. ЮНА значительно раньше начала концентрировать здесь свои силы, а четники постоянно осуществляли вооруженные провокации» (59, с.60). По их мнению, в борьбе против хорватской власти участвовали: Югославская армия, «пятая колонна», «силы четников

из сел с преимущественно сербским населением», диверсионно-террористические группы (59, с.61).

В начале апреля 1991 г. во всех сербских селах в районе Вуковара были поставлены баррикады. Многие села оказались под двойным контролем. Хорватские полицейские также контролировали все главные дороги, ограничивали передвижение по ним. Напряжение росло. Измотанные постоянными дежурствами на дорогах, слухами о пролитой крови в столкновениях, сербские крестьяне постоянно ожидали нападения хорватской полиции. Между тем, в Восточной Славонии начинается массовое вооружение хорватов. Оружие раздавали в Вуковаре, Винковцах, Осиеке. Сербь создали свой Штаб движения сопротивления. Крестьяне сами доставали или покупали оружие, не гнушались и охотничьими ружьями: только в Борово Село в то время было 130 охотников. Оружие шло и из Сербии, Дунаем. 4 апреля внимание сельчан привлек один член ХДС, (он не хотел, чтобы журналисты упоминали его имя), который пришел в село сдать “калашникова” и рассказал: “Я получил “калашникова”, чтобы использовать его против сербов в террористических целях, чтобы убивать все, что сербское – женщин, детей. Делаю это по собственной воле, я не террорист, но поклялся хорватскому командованию. Сербь ничего мне не сделали, поэтому я сам пришел добровольно, чтобы спасти свою и их головы” (4).

Вообще, случаев сотрудничества сербов и хорватов в этот период было много. Жители Борово-Села рассказывали, что в борьбе против хорватских полицейских им помогали и хорваты, с которыми они жили бок о бок (7). Если уходили хорваты из села, сербы присматривали за их домами и наоборот. Хорватские матери передавали сербским солдатам, заточенным в казармах, письма и еду от их матерей. Хорваты в своих домах прятали сербов, помогали им уйти к своим.

В течение апреля постоянно возникали стычки: полиция стреляла по баррикадам, арестовывала сербов, открыто раздавала оружие, в небе появились полицейские вертолеты. Штаб движения сопротивления в Борово Село объявил 4 апреля общую мобилизацию всех мужчин и эвакуацию женщин и детей, так как ожидалось нападение хорватских сил, которые концентрировались вокруг села.

9 апреля начались переговоры между сербской и хорватской сторонами по вопросу о совместной жизни и соблюдении прав человека. С сербской стороны в переговорах участвовал Горан

Хаджич; с хорватской — начальник полиции Осиека Иосип Рейхл-Кир, член реформированной коммунистической партии Хорватии. В результате пришли к договоренности, что к 14 апрелю все баррикады в селах будут разобраны, а полиция будет гарантировать сербам безопасность, пока не будет проведен референдум о будущем Югославии. При этом Иосип Рейхл-Кир пообещал, что проведет чистку в полиции, и там останутся только достойные люди. Люди вздохнули с облегчением, баррикады были разобраны.

Забегая вперед, скажем, что 1 июля Иосип Рейхл-Кир вместе с градоначальником Осиека поехал на баррикады в Тене, чтобы попытаться активизировать переговоры с сербами. Переговоры шли успешно и должны были быть продолжены в Осиеке. Делегация в составе 4 человек (к хорватам присоединились и двое сербов) направилась в Осиек. Но они были остановлены хорватскими полицейскими во главе с Антуном Гуделем (председатель партии ХДС в Тене), которые затем открыли по машине огонь. Трое из четверых были убиты¹. Смерть начальника полиции помогла экстремистам, объединенным вокруг губернатора Бранимира Главаша, продолжить против сербов вооруженную борьбу (26, с.53).

Но несмотря на договоренности, напряжение не спало.

Газета “Глас Славоние” и другие газеты публиковали списки нелояльных сербов, причем написать мог любой, даже анонимно, не очень заботясь об аргументации. И тут же имена сербов появлялись на страницах газет. Если твое имя попадало в газету, то это означало, что ты оказался в черном списке, и к тебе отношение окружающих хорватов, включая властей, могло быть соответствующим. В газете “Глас Славоние” эта акция носила название “Открываем, кто является военным преступником в Славонии и Баране”. Например, среди присланных свидетельств против сербов публиковались такие: “Илия Кнежевич, бывший руководитель “Шумарии” в Осиеке и преподаватель на сельскохозяйственном факультете, наверное, является каким-нибудь четническим советником в Эрдуте, а видели его и в Баране”, “Степан Майер, который также живет на Дунайской улице, хоть и немец, но назвал себя сербом и стал лояльным четническому штабу в Дале”, “Лубурич из Эрдута участвовал в кровопролитии в Боровом Селе, а сейчас в Эрдуте он один из ведущих палачей” (51).

---

¹ В 1991 г. после совершенных преступлений А.Гудель покинул страну, но позже был арестован и предан суду в г. Осиеке.

Определенным этапом развития хорватско-сербских столкновений в Восточной Славонии стали события в большом сербском селе Борово Село 2 мая. Они всколыхнули не только Восточную Славонию, дав сигнал сербам к самообороне, но и все остальные сербские земли. Как сообщали тогда газеты, 2 мая специальные отряды хорватского МВД и полицейские из Осиека и Винковцев вошли в село, убили на площади перед зданием Местного содружества мирного жителя, который читал газету. Завязалась перестрелка, которая переросла в кровопролитное столкновение, длившееся несколько часов.

В нападении на Борово Село среди хорватских сил были и добровольцы-хорваты из Боснии. Один из них (имя не приводится, он из села Лопаре около Тузлы) вспоминал, что его рекрутировали полгода назад хорватские военные, пообещав большие деньги. Его и несколько десятков молодых людей из того же села обучали в Винковцах, держали в подвалах, о ситуации не информировали. “Когда мы поехали в Борово, нам сказали, что это обычная проверка. Мы получили половину платы и обещание, что остальное выплатят при возвращении. Нас разделили на группы по пять человек и приказали каждой группе сесть на переднее сиденье автобуса, сказав, что старшие коллеги будут сидеть сзади. Когда в Борове начали стрелять, мы первые вынуждены были выходить...” (24).

Предупрежденная о столкновении в селе, Югославская народная армия прибыла на место событий и под конвоем вывела всех хорватских военных из окружения. Тогда армия еще стремилась стать между воюющими сторонами, быть нейтральной в межнациональных столкновениях.

В мае столкновения приобретают организованную форму. Хорваты вооружают не только членов ХДС, но и всех желающих, хорватская полиция активизирует свою деятельность во многих селах Восточной Славонии.

В селе Тене баррикады на улицах были поставлены 29 мая 1991 г., когда футболисты «Црвены Звезды» победили марсельский “Олимпик”. В тот день хорватская полиция на 10 автобусах приехала из Осиека и арестовала всех сербов, которые праздновали эту победу (18, с.6). Борьбу за село Тене, в котором из 10 тысяч жителей сербы составляли около восьми, описывает в своих воспоминаниях полковник А.Йованович, присоединившийся к сербским

ополченцам как доброволец. Он приводит много любопытных деталей, которые позволяют реконструировать тактику хорватских властей, мироощущение и миропонимание сербских защитников своих очагов. В частности, он описывает нападение хорватских подразделений на Тене 30 июня 1991 г. (18, С.8). Совершенно неожиданно для многих, в пятницу 28 июня ночью, скрыто и бесшумно большинство хорватских семей покинули село. При этом им никто не угрожал, межнациональных стычек среди соседей не наблюдалось. Хорваты ушли из села так скрыто, что их не заметили даже выставленные на дорогах патрули, и так внезапно, что не взяли с собой никаких вещей. “Что в действительности произошло той ночью, неизвестно. Во многих домах на столах остался недоеденный ужин. В домах остались все вещи. В некоторых даже и оружие. Расправлены были постели ко сну, обувь перед дверью, недокуренная сигарета в пепельнице, личные документы. Как будто страшное привидение забрало только людей, а скот оставила в загонях и сараях. Через десять дней один хорват позвонил своему соседу сербу и умолял присмотреть за домом, сказав при этом: “За одну ночь стал голым сиротой, а не знаю почему” (18, с.8). Тогда кружили слухи, что ХДС сообщила хорватам, что ночью они нападут на село и убьют всех сербов, поэтому лучше временно оставить дома. В такой ситуации сербов легко было обвинить в геноциде над хорватским населением и начать акции возмездия.

Столкновения в Дале, Эрдуте, Осиеке, Крушеве, Вуковаре начались еще весной, но особенно жестокими они стали в конце лета. Нападениям подвергались все сербские села, упорные бои шли за каждое из них. Слабо вооруженные сельчане практически вели войну против вооруженных единиц, за которыми стояло государство. Они отбивали постоянные нападения на село в июне и июле 1991 г. Крестьяне из соседних сел объединялись и вместе освобождали Ново Тене, Клису, Орловняк, Ласлово, Антуновац и др. (18, с.9). Среди сербов было крайне мало военных специалистов, они часто учились стрелять из пушек, прибегая лишь к крестьянской смекалке (18, с.11).

А.Йованович описывает, что армия часто не выполняла своих обещаний помочь сербам, избегала вставать на их сторону, что и крестьяне не очень верили в поддержку со стороны ЮНА. Он называет тогдашних офицеров нерешительными, неспособными и несмелыми (18, с.23).

Армия Югославии весной 1991 г. еще находилась во всех республиках СФРЮ. По национальному составу она продолжала оставаться многонациональной. В ее руководстве было много хорватов, словенцев, македонцев. Например, командующий В.Кадиевич был наполовину хорват, считал себя югославом, его замы: адмирал С.Бровет – словенец, Й.Грегориц – хорват, командующие авиацией хорваты А.Тус, а затем З.Юрьевич, командующий Центральным округом – македонец А.Спировский, начальник штаба Центрального округа – хорват А.Силич.

Позиция ЮНА в событиях 1991-1992 г. – пока неисследованная тема, хотя писали о ней много. Главным образом, критически. В 1991 г. югославскую армию критиковали словенцы и хорваты как оккупационное войско, которое действует на стороне сербов (59, с.21); средства массовой информации часто называли армию сербской или, во всяком случае, воюющей на стороне Сербии. Сербы же подвергали армию критике за то, что она в хорватско-сербских столкновениях не встала на сторону сербов, не защитила свой народ.

Между тем, армия находилась в трудном положении в распадающейся федерации: она пыталась придерживаться Конституции (потому бросилась защищать границы СФРЮ), была верна идеям интернационализма, братства и единства, пыталась занять нейтральную позицию (буфера) в межнациональном конфликте. Во время вооруженных столкновений армия настойчиво соблюдала нейтралитет, играла роль сдерживающего барьера между сербскими и хорватскими силами. Имеются данные, что там, где не было ЮНА, были уничтожены 27 сербских сел (8, с.175). Б.Йович, член Президиума СФРЮ, вспоминает, как уговаривал В.Кадиевича в январе 1991 г. дать приказ армии защитить сербов в Хорватии. Министр обороны отвергал все просьбы, боясь что в этом случае армию назовут «сербской» (19, с.259). Исполнение приказа не стрелять уносило десятки жизней молодых солдат. При этом огромная армейская машина с трудом могла измениться в короткие сроки. Страна распадалась, уже создавались армии Словении, Хорватии, Македонии на чисто национальной основе, а собственно сербской армии не было. В 1991 г. из ЮНА уходили солдаты и офицеры – хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане; армия же продолжала оставаться югославской. Никто не ставил армии четких задач, цели ее деятельности при объявлении мобилизации осенью

1991 г. определены не были. Поэтому в армии царили хаос, неразбериха, путаница.

Зная, что сербы в Хорватии надеются на ЮНА, т.к. слабо вооружены и не имеют опыта, армия в теоретическом плане склонялась к необходимости защищать сербов в Краине, если хорваты нападут на них. Однако на практике осуществлялась позиция равного удаления от сторон. Армия начинала стрелять лишь тогда, когда сама оказывалась под огнем хорватов.

Уже 6 мая 1991 г., после событий в Борово Село, Главный штаб ЮНА выразил желание обеспечить стране мир.

9 мая Президиум СФРЮ после бурных дискуссий, продолжавшихся несколько дней и ночей, призвал к миру на основе Конституции, принял решение о дополнительной мобилизации резервного состава милиции с целью изъятия оружия у населения, об ограничении передвижения в зонах столкновения, о начале переговоров между сербами и хорватами, поручил ЮНА сделать все возможное, чтобы восстановить мир в Хорватии.

После событий в Словении офицеры ЮНА разделились на тех, кто решил защищать единство Югославии, и тех, кто думал вернуться в свою республику. Министр обороны В.Кадиевич телеграммой одобрил отъезд из армии всех, кто хотел, объясняя: "Лучше их отпустить из армии, чем они будут создавать нам проблемы" (33, с.56). Из ЮНА, по приказу своих правительств уходили хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане. Но оставшийся комсостав ЮНА продолжал отстаивать интересы целого государства, не мог встать на одну из воюющих сторон. Вплоть до осени 1991 г. армия, как правило, пыталась выполнять миротворческую роль, занимать нейтральную позицию в международных столкновениях, спасая то одну, то другую стороны.

В конце июля Ф.Туджман зовет свой народ восстать против Югославской народной армии. ЮНА провозглашается "оккупационным войском, которое угнетает и убивает хорватский народ, а помогает четникам и бунтовщикам". Как признавались сами хорватские офицеры, сигналом к активизации борьбы против ЮНА послужили события в Словении. Конечной целью был вывод войск Югославии с территории Хорватии. Чтобы ускорить выполнение этой задачи, с одной стороны, офицеры и солдаты ЮНА, служившие в Хорватии, а также их семьи подвергались шантажу, прямому нападению, физическому уничтожению,

моральному унижению. Еще в 1990 г. была разработана программа уничтожения всех командиров ЮНА нехорватов, чтобы обезглавить армию на территории Хорватии. Были даже сформированы диверсионно-террористические группы, ответственные за “тихую ликвидацию” (19, с.243). С другой – была разработана тактика одновременной блокады армейских гарнизонов, военных объектов, казарм по всей Югославии. Приказ об этом был отдан 14 сентября 1991 г. По словам хорватских военных, тактика применялась разная: от военной хитрости до длительных переговоров, от отключения воды, света, неподвоза продовольствия, лишения связи с окружающим миром до вооруженных нападений, обстрелов, поджогов (59, с.118).

В результате некоторые гарнизоны, такие как Чаковец, Риека, Пула, передали все объекты ЮНА, включая военную технику и вооружение, хорватским властям без особого сопротивления, другие оказали жестокое сопротивление. Среди них Карловац, Вуковар, Осиек, Задар и др. (59, с.117). Хорватам в середине сентября удалось занять большинство гарнизонов и складов на территории Хорватии. Сдалась казарма в Госпиче, военные были убиты. Пали гарнизоны в Вировитицах (200 человек), Славонском-Броде, Плоче, гарнизон в Джаково сдался без борьбы, из последних сил держались казармы в Вараждине и Беловаре. Блокированы были казармы в Загребе и других городах, Далмация полностью отрезана, в Восточной Славонии воеводинские бригады разбежались. Отмечалось предательство со стороны хорватских офицеров, которые еще служили в югославской армии. Впрочем по всей Хорватии, как явствовало тогда из телеграммы командующего Пятой военной области, держались лишь три гарнизона (Копривница, Беловар и Вараждин), все остальные были уже в руках хорватов. В середине сентября пало большинство объектов гарнизона Вараждин. В руки хорватской армии попало много оружия (33, № 2357, с.57).

О блокированных армейских гарнизонах в Хорватии, наверное, напишут книги. В поведении руководства этих частей до сих пор много неясного. Некоторых обвиняли в нерешительности, отсутствию четкой позиции, других судили после вывода части из Хорватии, третьих награждали. Рассказы тех, кто пережил блокаду в казармах – это притчи о трагедии офицеров и солдат, которые потеряли идеалы, не научились стрелять в свой народ, переживали часы неведения и беспомощности.

Полковник Берислав Попов, командующий 32 бронетанковой бригадой Вараждинского корпуса, писал, что в начале августа казарму ЮНА в Вараждине оставил начальник штаба хорват Андрия Чондор, а также четверо из пяти старших офицеров. Из 170 старшин осталось 50. Б.Попов вспоминает, что из армии в тот момент бежали не только хорваты или словенцы, но и сербы, и черногорцы, видимо опасаясь приближающейся войны. Когда вокруг казармы выставили патрули, то сбежал и патруль. В результате в бригаде из 1300 человек осталось 300, а по военному времени должно было быть 4000 (33, №2357, с.56).

Вот как вспоминает время, проведенное в блокированной вараждинской казарме сербский генерал Теодор Врачаревич: "...Когда начали открыто плевать в армию, физически нападать, неважно ты в гражданском или в форме, тогда я уже не уходил на квартиру. Многие вообще не ходили домой. Четыре-пять месяцев я не выходил из служебного помещения. Это была тюрьма, темница. Там я и жил, и работал, а что было надо, приносили сотрудники. Я пытался часами, днями получить связь с Белградом, с Генеральным Штабом. Не получалось. Настолько связь была перегружена. Я больше уже и не мог выходить наружу. Около нашего здания и ночью, и днем сменялся хор женщин, так называемая "стена любви", которые без остановки пели. И ночью, и днем, понимаешь? ...Пели о могилах. Стонал весь город. Мы не появлялись. Через микрофон призывали матерей разойтись. Те женщины, эта "стена любви", колоннами со свечами в руках днями и ночами ходили около здания. ...За ними только видишь полицию. Полностью нас окружили. Создается впечатление, что тебя задушат. В здание войти не пытались. Так они менялись днями и ночами. А отсюда нет никаких известий, нет никаких гарантий. ...Мне не жаль было погибнуть, но я себя спрашивал: за что? Месяцами я не получал никаких приказов, не знаю, что делать, не имею оружия. Месяцами жду, что эти из Генерального штаба скажут, что предпишут, как себя вести, и ничего не получаешь. Я думал, что совсем пропал. Ты в окружении без света и воды, воду иногда дадут, тогда хватаешь посуду, чтобы вода была для самого необходимого, а света не было. Ни кофе, ни чай не можешь сварить. Только все сухое. Погибал и днем, и ночью от нервного напряжения, без сна..." (8, с.119-121).

Генерал В.Трифуневич, командующий Вараждинским корпусом, писал о том, как трудно протекали часы и дни в ожидании помощи из Белграда под непрерывным огнем осаждавших

хорватов. Генерал стал склоняться к мысли, что освобождение гарнизона не входит в планы руководства ЮНА, поэтому помощь не придет¹ (42, с.13). Министр обороны В.Кадиевич обещал всех освободить. Оставалось ему верить и ждать. Ощущалась полная безнадежность и незащищенность. Не имея никакой помощи, осажденные Вараждина получали от высшего командования приказы стоять до конца. Лишь 22 сентября, получив приказ отступить, Б.Попов был вынужден сдать казарму (33, № 2358, с.56). По возвращении в Сербию, полковник Попов, генерал Трифунович и некоторые другие офицеры были обвинены в “подрыве военной мощи страны”, распаде армии, предательстве и осуждены на шесть и более лет тюрьмы (33, № 2356, с.51).

После майских событий в Борово-Село, Белград начал укреплять казарму в Винковцах. Майор Бранислав Джорджевич пишет, что в июне участились провокации – сопровождение колонн, досмотр и обыски квартир военнослужащих, открытие огня, возведение баррикад, минирование выходов из казарм. В хорватских СМИ военных называли “четническо-коммунистической солдатней”, “оккупантами”. В сентябре казарму окружили, соседние здания превратили в бункеры и огневые точки. 11 сентября хорваты напали на колонну автомобилей, взяли в плен 30 человек, а ночью начали штурм казармы. За пятнадцать дней по казарме было выпущено более 5 тысяч снарядов. Стрелявшие хорошо знали расположение казармы, складов, многие хорваты проходили в ней обучение, около двухсот военных-хорватов перебежали из казармы к своим. Из 700 человек осталось едва 200. Среди оставшихся 40% были албанцами. Офицеры ЮНА просили свое командование разрешить им открыть склады и отдать оружие сербам из Мирковцев, но такого разрешения не получили. 13 сентября в казарме отключили свет и воду. Переговоры к успеху не привели. Хорваты начали жесточайший обстрел казармы, а в ответ из казармы открыли не менее сильный огонь. Командование 17-го корпуса, к которому относилась казарма в Винковцах, не разрешала вывести дивизион из казармы. “Командование корпуса вело себя так, будто

---

¹ Генерал В.Трифунович вывел из строя технику, уничтожил все документы и договорился с хорватами о возможности вывести людей. По возвращении в Сербию был осужден как предатель на 11 лет тюрьмы. 17 января 1996 г. помилован. В Хорватии заочно он был приговорен к 15 годам лишения свободы за преступления против хорватского народа.

не было войны”: в течение июля и августа офицеры получали приказы от высшего командования проводить занятия и учебу, готовиться к приему призывников, писать регулярные отчеты (18, с.41). За 15 дней борьбы казарма не получила никакой помощи. В результате боев погибло десять человек, а ранено восемьдесят. 25 сентября хорваты предложили переговоры, в результате которых первая колонна с ранеными после обеда покинула казармы. Но хорваты остановили колонну, срывали с раненых повязки и избивали их. 26 сентября все военные покинули казарму, вывезли оружие, боеприпасы, материально-технические средства, а также тела погибших товарищей и перешли в Сербию (18, с.45).

Офицеры блокированной казармы в Загреб вспоминали, что в казарме долгое время была отключена вода, а первый обстрел казармы начался 17 ноября поздно вечером. “Со всех сторон началась пальба из разного оружия. Стреляли из-за баррикад, из-за склада, из-за зданий. Вскоре и защитники казармы открыли ответный огонь. Вдруг послышался сильный взрыв. Это один снаряд взорвался на плаце перед казармой. Тогда командование отдало приказ ответить в двойном размере — выпустить два минометных снаряда. После этого сильных взрывов больше не было” (29). Офицеры вспоминают, что среди них были и те, кто не участвовал в защите казармы, не выходил из помещения, лежал или сидел на полу. Большинство из них позднее дезертировало.

Действия ЮНА вызывали нескрываемое недоумение у сербской стороны, которая полагала, что армии, которая уже на 90% стала сербской, пора встать на защиту своего народа. У руководства Югославии была другая дилемма: с одной стороны, надо было бы помочь сербам в Краине, но Сербия не находилась в состоянии войны с Хорватией; с другой стороны, Сербия не имела еще своей армии, хотя военное министерство осенью 1991 г. было создано. Попытка назначенного министром обороны Сербии в сентябре 1991 г. генерала Томислава Симовича создать сербскую армию не увенчалась успехом. Он был министром без армии, но хотел создать ее: неидеологизированную, надпартийную, профессиональную, компетентную. Его идея (ноябрь 1991 г.) в самое короткое время разработать Закон об организации вооруженных сил Сербии была встречена в штыки как в СПС, так и в оппозиционных партиях, а особенно в ЮНА, поэтому реализовывалась достаточно медленно. И если в Словении и Хорватии уже твердо знали о своей будущей

самостоятельной судьбе, то Белграду еще не было до конца ясно, в каких границах будет Югославия и, соответственно, Сербия, в каких отношениях будут состоять сербская и югославская армии.

В этой неразберихе в Сербии осенью 1991 г. с большими трудностями шла мобилизация резервистов и призывников в армию. На первый призыв откликнулись лишь 25% (19, с.385). Некоторые призывники вообще не хотели воевать, другие отказывались идти в армию со “звездочкой” на пилотке, третьи добровольно оставляли позиции. Не хватало оружия, техники, обмундирования для новой армии. Ведь многие казармы, находившиеся на территории Хорватии, находились в окружении. Сотни единиц боевой техники оставались на захваченных территориях, бросались дезертирами. Туго обстояло дело и с мотивацией: молодежь не хотела служить за границами Сербии и, тем более, воевать в Краине. Происходила путаница между добровольцами и резервистами. После обучения и вооружения многие резервисты убежали домой, а некоторые и с оружием. В Сербии появилось много вооруженных людей.

Многие исследователи полагают, что причины того, что армия не смогла выполнить свои задачи в Западной и Восточной Славонии, связаны с политическим, экономическим, моральным, кадровым состоянием армии и руководства страны в целом (18). ЮНА упрекали за нерешительность, за тактику топтания на месте. Но это явление в отсутствии стратегии я бы назвала не военной тактикой, а отражением борьбы двух концепций – национальной (защита интересов нации) и теории братства-единства (уважение интересов других республик).

В начале октября министр обороны СФРЮ В.Кадиевич в обращении к военным подчеркнул, что никогда в истории армия еще не находилась в таком незавидном положении: народ остался без государства, Президиум СФРЮ не может определить свои дальнейшие шаги. “Такого отношения верховного главнокомандующего и председателя правительства к собственной армии мир еще не знает” (22). В речи министра четко прослеживалось изменение позиции армии от попытки “помешать кровавым межнациональным столкновениям” до “установления контроля над кризисными территориями, защитить сербское население от изгнания и уничтожения и освободить военных ЮНА и членов их семей” (22). Президиум СФРЮ провозгласил положение “непосредственной военной опасности”, что позволяло начать мобилизацию.

По словам шефа кабинета Министра обороны Сербии Д.Гаич-Глишич, в начале декабря 1991 г. ситуация на фронтах в Хорватии становилась все серьезнее. Позиции оставляли последние солдаты ЮНА, на мобилизацию никто не отвечал. Ушедшие с фронта рассказывали о дезорганизации армии, плохом вооружении, отсутствии координации между военными подразделениями, некомпетентном командовании. Большинство ощутило свою ненужность. Существовала опасность, что Сербию придется защищать в Земуне¹ (8, с.202).

В ноябре 1991 г. руководство Югославии задумалось о дальнейшей судьбе сербско-хорватских отношений. И С.Милошевич, и Б.Йович, заместитель председателя Президиума СФРЮ, склонялись к радикализации ситуации. Если сербы в Хорватии удерживают большинство своих территорий, то надо попросить ООН защитить их. Письмо в Совет Безопасности на имя его председателя было послано 9 ноября 1991 г. В письме отмечалось, что гражданская война в Хорватии приняла огромные размеры и может перекинуться на всю Югославию. Политика хорватских властей по отношению к сербам вызывала у Президиума СФРЮ глубокую тревогу, и поэтому этот вопрос предлагалось включить в повестку дня СБ. Президиум СФРЮ просил СБ направить в Хорватию миротворческие силы, разместив их между территорией с большинством сербского населения и остальной хорватской территорией. "Тем самым миротворческие силы ООН создали бы буферную зону и развели враждующие стороны до тех пор, пока югославский кризис не будет разрешен мирным справедливым способом на основе международного права при участии ООН" (19, с.409-410).

В декабре 1991 г. Сайрус Вэнс разработал специальный план миротворческих операций ООН в Югославии, который включал в себя наиболее общие принципы использования "голубых касок" на территории Хорватии. Прежде всего, миротворческая операция должна была иметь временный мандат, сначала на 6 месяцев, и только для того, чтобы создать "условия для мира и обеспечить безопасность, необходимую для переговоров о всеохватывающем решении югославского кризиса" (54, с.97). Присутствие миротворцев не должно предопределять исхода переговоров. С планом должны были согласиться все субъекты конфликта и обеспечить

---

¹ Район, прилегающий к Белграду.

мировотворцам необходимую помощь. Страны-члены ООН добровольно посылают в Югославию своих миротворцев. Верховное командование осуществляет Генеральный секретарь ООН, а не правительства соответствующих стран. Непосредственно в Югославии миротворческой операцией должно руководить гражданское лицо, лично ответственное перед Генеральным секретарем ООН. В Хорватии Сайрус Вэнс предлагал определить демилитаризованные “районы под защитой ООН” (РООН), на которых население будет защищено от нападения. Прежде всего, это должны быть территории с большинством сербского населения, где шли ожесточенные бои. Сайрус Вэнс определил три таких территории – Восточную Славонию, Западную Славонию и Краину (54, с.97-102).

Этот план был одобрен ООН. В Югославию направилась группа военных и гражданских лиц для подготовки прихода “голубых касок”. Б.Бутрос-Гали начал готовить миротворческую миссию, названную “Силы ООН по охране” (СООНО). Первый мандат был выдан миссии сроком на 12 месяцев. Все последующие резолюции СБ расширяли и уточняли полномочия и функции “голубых касок”.

В конце января – начале февраля 1992 г. Президиум СФРЮ принял мирный план Сайруса Вэнса о направлении в Хорватию миротворческих сил. В специальном заявлении С.Милошевича подчеркивалось, что в результате реализации мирного плана ООН будет обеспечена “полная защита территории Сербской Краины... В Сербской Краине граждане смогут почувствовать себя в безопасности и свободно решать свою будущую судьбу” (55). С.Милошич сумел добиться также одобрения плана ООН со стороны сербов РСК. Препятствий приходу “голубых касок” не было.

До размещения “голубых касок” на территории Хорватии столкновения между сербами и хорватами продолжались.

В ночь на 8 марта 1992 г. Хорватия начала обстрел Барани, чтобы попытаться освободить часть территории, пока не пришли войска ООН. Как сообщалось в документах ООН, 21 июня хорватская армия атаковала позиции сербских сил территориальной обороны вблизи Дрниша к югу от южного сектора и продвинулась вперед на несколько километров. “Это привело к ответному артиллерийскому обстрелу сербскими силами города Шибеника и к контрудару 22 июня хорватских сил, подвергших артиллерийскому обстрелу Книн в пределах южного сектора. Наступление хорватской

армии, которое, по оценкам СООНО, осуществлялось силами двух бригад хорошо спланированным образом, является уже вторым по счету за последний месяц в этом районе. Обе операции были предприняты в нарушение достигнутого 2 января 1992 г. в Сараево соглашения, регламентирующего пути обеспечения прекращения огня” (13, с.3).

Свидетельства о продолжающихся убийствах сербов на территории Хорватии не были достоянием широкой общественности. Лишь позже стали появляться неоспоримые документы о зверствах, чинимых против мирного сербского населения. 1 сентября 1997 г. хорватская газета “Ферал трибюн” опубликовала признание Миро Байрамовича, который осенью 1991 г. воевал в Первом загребском отряде милиции особого назначения при МВД, более известном под названием “Осенние дожди”, и собственноручно убил 72 человека, в том числе 9 женщин. Этот отряд занимался “чисткой” территории от сербов. “Никаких скидок мы не делали, — писал он, — все они были для нас четники и враги. Самое трудное сжечь первый дом и убить первого человека. Потом все идет как по шаблону... Сербам в то время приходилось несладко. Не даром же говорилось, что там, где мы пройдем, трава не растет” (2, с.74, 77).

В Хорватии существовали лагеря для сербов — в Пакрачка-Поляне, около Госпича и три лагеря в Сисаке. Председатель Исполнительного комитета Содружества сербов в Хорватии М.Шкорич говорил об этом с Ф.Туджманом, на встрече с российской делегацией, но за разглашение тайны был арестован (1).

В результате вооруженных действий на территории Восточной Славонии, тысячи хорватских жителей оставляли свои дома и уходили в другие области Хорватии. Иногда они уезжали сами, гонимые страхом неизвестности и грядущей опасности, а иногда — под давлением сербов. Как сообщил Б.Бутрос-Гали в докладе от 24 апреля 1992 г., “20 апреля в восточном секторе СООНО были свидетелями высылки 107 хорватов из Вуковара, 100 — из Тени и 21 — из Маранци, при этом всех выслаемых обязывали подписывать заявление о том, что их отъезд носит добровольный характер” (11, с.5). СООНО одновременно сообщали, что в западном секторе сербское меньшинство подвергается преследованиям со стороны “относящихся к хорватам отдельных лиц и групп”: продолжаются поджоги и/или взрывы населенных сербами домов в

этом секторе. Улики свидетельствовали о причастности к этому хорватской армии и полиции (12, с.4).

С весны 1992 по весну 1995 г. РСК была под защитой "голубых касок". Батальоны миротворцев расположились вдоль границы РСК и Хорватии и создали благоприятный период для стабилизации положения в республике, упрочения ее экономики. Однако хорватскую армию не смущало присутствие миротворцев на территории Хорватии, и она предприняла ряд военных операций по захвату территорий РСК, стратегически важных для Хорватии. В июне 1992 г. хорватские силы начали наступление на плато Милевачки южнее Дрниша, вошли в защищенную зону СООНО и убили 48 сербских солдат. «Голубые каски» не реагировали, не пришел на помощь и Белград. А последовавшее требование СБ ООН вывести хорватские войска из зон, находящихся под защитой ООН, так и не было реализовано. Хорватия решала свои проблемы с использованием оружия¹.

22 января 1993 г хорватская армия совершила широкомасштабную интервенцию в секторе "Юг" вблизи моста в Масленице. В нападении на сербские позиции участвовали пехота, артиллерия, танки, ракетные установки. В письме вице-премьера правительства СРЮ Р.Контича командующему СООНО отмечалось, что "в последнее время главный штаб СООНО неоднократно предупреждали о том, что Хорватия готовит нападение на РСК" (14, с.12). Однако со стороны "голубых касок" никакого решительного противодействия агрессии не последовало. Наступление было остановлено после десяти дней упорных боев. Погибло 450 сербов, 15 тысяч мирных жителей ушли с этой территории в сторону Бенковаца и Книна. Хорватия напала на РСК в самом начале осуществления плана Вэнса-Оуэна, когда Милошевич и Чосич подтвердили, что не имеют территориальных претензий к Хорватии. Правительственная армия заняла территорию в несколько десятков квадратных километров. Совет Безопасности в Резолюции № 802 (25 января) осудил действия Хорватии и потребовал немедленного прекращения хорватскими вооруженными силами боевых действий,

---

¹ Хорватия, как отмечалось в Докладе Генерального Секретаря ООН, "продемонстрировала свою нетерпимость по отношению к Организации Объединенных Наций в тех случаях (июнь 1992 года, январь 1993 года, апрель 1993 года), начав военное наступление через линии конфронтации" (120, с.7).

а также вывода хорватских вооруженных сил из этих районов. 6 апреля представитель хорватского правительства и представитель сербских властей подписали соглашение, которое предусматривало прекращение боевых действий, отход хорватских вооруженных сил на линии противостояния, существовавшие до начала боевых действий 22 января. Мост в Масленице, аэропорт в Земунике и Перучская плотина должны были отойти под полный контроль СООНО. Но хорватская сторона не выполнила договора. Санкций ООН не последовало.

Руководство Югославии в то время понимало сложность задач, стоящих перед сербами в Хорватии во время размещения и деятельности "голубых касок" на ее территории. Важно было наладить функционирование сербского государства – деятельность органов внутренних дел, судопроизводства, обучение кадров, выдачу паспортов и других документов. Поэтому уже в феврале 1992 г., как вспоминает Б.Йович, руководство страны пошло на выделение, правда минимальных, средств из бюджета федерации по системе дотаций на нужды Краины, наметило приоритетные задачи по разработке законодательства республики, опиравшегося на Конституцию СФРЮ, решило помочь с инструкторами для организации органов внутренних дел. Все это должно было удалить Хорватию от Краины, а также зафиксировать в СООНО "существующую" высокую внутреннюю организацию РСК (19, с.437).

С начала 1994 г. на Книн оказывается давление начать переговоры об экономическом сотрудничестве с Загребом. Переговоры должны были пройти несколько фаз и завершиться обсуждением политических вопросов. 29 марта 1994 г. в российском посольстве в Загребе между Краиной и Загребом был подписан договор о перемирии, а в начале декабря 1994 г. был подписан Договор о нормализации экономических отношений между Краиной и Хорватией. Речь шла об открытии автодороги, нефтепровода, о нормализации снабжения водой и электричеством. Предусматривалось продолжить переговоры о возвращении беженцев, о выплате пенсий, открытии железнодорожного сообщения.

В январе Книну был предложен план политического урегулирования отношений с Хорватией, т.н. план "Загреб-4" согласно которому Книнская область должна получить автономию, а

Западная и Восточная Славонию – интегрироваться в Хорватию. Но этот план не устраивал, прежде всего, Хорватию. Она занималась усилением армии, подготовкой к решению вопроса реинтеграции Краины военным путем, что ей и удалось сделать в 1995 г.

Война в Хорватии унесла жизни тысячи людей. Стирались с лица земли города и села, опустошались некогда плодородные земли. По неофициальным данным в боях на территории Хорватии погибли более 30 тысяч человек, а беженцев насчитывается около полумиллиона. Война принесла огромное разорение Хорватии, экономике нанесен колоссальный ущерб. По предварительным подсчетам, только прямые убытки составили свыше 30 млрд. долл. Объем промышленного производства в январе 1992 г. упал на треть по сравнению с предыдущим годом, экспорт сократился почти наполовину. Количество безработных приблизилось к 300 тысячам. В республике почти полностью была разрушена система коммуникаций и железнодорожная связь (23).

Выступая на круглом столе в Загребе, известный хорватский политик, бывший коммунист Стипе Шувар отмечал, что из Хорватии с 1990 по 1996 г. ушло около 400 тыс. сербов (48). По его мнению, “если бы не было первой и второй Югославии, если бы не политика Павелича по отношению к сербам в 1941—1945 гг., а также политика, которую проводит Хорватия Туджмана с 1990 г., то сербов сегодня, в границах нынешней Хорватии, было бы около полутора миллионов” (48).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсенић Р. Туђман је знао све // Политика.- Београд, 1997.- 25 окт.- С.7.
2. Байрамович М. Как мы убивали в Пакрацкой Поляне // Сербия.—Белград, 1997.— № 45.—С.74—89
3. Бижић Д. Умјесто приступне бесједи // Наше село.- Силаш, 1990.- Нов.- С.3.
4. Бозокин М. Барикадама против изненађења // Дневник.-Нови Сад,1991.-4 апр.- С. 4.
5. Ботьковац И. Интервью... с бывшим министром внутренних дел Хорватии // Сербия.—Белград, 1997.—№ 45.—С.65—74.
6. Визенталь С. Интервью... //ИТАР-ТАСС. Серия “СЕ”.-М., 1993.- 5 апр.-С.29-30.

7. Вуковић Н., Дукић С. "Имуни" на смрт // Вечерње новости.- Београд, 1991.-6 мај.- С.6.
8. Гајић-Глишић Д. Српска војска: Из кабинета министра војног.- Београд, 1992.- 313 с.
9. Дакић М. Српска Крајина: Историјски темелји и настанак.- Книн, 1994.- 100 с.
10. Декларација о суверености и аутономији српског народа // Политика.- Београд, 1990.-26 јул.- С.7.
11. Документација ООН.- S/23844.
12. То же.- S/24100.
13. То же.- S/24188.
14. То же.- S/25777.
15. Информативни билтен/ Градски комитет Српске демократске странке.-Осијек, 1991.-10 март, № 1.-10 с.
16. Информација// ТАСС. Сериа "СЕ".-М., 1991.- 6 нояб.-С.24.
17. Историја Југославије.- М., 1963.-Т.2.-430 с.
18. Јовановић А.С. Рат срба и хрвата 1991.- Београд: Политика, 1994.- 183 с.
19. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника.- Београд: Политика, 1995.-491 с.
20. К событиям в Югославии// ТАСС. Сериа "СЕ".- М., 1991.- 12 дек.- С.8.
21. Кадијевич В. Моје виђење распада.-Београд, 1993.-170 с.
22. Кадијевич В. Спречити међунационалне сукобе и геноцид над српским народом// Политика.-Београд.-1991.-4 окт.-С.1.
23. Комдрашов А. Обострение внутриполитических проблем в Хорватии// ТАСС. Компас.- М., 1992.-20 јанв.-N 11.-С.7-14.
24. Кочић П., Суботић Р. Нисмо знали где идемо //Политика.-Београд, 1991.-7 мај.-С.7.
25. Лисица С. Командант по потреби.-Сомбор, 1995.- 224 с.
26. Маппес-Нидик Н. Выстрелы в Тене//Сербия.-Белград, 1996.-№ 28.-С.51-54.
27. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. д-ра истор. наук.-М., 1996.-520 с.
28. Милеуснић С. Духовни геноцид 1991-1993.-Београд, 1994.-153 с.
29. Михаиловић М., Божановић Н., Такић Б. Драма у опкољеним загребачким касарнама // Политика.- Београд, 1993.- 19 септ.- С.21
30. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец ХУП—начало ХХ вв.—М.: Индрик, 1997.— 416 с.
31. Оуэн Д. Непонимание кризиса на Балканах // Сербия.-Белград, 1994.- № 12.- С.37-38.
32. Павловић Р. Ко су страни плаћеници у хрватској војсци // Политика.-Београд, 1992.- 15 фебр.- С.11.

33. Попов Б. Започео сам рат// НИН: Нед. информ. нов.-Београд,1996.-23 фебр.-№ 2356.-С.51-54; 1 марта.- № 2357.-С.56-57; 8 марта.- № 2358.-С.56-57.
34. Прогон срба у Хрватској 1990/1991: Документи.-[Книн], [1991].-48 с.
35. Псуњски. Хрвати у светлости историјске истине.- Београд,1992.- 208 с.
36. Радуловић С. Судбина Крајине.- Београд: Дан Граф, 1996.- 189 с.
37. Рашуо Б. Обмана у служби издаје // Аргумент.-Београд,1995.-29 дец.-С.18.
38. Службени гласник Српске области Славонија, Барања и Западни Срем.- Бели Манастир,1991.-19 дец.- № 1.
39. Сообщение // ТАСС. Серия "СЕ".- М., 1991.- 10 дек.-С.11.
40. Сообщение Сербског Сабора об изгнаним сербског народа и етническој чистки Западној Славонији со стороны властей Републики Хорватији.-Белград, [199-].-Рукопись.
41. Срби у Хрватској: Населџавање, број и територијални размештај.-Београд: Стручна књига, 1993.- 278 с.
42. Трифуновић В. Нећу милост // НИН: Нед. информ. нов.-Београд,1996.-26 јан.-№ 2352.-С.12-14.
43. Уводно излагање на изборној Скупштини СДС за опшину Осиек // Наше село.- Силаш, 1990.- Нов.- С.3-4.
44. Устав Републике Српске Крајине.- Книн, 1991.- 28 с.
45. Фадеев Е. Агресија//Правда.-М.,1995.-8 авг.-С.3.
46. Чињенице о Западној Славонији.-Пакрац, 1992.-100 с.
47. Џеловић М. Корни мржње и геноцида над србима // Вечерње новости.- Београд, 1991.-1 јун - 30 јун.- С.25.
48. Шувар С. Срби су отишли // НИН : Нед. информ. нов.-Beograd,1996.- 15 нов.- №№ 2394.-С.27.
49. Југославија в огне: Документи, факти, коментарији (1990-1992).- М.,1992.-392 с.
50. Croatia between war and independence.-Zagreb, 1991.-91 s.
51. Dodatna istina о slavonskim četnicima //Glas Slavonije.-Osijek, 1992.-22 trav.-S.9.
52. Hoppe H.-Y. Die neue politische Elite Kroatiens.-Köln: Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien, 1997 (7).- 41 s.
53. Izveštaj о provedjenju izjašnjavanja Srpskog naroda u Republici Hrvatskoј о srpskoј autonomiji. 30.09.1990. Рукопись.-2 с..
54. Крајишник М. Intervju...//Telegraf.-Beograd,1994.-24 avg.-С.4-5.
55. Milošević S. Izjava predsednika Republike Srbije од 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG.- Beograd, 1991.-31 dec.
56. Mišetić B. Sviće hrvatska zora // Slobodna Dalmacija.-Split, 1992.-16 nov.-S.9-10.
57. Nacionalni sastav stanovništva, 1991 // Jugosl. pregled.- Beograd, 1992.- G.36, br.1.- S.3-22.

58. Obrazloženje uz Nacrt odluke o osnivanju i konstituisanju Zajednice opština Sjeverne Dalmacije i Like. Рукопись.- 2 с.
59. Ogorec M. Hrvatski domovinski rat 1991-1993.- Opatija: Otokar Keršovani, 1994.-192 s.
60. Tudjmanova Hrvatska nastavlja politiku fašističke NDH (1941-1945) //Bilten vesti.-Moskva, 1995.-8 avg.- S. 1-11.

ОПЕРАЦИИ “БЛЕСК” И “БУРЯ”

Отказавшись от переговоров и попыток дипломатическими средствами урегулировать отношения с сербами Краины, руководство Хорватии стало склоняться к решению проблемы военным путем. В мае – августе 1995 г. хорватская армия провела две молниеносных военных операции по присоединению территории Краины к Хорватии, которые сопровождались уходом сербов из родных мест. Потерпела крушение миротворческая концепция и строившаяся несколько лет система охраняемых ООН районов. В результате мир лицевезрел исход 250 тысяч сербских мирных жителей, которых по дороге расстреливали хорватские военные.

ООН проводила в Хорватии миротворческую операцию с 1992 г. Земли, на которых компактно проживали сербы, были разделены на три сектора. Восточная Славония, Бараня, Западный Срем входили в Сектор “Восток”, Западная Славония – в Сектор “Запад”, Бания, Кордун, Лика и Северная Далмация – в Секторы “Север” и “Юг”. Западная Славония уже в 1991 г. была большей частью «очищена» от сербов. Лишь ее южная часть, по которой проходила дорога Загреб-Белград, находилась под контролем «голубых касок».

Три года хорватская армия вооружалась, модернизировалась, обучалась. Запрет на поставки оружия для Хорватии не существовал. Силы хорватской армии оценивались в средствах массовой информации по-разному: от 100 до 240 тысяч человек.

Перед началом операции хорватские власти заручились дипломатической поддержкой Германии и США, добились изменения статуса миротворцев в Хорватии и РСК. Численность войск, участвовавших в операции «Блеск» в Западной Славонии,

насчитывала, по оценкам хорватских специалистов, 12 тыс. человек (цит. по: 28).

Время для операции “Блеск” было выбрано удачно. 1 мая и в Белграде, и в Москве начинается декада праздников, а, значит, можно рассчитывать на внезапность наступления. Для Загреба 1 мая имеет еще и другое символическое значение. Именно 1 мая 1991 г. хорватские полицейские получили серьезное поражение в Борово-Село, за которым последовало отступление официальной Хорватии из всей Восточной Славонии.

Началу операции предшествовал конфликт на недавно открытой автодороге Белград – Загреб. Российский корреспондент ИТАР-ТАСС сообщал с места событий: «Фактически операция началась еще в 20-х числах апреля с нескольких, на вид рядовых инцидентов. Сначала хорватская полиция запретила проход по автомагистрали Белград-Загреб бензовозов, следовавших из СРЮ в Республику Сербская Краина. Затем вечером 28-го в потасовке на бензоколонке около Нова-Градишка погибает один серб. В отместку краинские сербы следующей ночью открывают огонь по хорватским автомобилям, а власти РСК закрывают магистраль... на 40-километровом участке, проходящем по их территории в Западной Славонии» (16, с.4). Закрытие автодороги по приказу президента Республики Сербской Краины М.Мартича послужило Хорватии поводом для предъявления сербам ультиматума. Переговоры, в которых помимо сербов и хорватов участвовали представители ООН, прошли успешно, сербы пообещали открыть дорогу 1 мая в 6 утра (29).

Однако уже в 5:30 утра 1 мая хорватская армия начала артиллерийскую подготовку. Огонь был направлен на военный склад в сербской части Пакраца, а затем на другие позиции сербского 18-го Западнославонского корпуса. Предварительно были оповещены хорватским командованием и ушли со своих позиций иорданские, непальские и аргентинские солдаты миротворческой миссии. «Как только начались боевые действия, – писал И.Иванов, – почти 3-тысячный контингент миротворческих сил ООН, бросив на произвол судьбы 30-тысячное население Западной Славонии, пропустил сквозь свои порядки хорватские войска» (16, с.4). В 6:15 хорваты начали наступление по двум направлениям: из Новске и Нова-Градишке силами двух элитных гвардейских бригад, специальными подразделениями МВД (общей численностью 3500 чел.) при поддержке 20 танков. Целью было отсечь Западную

Славонию от реки Сава, за которыми находится Республика Сербская в БиГ, овладеть ключевыми коммуникациями, разделить, а затем по частям уничтожить 18-ый сербский корпус. Хорваты утверждали, что речь идет об “ограниченной политической акции” для обеспечения безопасности движения по шоссе (14; 29).

В 10:45 хорваты уже входили в Ясеновац и заняли ключевые высоты юго-западнее Пакраца, почти не встречая сопротивление. Пехоту и танки поддерживала авиация. По сообщениям Сил ООН по охране (СООНО), хорватские военно-воздушные силы нарушили пространство “бесполетных зон”, контролируемое авиацией НАТО, но реакции последних не последовало (4, с.10). Два МИГ-21 пытались разрушить мост через реку Сава, но это не удалось. Сербь сбили два вертолета, один самолет. К вечеру из 40 км дороги, находившейся в руках сербов, хорватам, которые наступали с двух сторон, осталось занять лишь десять. Они находились в четырех километрах от Окучан (16, с.5). Чтобы привлечь внимание миротворцев к происходящему в Славонии, сербы захватили 120 заложников из числа сотрудников СООНО, но уже во вторник их отпустили.

Оборона армии РСК была разрушена сразу, Белград поддержки Краине не оказал, военная помощь из Боснии не подошла.

Судя по всему, 18-ый корпус Сербского войска Краины был захвачен врасплох, однако сербы успели с потерями отойти в горы, вывели свое тяжелое вооружение со склада недалеко от автодороги. Но они не смогли противопоставить натиску хорватской армии и создать серьезную оборону. 15 тыс. сербского населения Западной Славонии остались без защиты. Тысячи беженцев бросились бежать в сторону двух мостов через реку Сава – около Ясеноваца и Стара-Градишка. Здесь их ждал огонь хорватской армии (42; 18). Российский журналист Е.Фадеев вспоминал тогда: «Передо мной на экране телевизора специальная команда Си-эн-эн вновь демонстрирует миру огонь, пустые проемы окон, взорванные автомобили и колонны ни в чем не повинных беженцев – сербов, изгнанных из родных мест вероломным нападением Хорватии» (32).

Не имея возможности остановить хорватскую армию, сербы пытались по-своему пригрозить руководству Хорватии. В понедельник вечером сербская артиллерия обстреляла Сисак, Карловац, пригороды Дубровника, 2 мая две ракеты упали на Загреб. Но это не остановило хорватскую армию. Уже к концу дня

сопротивление было локализовано в окрестностях Пакраца. Сербы отошли в горы. В Гавринице, Шелвице, Крагуе, Умановце и Пакленице остались окруженные хорватской армией около 6 тыс. человек, из которых насчитывалось около тысячи детей. Все они были полностью уничтожены (3). Вечером 2 мая хорватское правительство заявило, что «акция полиции» и армии «по открытию автомобильной и железной дорог, которые находились под контролем сербов, завершена» (39).

В 1991 г. были полностью изгнано сербское население из 280 сел Западной Славонии. 1 и 2 мая 1995 г. очищены остальные 65 сел (18). По сообщениям представителей СООНО, до 5 мая хорватские власти не позволяли представителям международных и гуманитарных организаций посетить Окучаны и Пакрац, места боев, захваченные города и села. Специальному представителю генсека ООН Я.Акаши, намеревавшемуся прилететь в Дарувар для организации эвакуации сербских беженцев, въезд тоже был запрещен (14). Как полагают эксперты, не для безопасности сил СООНО, но чтобы уничтожить следы преступления над гражданским населением. Но все же наблюдателям ООН удалось зарегистрировать, что из Пакраца вывезено в неизвестном направлении 15 автобусов с гражданским населением, местоположение которых неизвестно (23). В городе военные убивали мирных жителей, их трупы сжигали, женщин и детей уводили в неизвестном направлении. По разным данным, в городе погибло от 2 до 5 тысяч человек (14; 19; 16, с.5). Все мужчины сербской национальности были арестованы, их обвинили в военных преступлениях. В Западную Славонию не допускались представители международных организаций до тех пор, пока не были уничтожены следы преступлений (14).

Число беженцев из Западной Славонии составило около 12 тыс. чел. Те люди, которые в первые дни бросились бежать в сторону моста через Саву, попали в засаду около села Доня-Варош. Колонна из 2 тыс. человек была в упор расстреляна хорватской армией. На дороге остались лежать сотни трупов женщин, стариков и детей (7). Представителей СООНО и Красного креста допустили в эти места только после того, как дорога была «вычищена» специальными хорватскими подразделениями. Комитет по сбору данных о преступлениях против человечности и международного права СРЮ располагает большим досье – свидетельствами этого преступления, а также аналогичного преступления в сентябре того же года (18). В

Меморандуме министерства иностранных дел Югославии, направленном в ООН, подчеркивалось, что во время хорватской агрессии в Западной Славонии было убито более 3300 гражданских лиц и более 10000 плохо вооруженных солдат РСК уже после того, как они приняли предложение о прекращении огня и прекратили оказывать сопротивление. Более 20 тыс. человек стали беженцами. Было уничтожено более 9000 домов, разрушены православные церкви (38, с.82; 43).

3 мая Ф.Туджман праздновал великую победу над «сербочетниками» и их «югокоммунистическими» помощниками. А 9 мая он был почетным гостем Москвы на празднике Победы. Ф.Туджман в интервью агентству «Рейтер» выразил уверенность, что «Белград и хорватские сербы после успешного хорватского наступления наконец-то поймут, что переговоры с Хорватией – единственный путь для них» (40). Агентство оценивало, что самоуверенность президента основывается на мягкой реакции Белграда на хорватское наступление в Западной Славонии (40).

Мировое сообщество знало о произошедшем в Хорватии. Российская Федерация настояла на срочном проведении 4 мая заседания Совета Безопасности ООН. Члены СБ были оповещены о событиях в Западной Славонии. Но резолюции не последовало. СБ принял лишь сообщение председательствующего, в котором осуждал военные действия, приведшие к человеческим жертвам и изгнанию сербского населения (13). Представитель Хорватии в ООН М.Нобило отверг все обвинения в адрес своей республики и объяснил членам СБ, что Хорватия задействовала лишь ограниченные полицейские силы для обеспечения безопасности автодороги Загреб – Белград (5; 6).

17 мая Совет Безопасности принял Резолюцию 994, в которой призывал сербскую(!) и хорватскую сторону сотрудничать с миротворческими силами и отвести свои войска от линии разделения. В документе заявлялось о необходимости полного уважения суверенитета и территориальной целостности Хорватии, подчеркивалась необходимость уважать права сербского населения. О жертвах среди мирного населения не упоминалось, а стороны призывались к примирению и доверию, к уважению договора о прекращении огня, а также к экономическому сотрудничеству (8).

Руководство РСК долго обсуждало причины падения Краины. Но было ясно, что руководство Краины находится в состоянии полного психологического шока, неспособно трезво

проанализировать ситуацию, сконцентрировать силы и противостоять новой агрессии. Вместо этого начались отставки и увольнения, взаимные обвинения. Поиск возможного выхода из сложившейся ситуации привел часть руководства к выводу о необходимости срочного объединения с Республикой Сербской. Этому воспротивилась Восточная Славония и создала 25 мая Координационный комитет общин Восточной Славонии, Барани и Западного Срема, председателем которого был избран Горан Хаджич. Восточная Славония считала, что ей не следует рвать связи с Воеводиной и Сербией, что обязательно последует, если они объединятся с РС.

Молчаливое одобрение мировым сообществом хорватских действий позволило Хорватии провести в августе 1995 г. новое наступление на территории РСК. Операция под кодовым названием **“Буря”** поразила своей стремительностью и хорошей организацией. Большой удачей хорватская армия может считать то, что сербы в Боснии и Герцеговине поверили, будто война с хорватами уже давно закончилась. Последнее наступление на хорватов сербы осуществили еще в 1992 г. Поэтому они не придали большого значения концентрации хорватских войск в районе Грахова и Гламоча (БиГ).

28 июля 10-тысячные объединенные силы хорватской армии и Хорватского вече обороны ворвались в Грахово и Гламоч, города на западе Боснии и Герцеговины. Тем самым был перерезан путь из Баня-Луки в Книн. Дорога на Книн для правительственных войск была свободна. В тот же день Р.Караджич издал Указ о введении военного положения на территории республики и всеобщей мобилизации. Генерал Р.Младич, желая остановить нараставшие слухи, что города оставили по некоему договору, заявил о том, что они будут возвращены.

В самый разгар напряженности и, казалось бы, самой активной подготовки обороны Республики Сербской Краины, 26 июля в Топуско (Кордун) состоялось внеочередное заседание Скупщины РСК, которое отчетливо показало внутривнутриполитическую нестабильность в органах власти РСК. На Скупщине выбиралось шестое по счету правительство РСК во главе с М.Бабицем. Новые люди пришли на посты министров внутренних дел и обороны. Верховный совет обороны РСК провозгласил поздно вечером 27 июля военное положение на всей территории РСК, а МВД —

введение комендантского часа. 28 июля состоялось первое заседание правительства нового состава. На нем была дана поддержка всем мирным усилиям международных организаций, чтобы найти политическое решение кризиса, была сформирована делегация для мирных переговоров с хорватской делегацией в Женеве, которые были назначены на 8 августа. Одновременно правительство предложило всем гражданским службам подчинить свою деятельность нуждам министерства обороны. Узнав о взятии хорватами Грахова, Скупщина РСК решила после обеда вернуться в Книн.

28 июля в Книн приехал Я.Акаши, где была принята предложенная им программа мирного урегулирования напряженности. Он передал обещание Ф.Туджмана участвовать в политических и военных переговорах с Книном, но на определенных условиях: они должны обязательно сопровождаться прогрессом на месте, во время переговоров. Основным был вопрос "политической реинтеграции сербов на основе Конституции Хорватии и ее Закона о меньшинствах" (4, с.2). Фактически сербам и СООНО выдвигался ультиматум, ответа на который никто не ждал. М.Бабич, находясь в Белграде, выступил с заявлением, что РСК готова принять несколько отредактированный план "3-4" и призвал Загреб к отводу войск. По некоторым данным, М.Мартич разговаривал с С.Милошевичем и получил от него обещание помощи, если хорваты пойдут на Книн (30, с.5). Кроме того, сербы Краины в разговоре с Я.Акаши признали фактически все условия Ф.Туджмана. Но дни Краины уже были сочтены.

По словам министра иностранных дел РСК Войновича, в руководстве РСК уже около года наблюдался раскол на тех, кто за мир и переговоры, и тех, кто за войну при поддержке Караджича (37, с.3). От этого страдала и боеспособность армии, где под сомнением был вопрос единоначалия. Не улучшило положения и назначение командующим Армии Краины генерала Мркшича, который пытался поднять боевой дух армии, упрочил дисциплину, провел в июне военный парад как ответ на угрозы Туджмана.

Ф.Туджман, уже чувствуя успех военных планов, отказался вести какие-либо переговоры с сербами. Он высокомерно отвечал на письмо Личного представителя Генерального секретаря ООН в Хорватии г-на Ясуши Акаши и фактически отверг достигнутые соглашения (4, с.6-7). Хорватия, по сообщениям Б.Бутрос-Гали, продолжала наращивать численность своих войск вокруг секторов

“Север” и “Юг” (4, с.2). Во всех крупных городах Хорватии была проведена мобилизация. 1 августа хорватская сторона не приехала на условленную при посредничестве СООНО встречу командующих РС и Хорватии. Тем временем 1 августа сербы в Хорватии и Боснии созвали совещание объединенного Верховного совета обороны в Дрваре. На заседании было принято обращение ко всем сербам, включая правительство Союзной Республики Югославии, с просьбой оказать помощь в обороне сербской территории. Времени на остановку хорватского наступления фактически не было.

Россия выразила озабоченность развитием ситуации в БиГ. В сообщении МИД РФ подчеркивалось, что сейчас очень важно предотвратить вооруженное столкновение РСК и Хорватии. Представитель России в ООН А.Зотов 31 июля выразил намерение потребовать в СБ обсуждение вопроса о хорватской агрессии в БиГ, так как последние события мешают миротворческому процессу (30, с.4). Вечером 3 августа Б.Бутрос-Гали связался по телефону с Ф.Туджманом и “настоятельно призвал его проявлять максимальную сдержанность” (4, с.3). На следующий день утром в Загреб должен был вылететь Т.Столтенберг.

В последние дни перед нападением на Книн ощущалось сильное напряжение среди мирного населения. Кто мог, уезжал в Сербию, росли очереди на автобус, подскочили цены на билеты.

Хорватская армия начала многочасовой обстрел сербской территории, деревень в направлении Книна 4 августа. 100-тысячной профессиональной хорватской армии противостояла 30-тысячная армия РСК с 200 танками, 400 пушками, сотней БТР (30, с.5). За артподготовкой последовало широкомасштабное наступление на Республику Сербская Краина по всей линии фронта, составляющей 630 км. Сражения велись на территории 10, 5 тысяч квадратных километров. За полчаса массивированной артподготовки на Книн упало более трехсот снарядов. Затем на город из двух направлений – от Госпица и Оточаца – пошли танки, пехота.

Хорватская армия сметала все на своем пути, захватила значительное число наблюдательных пунктов ООН, которые подвергала обстрелу прямой и непрямой наводкой. В ходе своих атак ее подразделения дважды использовали военнослужащих сил ООН и военнопленных сербов в качестве “живого щита”. По сведениям СООНО, хорваты захватили в плен семерых солдат датского батальона “»голубых касок»” и вместе с сербами заставляли их идти впереди танковой колонны. Во время агрессии хорваты убили двоих

чехов, одного датчанина, ранили около двух десятков человек из состава «голубых касок». Потери ООН, по официальным данным, составили 18 человек (4, с.3). Почему же в этом случае не сработала система защиты сил СООНО, которая предполагает авиаудары по тем, кто угрожает жизни представителям ООН? Более того, под предлогом, что сербские ракеты угрожают самолетам НАТО, эти самые самолеты осуществили бомбардировки радарных систем армии РСК. Хорватская армия использовала разведывательные данные самолетов НАТО, постоянно летавших над Ликой, Кордуном, Баранией, Восточной Славонией.

Ф.Туджман обратился к сербам с призывом сложить оружие, пообещав амнистию всем, кто прекратит сопротивление. «Возможности добиться мирного решения проблемы исчерпаны, — заявил Ф.Туджман. — Мы были вынуждены принять решение о наступлении, чтобы положить конец продолжавшемуся четыре года расчленению государства и обеспечить возвращение к своим домам беженцев». Загреб пытался успокоить мир, заявляя, что это — не война, а реинтеграция хорватских территорий. Хорватская армия вошла в Краину почти не встречая сопротивления, но все жгла и уничтожала на своем пути. «Сегодняшняя Краина — это спаленная и опустошенная земля, попавшая в руки вандалов», — писал бельгийский журналист, которому удалось в дни наступления попасть в Краину, куда доступ иностранных журналистов был ограничен (37). 4 августа СБ ООН просит и Хорватию, и РСК прекратить всю военную активность и принять мирный план ООН.

Свидетель событий Милорад Бедов записал: «Четвертого августа в пять часов утра хорваты напали на всю Краину сразу, невиданной силы артиллерийским огнем был обстрелян главный город Краины — Книн. Я тогда оказался в Книне и стал свидетелем ужасной жестокости хорватов и циничного безразличия международного сообщества, которое одобряло их действия. Бомбежка маленького города Книна продолжалась целый день, заградительный огонь покрывал метр за метром каждый уголок. К восьми часам вечера артиллерийский огонь прекратился, и тогда, действительно, началась трагедия для сербов. Картина, участником которой я оказался, надолго врезалась в мою память. Та ночь, действительно, была страшной. Армия рассеяна и неорганизованно отступает, люди покидают свои дома, колонны автомобилей, тракторов, грузовиков, всего того, что могло двигаться, в спешке набросанные в транспортные средства вещи, и за час создана

непрекращающаяся колонна длиной более десяти километров. Хаос и отчаяние было полное. И тогда произошло настоящее преступление над беспомощными людьми. Колонна беженцев была у хорватов как на ладони, и они артиллерийским огнем одержимо расстреливали ничем не защищенных людей... Путь от Краины до Сербии длиной около 700 километров, проходящий через Боснию, которая также была в военном окружении, как будто длился 700 лет, неверие и отчаяние вызывали душевную боль, голод и жажда почти не ощущались. На пути из-за большой жары умирали дети, старики..." (2).

30 марта в Книне выступал патриарх Павле. Республика Сербская обещала помочь братьям из Книна. В город приехал Р.Младич, он вынашивал планы совместных действий по освобождению Грахова. 1 марта состоялась встреча Р.Караджича, Р.Младича и М.Мартича. Р.Караджич пообещал помочь сербам Краины, хотя известно, что отношения с Р.Младичем у него в это время были более, чем натянутые (25, с.99). Между тем, помощи от РС так и не последовало. Командующий генерал Мркшич даже не отдал приказ о нанесении ударов по важным целям в Хорватии, как это было ранее, чтобы заставить хорватов пойти на уступки. Книн не поддержала и Восточная Славония. Их наступление на Осиек и Винковцы могло бы заставить хорватские силы начать перегруппировку и ослабить наступление на Книн. Правительство во главе с М.Бабичем за два дня до нападения на Книн уехало в Белград. 5 августа в два часа дня армейское руководство покинуло Книн. Это было сигналом и для армии, и для всего населения.

По непонятным причинам армия РСК не оказала сопротивления. Армия РСК, три года готовившаяся отстоять свои очаги, сложила оружие. Не сделали ни одного выстрела ракетные установки. Сербы удерживали лишь два маленьких района в бывшем секторе "Север", вблизи населенных пунктов Топуско – Двор – Войнич. Была также попытка обороняться на направлениях Дрниша, Бенковца, Теслинграда, и здесь погибло много людей. Загреб, вероятно, во избежание своих дальнейших потерь, предлагал всем сдавшимся в плен солдатам переходить в Боснию. С собой разрешено было брать только пистолеты. Поэтому часть армии сохранилась и влилась в ряды армии генерала Младича. По некоторым данным, в БиГ ушли 8-9 тысяч военных из Краины. В Книне 700 сербов нашли прибежище в штабе СООНО. Среди них было 16 человек тяжело раненых. По сообщениям СООНО, им было

трудно оказать медицинскую помощь, так как больница в городе была разорена, дома сербов разграблены (14).

Следствием успешного наступления правительственных войск стал трагический исход сербского населения со своих исконных территорий. Решение об эвакуации, по словам председателя Скупщины РСХ Р.Лежайча, было принято М.Мартичем и начальником Генерального штаба Армии РСХ генералом М.Мркшичем без консультаций с членами правительства, Верховного Совета обороны. В последние дни перед хорватским наступлением усиленно распространялись слухи о грозящей опасности, о необходимости отойти на время до местечка Срб. Около 300 тысяч жителей Сербской Краины покинули свои дома и двинулись в сторону Срба. Там им сказали, что надо идти до Петровца. В Петровце началась бомбардировка колонн беженцев. Это был знак, что надо идти на Бая Луку. Огромную роль играл психологический фактор – рос страх перед уничтожением, никто не имел никакой информации, все жили слухами. Положение беженцев в Бая Луке было крайне тяжелое, люди находились под открытым небом, не хватало продовольствия, воды, лекарств, элементарных условий. Колонны двинулись дальше, в Югославию.

По дороге колонны беженцев обстреливались хорватскими и мусульманскими войсками, подвергались нападению. Представитель ООН по военным вопросам Рита Лепаж подтвердила, что два военных самолета МИГ-21 бомбили 8 августа колонну сербских беженцев у Двор-на-Уни и Нови-Града, где беженцы из Краины были блокированы. Только за первые 4 дня погибли около 8 тысяч стариков, женщин и детей. Судьба 12 тыс. сербов так и не известна (37).

После пересечения югославской границы по всей трассе были расставлены посты Международного и Югославского Красного Креста. Люди получали по дороге хлеб и чистую питьевую воду (21). По югославской территории беженцы шли колоннами в сопровождении милицейских отрядов, из колонн выходить было нельзя. Заранее определялось, какая группа куда будет направляться. Власти запретили журналистам снимать колонны, по белградскому телевидению информация была сведена к минимуму. Но народ знал. Села, через которые проходили колонны, организовывали для них первую помощь, людей кормили, давали необходимые вещи, всячески поддерживали.

Министр обороны Хорватии Гойко Шушак объявил, что 7 августа в 6 вечера операция по ликвидации РСК успешно завершилась. Потери с хорватской стороны – 118 убитыми, 620 ранеными. Позже Ф.Туджман уточнил: число погибших – 150, раненых – более тысячи. Хорватия праздновала победу (19).

По предварительным данным, сербы оставили 120 тысяч домов и квартир. На территории, оккупированной хорватами, осталось 950 памятников культуры, 80 народных библиотек, 122 школы, 85 детских садов, 67 кинотеатров. Оставленные нивы и луга оцениваются в 1, 7 млрд. немецких марок. РСК могла сама накормить 400 тыс. человек. На территории РСК работали около 300 общественных и 4000 частных предприятий. К сожалению, точной цифры погибших в результате хорватской военной операции пока нет. Упоминалось, что в хорватских тюрьмах находится 800 человек. А на территории теперь уже бывшей РСК осталось всего 8-9 тысяч человек (Красный Крест насчитал всего 4-5 тысяч живых). Хорватия ограничивала доступ на оккупированные территории. Но уже найдены массовые захоронения сербов. Так, международные организации открыли в районе Книна более 200 свежих могил, в каждой из которых было захоронено по несколько человек. Известно также, что сравнено с землей 80% сербских сел, а на территории от Книна до Бенковца осталось лишь 10% строений. Далмация и Лика уничтожены полностью. Многие церкви разграблены. Сербский монастырь Крка сравнен с землей. В селе Вариводе, например, осталось всего 9 старушек. Прочесывавшие местность хорваты убили восьмерых, одной удалось спастись в поле, она и привела СООНО (18).

Белград по всем дипломатическим каналам осудил агрессию Хорватии, организовал прием беженцев на свою территорию. 12 тысяч человек были отправлены в Косово, 60 тысяч пытались найти приют в Воеводине. Остальные 180 тысяч осели непосредственно в Сербии. 25 тысяч находились в коллективных лагерях для беженцев. Несмотря на запрет властей, в Белграде у родственников разместились около 60 тысяч беженцев. Власти Югославии пытались обеспечить их лекарствами, едой, бензином. Однако гуманитарной помощи не хватало. То, что давал Красный Крест на месяц, хватало максимум на пять дней. Но власти стремились не говорить об этой трагедии в средствах массовой информации, замалчивая количество беженцев и связанные с эти проблемы. Причина здесь может быть только одна – попытка избежать расследований в средствах

массовой информации причин трагедии, поиска ответственных за нее и анализа роли руководства Югославии. Центральное телевидение лишь через две недели сделало первые съемки беженцев в Бая Лука, но не пустило этот материал в эфир. Только 25 августа была снята и показана по телевидению короткая история об одной семье, которая бежала из Книна. И то... — это была русская семья. Журналистам даже¹ не разрешили снять сюжет о сиротах, размещенных в детских приемниках под Белградом.

Приток беженцев создал в Югославии крайне напряженную гуманитарную обстановку. Проблема беженцев не была возведена в ранг государственной проблемы. Поэтому возник самый сложный вопрос об их статусе. Им не давали югославское гражданство, запрещалось принимать их на работу, отсутствовала социальная защита. Практически проблема решалась на уровне солидарности населения, доброй воли родственников, возможностей слабых гуманитарных организаций. Одновременно не велись переговоры об их возвращении в Хорватию¹. Напряженной стала и политическая обстановка: по Сербии прокатилась волна митингов с осуждением властей за предательство сербских интересов и самоустранение во время хорватской агрессии.

Итак, мир стал свидетелем ужасающей и бесчеловечной агрессии. Какова же реакция? Возмущены были лишь Москва и Белград. Действия Загреба осудил и Я.Акаши. Посредник ЕС Карл Бильдт заявил, что Ф.Туджман повинен в изгнании сербов и в военных преступлениях (38, с.93). Он опасался блокады мирного процесса в этом регионе и массовой этнической чистки сербского населения. “От министров Хорватии я слышал, — заявил К.Бильдт, — что они планируют вытеснить из Сербской Краины 99 процентов сербов”. После этого заявления К.Бильдт был объявлен в Хорватии персоной нон грата. 10 августа СБ ООН принял Резолюцию 1009, призывавшую Загреб прекратить военные действия, продолжить мирные переговоры и позволить гуманитарным организациям прибыть в РСХ (9).

Но в целом международные организации, как и ведущие державы, остались абсолютно равнодушными к хорватской агрессии и многочисленным жертвам. Англия и Франция выразили “озабоченность” происходящим в Хорватии, но это больше

---

¹ По некоторым данным, в ноябре 1995 г. выражали желание вернуться в Хорватию около 13 тысяч сербов.

походило на молчаливое одобрение. США и Германия увидели в последних событиях на Балканах новые перспективы политического урегулирования кризиса. В интервью американскому радио Б.Клинтон выразил надежду на то, что хорватское молниеносное наступление на Краину проложит дорогу к скорейшему дипломатическому урегулированию балканского конфликта (34). Однако роль США в блицкриге Хорватии – не так уж проста. Если сравнить просочившиеся в печать данные, то очевидно участие Америки в подготовке агрессии в Хорватии. По словам министра иностранных дел Хорватии М.Гранича, США консультировали Хорватию по проведению обеих операций (33). Напомним, что в ноябре 1994 г Хорватия и США заключили договор о военном сотрудничестве. А госсекретарь Кристофер в интервью Эй-Би-Си всю вину за хорватскую агрессию цинично возложил на сербов, которые начали наступление на Бихач. Хорваты, якобы, лишь ответили на это наступление (35).

Германия также не осудила агрессию, лишь выразила желание, чтобы военные действия не расширились и не переросли в балканскую войну. А по загребскому радио прозвучало откровенное приветствие представителя немецкого посольства в Загребе К.Эндера: “Германия разделяет радость военного успеха с вами и выражает вам похвалу за эту войну. Должен сказать, что даже аналитики, которые знают больше меня, не могли предвидеть такую быструю и величественную акцию” (36). 12 августа К.Кинкель направил письмо руководству Хорватии, в котором призывал его не нарушать права человека на «интегрированной территории». Его больше всего заботило, что “от сегодняшнего поведения Хорватии зависит в будущем отношение мира к этому государству” (38, с.93).

Остались без ответа призывы руководителей РСК к мировому сообществу остановить агрессию Хорватии. Загреб заявил, что не будет вести никаких переговоров с представителями РСК, но готов переговорить с сербами из Восточной Славонии и Барании.

Видимо согласившись с действиями Хорватии, ООН видела свою задачу лишь в обеспечении безопасности беженцев и в выводе «голубых касок» из занятых хорватами районов. Уже 10 августа было принято решение вывести войска СООНО из Хорватии. Всего подлежали эвакуации 12400 человек. Небольшое количество «голубых касок» оставалось лишь в секторе “Восток”, где были дислоцированы русский и бельгийский батальоны. Думается, что,

просчитывая операцию, хорватские власти опасались трудностей именно на участке, за который отвечали русские миротворцы.

Россия направила в ООН три протеста с осуждением хорватской агрессии, впервые за четыре года войны оказала существенную гуманитарную помощь. Кроме того, президент России выдвинул инициативу провести в Москве встречу С.Милошевича и Ф.Туджмана с целью “договориться, как подписать документ о прекращении военных действий” (17). Заявление было сделано тогда, когда Книн был взят и хорватские МИГи приступили к расстрелу колонн беженцев. Ф.Туджман приехать в Россию отказался. Официальная версия отказа — необъективная позиция России в отношении событий в Краине, стягивание Югославией бронетехники к хорватской границе и неприглашение в Москву А.Изетбеговича. Но было понятно, что президенту Хорватии не было никакого политического резона приезжать на переговоры с российским лидером, когда его так активно поддержали США и Германия, одобрив план захвата РСК. Брать на себя любые другие обязательства означало для него связывать себе руки в дальнейшей антисербской деятельности. Кроме того, Западу важно было не позволить России выступить конструктивным субъектом урегулирования кризиса, тем более на завершающем его этапе.

Трагедия молниеносного падения РСК оставляет сегодня большинство вопросов без ответа. Я пыталась задавать вопрос о причинах отступления армии РСК без сопротивления многим участникам событий. И что может убедить весь народ уйти, если три года он готовился защитить свои земли?

По мнению одних, РСК, находясь под защитой «голубых касок», разучилась воевать, не смогла создать мобильную армию, о чем свидетельствовали потери при наступлении хорватов еще в 1993 г. на Масленички мост и Малевачки плато. Кроме того, у многих не было достаточной мотивации для защиты сербской государственности - РСК не воспринималась ими как самостоятельное государство.

Другие полагали, что уже заранее, и прежде всего в Белграде, была спланирована сдача хорватам сербских территорий.

Существуют и другие точки зрения. Так, Раде Чубрило, боец из Книна, полагает, что падение Краины датируется 1990 годом, а переломный момент настал после падения Западной Славонии и Грахова. “Краину мы потеряли за три дня, благодаря разным

факторам: руководству Югославии и Сербии, Армии Югославии, Милану Мартичу, правительству Микелича, Бабичу... Они предали Краину..." (31).

В итоге хорватского наступления на Краину количество сербов в Хорватии сократилось на 90, 7% (20, с.7). В Меморандуме министерства иностранных дел Югославии, распространенном в ООН в качестве официального документа, описывалось положение сербского народа в Хорватии, политика хорватского правительства по отношению к нему, названная «этнической чисткой и геноцидом». В документе подчеркивалось, что «к сожалению, никто в Хорватии не привлечен к ответственности за совершенные военные преступления и геноцид над сербами» (38, с.94).

Мир не остановил Хорватию. 28 декабря 1995 г. Совет Безопасности рассматривал вопрос о преступлениях хорватских войск в Краине на основе доклада генсека ООН о злодеяниях против сербов в Хорватии во время летней агрессии (11; 12). Россия при поддержке некоторых членов СБ выступила с предложением о принятии специальной Резолюции с осуждением Хорватии. Но обсуждение закончилось безрезультатно, так как этому воспротивилась Германия. В результате лишь было констатировано, что Хорватия не прислушивалась к резолюциям СБ (15).

Как заявил хорватский министр иностранных дел Мате Гранич в январе 1996 г. в Страсбурге, под следствием находятся 1888 хорватов, виновных в поджогах и убийствах в Краине в ходе операции "Буря", десяти из них уже предъявлены обвинения (22).

Республика Сербская Краина формально перестала существовать. В ноябре была принята Резолюция 1023, которая определяла судьбу оставшейся вне границ Хорватии области – Восточной Славонии. Совет Безопасности одобрил подписанный 12 ноября в присутствии представителей ООН договор о постепенной мирной интеграции этого района в Хорватию в течение нескольких лет (10). Согласно договоренностям, был сформирован Совет Области Славонии, Барани и Западного Срема, определены поэтапные мероприятия переходного периода.

Оставшиеся в городах сербы приспособляются к новой жизни. Как писал один из бывших хорватских политических лидеров С.Шувар, "ученики в средних школах, если у них отец и мать сербы, все равно регулярно изъясняются как хорваты. Отрекаются от своего происхождения, чтобы только не иметь проблем в среде, где они

живут...” (32, с.21). Известный загребский ученый-экономист Бранко Хорват в интервью оппозиционной газете «Ферал трибюн» сказал, что Хорватия развивается по пути усталости времен второй мировой войны. «Нет ни одного исторического примера, который бы показывал, что хорватские сербы хотели выйти из Хорватии. — говорил он.- Здешние сербы были нашим капиталом, которым требовалось умно воспользоваться. Сегодня же факт налицо: хорваты их воспринимают как врагов. Это следствие националистической и дискриминационной политики, которая выбрасывает сербов на улицу, отнимает у них право на работу... Сегодня в мире Хорватию презирают. Когда я приезжаю на какой-либо международный симпозиум, мне стыдно говорить, что я хорват...» (27).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбер Л. Босния получит полмиллиарда долларов на восстановление экономики и поддержку мира// Фин. изв.— М.,1995.—26 дек.—С.1.
2. Бедов М. Письмо...// Сербия - Србија.-М.;СПб.-1995.- № 3.-С.2.
3. В несколько строк// ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ».-М., 1995.-6 мая.- С.2.
4. Документация ООН.- S /1995/444
5. То же.- S /1995/349
6. То же.- S /1995/358
7. То же.- S /1995/360
8. То же.- S /1995/994
9. То же.- S /1995/1009
10. То же.- S /1995/1023
11. То же.- S /1995/730
12. То же.- A/50/727
13. То же.- S /PRST/1995/26
14. Документация СООНО.
15. Злочини без казне//Борба.-Београд, 1996.- 1/2 јан.-С.2.
16. Иванов И. Югославский кризис: Последствия агрессии Хорватии в Западную Славонию // ИТАР-ТАСС. Компас.- М., 1995.- 25 мая, № 35.-С.3-11.
17. Иванов И. Балканы: Перспективы урегулирования после агрессии Хорватии // Там же.- 17 авг., № 59.-С.3-11.

18. Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније на путу Окучани - Стара Градишка 1-2 маја 1995 године. - Београд: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1995.-14 с.- Рукопись.
19. Истражује се број жртава хрватске агресије // Политика.-Београд, 1995.-12 мај.-С.7.
20. Лилич З. Перспективы мира и сотрудничества// Сербия.-Белград, 1996.-№ 29.-С.4-8.
21. МККК оказываєт помошь беженцам в бывшей Югославии //ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ».-М., 1995.-18 авг.-С.6-8.
22. По подозрению в совершении преступлений в Краине// Сербия.-Белград, 1996.- № 28.-С.22.
23. Портпарол Унпрофора: Аутобусима у логоре //Новости.- Београд, 1995.-6 мај.-С.3.
24. Приче избеглица из Западне Славоније // Политика.-Београд, 1995.-7 мај.-С.7.
25. Радуловић С. Судбина Крајине.- Београд: Дан Граф, 1996.- 189 с.
26. Фадеев Е. И вновь танки, вертолеты, убитые, беженцы// Правда.- М., 1995.- 4 мая.-С.3.
27. Фадеев Е. «Стыдно, что я хорват» // Там же.- 3 авг.-С.3.
28. Фадеев Е. Хорватский блицкриг// Там же.- 6 мая.-С.3.
29. Хронологија //Аргумент.-Београд, 1995.-5 мај.-С. 3.
30. Цвијановић Ж. Ратна срећа и остало//Јавност.-Београд, 1995.-5 авг.- С.4-5.
31. Чубрило Р. Да има бар мало части генерал Миле Мркшић требао би да се убије //Аргумент.-Београд, 1995.-29 дец.-С.19.
32. Шувар С. Интервју... //НИН: Нед. информ. нов.—Београд, 1997.— 21 фебр.—С.20—21.
33. Bilten Vesti.-Moskva,1995.-8 avg.
34. Idem.-1995.-10 avg.
35. Idem.-1995.-15 avg.
36. Idem.-1995.-16 avg.
37. Idem.-1995.-22 avg.
38. Memorandum о etničkom čišćenju i genocidu protiv srpskog naroda u Hrvatskoj i Krajini // Jugosl. pregled.-Beograd, 1995.- G.39, N 3.-S.81-94.
39. Pad Zapadne Slavonije // Vreme.-Beograd, 1995.-8 maj.-G.6, N 237.- S.8-18.
40. SRNA.- Sarajevo, 1995.-2 maj.
41. Idem.-1995.-5 maj.
42. Idem.-1995.-6 maj.
43. TANJUG.-Beograd, 1995.-6 maj.

ПРОТИВОБОРСТВО В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

БиГ испытала на себе все сложности исторического развития Балканского полуострова. Из трех современных этнических групп в БиГ до турецкого завоевания существовали две – сербская и хорватская. Славяне, населявшие полуостров, подверглись исламизации в период Османского ига. Мусульманская группа возникла во время турецкого владычества в XV и XVI веках в результате постепенной исламизации, которую приняла часть коренных народов, чтобы избежать тяжелых условий жизни покоренных христиан и добиться привилегий, которыми пользовались приверженцы господствующей исламской религии. Историками доказано, что многие мусульмане, хотя по происхождению и являлись славянами – сербами или хорватами, с течением времени начали ощущать себя турками, так как соединили в себе веру, религию и культуру этого народа, создали и культивировали свой образ жизни (66, с.5).

Босния и Герцеговина являлась центральной республикой СФРЮ, республикой со смешанным населением. Сербское население в БиГ составляло стабильное большинство до второй мировой войны. Во время второй мировой войны Босния и Герцеговина входила в состав Независимого государства Хорватия, созданного Гитлером. На территории БиГ шли ожесточенные бои партизан с немецкими войсками и их пособниками. За время военных действий погибло 179 тыс. человек, из которых 72% составляли сербы, 16, 5 – мусульмане и 4, 4% – хорваты. Кроме того, хорватскими усташами были уничтожены сотни тысяч сербского, еврейского и цыганского населения. Спасая свои жизни, БиГ

покинули до 200 тыс. сербов – коренных жителей этих земель (9, с.9).

Из-за усташеского геноцида и из-за насильственного выселения в годы второй мировой войны, а также организованного переселения части жителей из БиГ в другие республики Югославии, преимущественно Воеводину, сербское население сильно сократилось. По переписи 1981 г. мусульмане уже составляли относительное большинство населения – 39, 52%, а сербы – 32, 3% (66, с.3). За следующие 10 лет численность мусульман в БиГ увеличилась, а сербов уменьшилась.

По последней довоенной переписи 1991 г. мусульман в БиГ было 1905829 человек (43, 7%), сербов – 1369258 (31, 4%), хорватов – 755892 (17, 3%). Из 106 общин Боснии и Герцеговины мусульмане составляли более 50% населения в 35 общинах, в основном в центральной Боснии, а сербы – в 32 в западных и восточных районах. Хорваты составляли большинство на юге республики и в некоторых центральных общинах. Около 240 тыс. жителей республики (5, 5%) самоопределились в известное время как "югославы", большинство из которых – сербы или дети от смешанных браков.

Термин "мусульмане" для определения этнической принадлежности боснийцев на территории БиГ употребляется, начиная с переписи 1961 г.¹ С 1971 г. мусульмане стали синонимом народности². Мусульманское население в период социализма и в Югославии в целом, и в республике чувствовало себя достаточно комфортно. За послевоенное время в стране было построено 700 мечетей, что значительно больше, чем за весь период османского господства (3). На этой земле мирно уживались три веры и три церкви: православие, ислам и католицизм. В 1991 г. 27% браков в БиГ были смешанными (50, с.40). Сербы преобладали в Западной Боснии и Восточной Герцеговине, мусульмане – в Центральной и Восточной Боснии, хорваты – в Западной Герцеговине. В этническо-территориальном составе БиГ сербы занимали ведущее

---

¹ Еще в 1946 г. в Союзной Скупшине посланник от БиГ Часуга Чишич во время обсуждения Конституции предложил, чтобы мусульмане назывались боснийцами. Это не было принято (78):

² Для понимания терминологии приведем такой пример. В анкетах жители БиГ писали: "Вероисповедание – атеист, национальность – мусульманин".

место. Они представляли абсолютное большинство населения на 53, 3 % территории республики (66, с.4)

Как отмечалось в исследовании специальной группы по вопросам терроризма палаты представителей американского конгресса, возглавляемой И.Боданским, мусульмане определили характер БиГ, благодаря специфической структуре власти, предержавной режимом И.Броз Тито. “Начиная с 70-х годов, ислам переживает неожиданное возрождение в коммунистической Югославии. Это – прямое следствие близких отношений Белграда с арабским миром и включения Белграда в радикальные арабские движения. В течение восьмидесятих годов замечается увеличение числа мечетей в Боснии и Герцеговине как знак нового пробуждения жизни ислама. Все большее число местной молодежи направляется для получения высшего исламского образования на Средний Восток, где отделения в школах радикальных мулл принимали по 250 боснийцев в год” (100). В начале 80-х годов власти в Белграде стали осознавать возможную опасность растущих связей мусульманского населения с Ираном и другими мусульманскими государствами. Отмечалось также, что мусульманская молодежь становилась базой для мусульманских террористов, действующих на Западе. Исламский терроризм использовал Югославию как свою передовую базу, имел здесь свою сеть и даже офисы. “Творцы исламского газавата ожидали, что они сумеют использовать Югославию в качестве своей базы в Восточной Европе хотя бы из-за известных симпатий боснийских мусульман”, – заметил Джон Лаффин в 1988 г. (100). Однако с ростом межнационального напряжения в Югославии многие исламисты, прошедшие обучение в Иране, начали больше внимания обращать на внутреннюю ситуацию, готовясь к борьбе с иноверцами в своей стране.

Иран, как сообщает американское исследование, начинает поддерживать руководство БиГ, в частности, А.Изетбеговича как мусульманского фундаменталиста и члена исламской организации “Fida’ iyan-e Islam“. Эта организация выступает за установление исламского режима везде, где живут мусульмане. Еще в 1970 г. А.Изетбегович опубликовал свою “Исламскую декларацию”, в которой фактически проповедовалась борьба против всего неисламского за установление нового исламского порядка. В начале мая 1991 г. А.Изетбегович посетил Тегеран, где был принят как “мусульманский верующий, чья партия является самой сильной

политической организацией в Боснии и Герцеговине“ (100). Иран обещал А.Изетбеговичу финансовую помощь.

Многонациональная Босния и Герцеговина считалась самой толерантной республикой Югославии. Никто не верил в возможность межнациональных столкновений на ее территории. И во время переговоров руководителей республик СФРЮ о судьбе федерации БиГ долго не определяла своей позиции. Тем не менее события развивались самым трагическим образом.

Кто виноват в распаде республики? Мусульмане считали, что сербы. Анализ событий в бывшей Югославии приводил мусульманских аналитиков к выводу, что “войны в Словении и частично в Хорватии велись для того, чтобы вывести оттуда ЮНА и оккупировать Боснию” (118). Те мусульмане, которые стремились к решению проблем мирным путем, во многом винят А.Изетбеговича и его экстремизм. Такую позицию занимает один из мусульманских лидеров Ф.Абдич, или, например, оппозиционная Уния социал-демократов бывшей Боснии и Герцеговины, открыто заявившая об этом в 1994.

Сербы обвиняют в сепаратизме мусульман, которые принимали решение об отделении от СФРЮ, не учитывая мнение других народов Боснии и Герцеговины, не уважая Конституцию республики. Биляна Плавшич считает, что война “была неизбежной. Этой войне было суждено случиться, поскольку мусульмане начали физически угрожать сербам и хорватам, а кроме того, действовали по инструкциям из арабских государств и прислушивались к Америке” (62).

18 ноября 1990 г. на первых многопартийных выборах большинство (86 мест) в парламенте БиГ получила мусульманская Партия демократического действия (ПДД), затем с небольшим отрывом (72 места) следовали Сербская демократическая партия (СДП) и Хорватское демократическое содружество (ХДС) – 44 места (70, с.54). Результаты выборов продемонстрировали, что в Боснии и Герцеговине еще за полтора года до начала войны разделение Боснии и Герцеговины по национальному признаку уже обозначилось пунктирной линией. Чтобы сделать эту линию сплошной, потребовалось не так уж много времени.

После выборов было сформировано коалиционное правительство, в котором были представлены все три национальные партии. Председателем Президиума БиГ был выбран А.Изетбегович,

лидер мусульманской национальной Партии демократического действия.

СДП возникла в 1990 г. Один из основателей партии В.Остоич вспоминал, что СДП создавалась как партия, “но вскоре приобрела элементы национального движения” (57, с.11). Возглавил партию Радован Караджич. В первый период партия ставила перед собой следующие задачи: остановить гражданскую и идеологическую войну, объединить сербский народ и противостоять антисербской коалиции, развить в сербском народе национально-демократические идеи, понимаемые как духовность, культура и традиции (57, с.11). Биляна Плавшич определяла задачи СДП более конкретно: сербство, его объединение и демократия (7).

В Скупшине и правительстве сотрудничества партий не получилось. Как вспоминал председатель Скупщины первого многопартийного созыва М.Краишник, разделение депутатов по национальному признаку проявилось уже на первом заседании нового парламента. Тогда же начала складываться мусульманско-хорватская коалиция в Скупшине (43, с.10).

В феврале 1991 г. СДА и ХДС предложили парламенту на обсуждение Декларацию о суверенитете БиГ. В ответ на реальную попытку осуществить суверенитет БиГ, сербы начали объединять общины с большинством сербского населения.

Сербы в БиГ с самого начала ориентировались на то, чтобы сохранить единство Боснии и Герцеговины в составе Югославии. В случае неудачи такого варианта рассматривалась возможность кантонизации единой Боснии и Герцеговины по национальному признаку и присоединение сербских областей к Югославии.

К осени 1991 г. в БиГ обстановка накалялась. Возвращались добровольцы-хорваты с хорватского фронта, появились первые похоронки, ухудшалась экономическая ситуация, появились трудности с продовольствием, бензином. Затруднена была связь с другими республиками. Мосты на Саве были разрушены. Босния и Герцеговина из-за войны в Хорватии постепенно оказалась в полной экономической блокаде. Закрыты были все гражданские аэропорты, отрезан арендуемый республикой порт на Адриатике, разразился энергетический кризис. Премьер-министр БиГ Юре Пеливан отмечал в сентябре 1991 г., что военные столкновения в Хорватии угрожают переброситься на Боснию, что стало ощущаться разделение по национальному признаку в правительстве, Скупшине, министерствах. Он признал, что в БиГ “уже существуют незаконные

формирования, которые провоцируют вооруженные столкновения“ (67).

12 октября собралась Скупщина БиГ, на которой в бурных дебатах обсуждался вопрос, пойдет ли республика путем независимости или останется в Югославии. В Скупщине был зачитан проект Меморандума, подготовленного ПДД, о котором не знали другие парламентские партии. В нем Югославия обвинялась в развале федерации, провозглашалась независимость Боснии и Герцеговины. Сербский и хорватский народы определялись в Меморандуме как национальные меньшинства. 14 октября заседание длилось 12 часов и закончилось поздно ночью. Когда депутаты-сербы вышли из зала, оставшиеся парламентарии проголосовали за предложенный Меморандум о суверенной Боснии и приняли Платформу о положении республики и будущем устройстве югославского содружества.

После принятия Меморандума процесс автономизации сербских областей получил как бы дополнительный стимул. 25 октября 1991 г. сербский народ в Боснии и Герцеговине созывает Скупщину сербского народа в БиГ, чтобы “демократическим способом решить вопрос о собственной национальной судьбе, о своем положении в общем государстве” (45).

Чтобы выяснить волю народа, 9 ноября 1991 г. в сербских общинах был проведен плебисцит, на котором сербский народ отвечал на вопрос: “Согласны ли Вы с решением Скупщины сербского народа в Боснии и Герцеговине от 24 октября 1991 г., что сербский народ остается в совместном государстве Югославии с Сербией, Черногорией, САО Краиной, САО Славонией, Бараней и Западным Сремом и с другими, кто за это выскажется?”. К сербам присоединились и активно голосовали мусульмане, хорваты и представители других национальностей Боснии и Герцеговины. Тогда 92% пришедших на участки высказались за создание обновленного югославского государства. Руководство БиГ признало этот акт незаконным и настаивало на независимой и унитарной Боснии и Герцеговине. Именно тогда окрепла идея “о защите границ новой Югославии”, в которой будут жить народы, пожелавшие этого. При этом руководство СДП признавало такое же право на самоопределение за хорватским и мусульманским народом.

В ноябре хорваты в Боснии и Герцеговине заявили о необходимости создания Хорватского содружества “Герцег-Босния”. Это углубило процесс территориального размежевания в Боснии и

Герцеговине, что вызвало негативную реакцию мусульман, стремившихся к полному единству Боснии и Герцеговины.

9 января 1992 г. Скупщина сербского народа провозгласила Республику Сербскую БиГ как федеративную единицу СФРЮ. 24 марта 1992 г. было сформировано правительство, республиканские органы – Скупщина, правительство, Президиум. 27 марта 1992 г. в торжественной обстановке была принята первая Конституция Республики Сербской. Сербы, руководимые Сербской демократической партией, решительно выступали за сохранение Югославии, но на случай неосуществимости этой цели, выработали минимальное требование – "Если теряем Югославию, то не отказываемся от собственного государства". Они настаивали на своем праве на самоопределение, считая совместную жизнь с хорватами и мусульманами возможной только на условиях полного равенства. Они предлагали трансформировать Боснию и Герцеговину в конфедеративную республику трех равноправных народов.

25 января 1992 г. Скупщина БиГ приняла решение провести референдум о суверенитете и независимости республики. Сербская фракция парламента отказалась принимать участие в голосовании и покинула зал заседаний. В референдуме 1 марта участвовали 63, 4% избирателей (2'073'932 человек), из них 62, 68% проголосовали за суверенную Боснию (116, с.52; 129). На одной из многочисленных пресс-конференций заместитель председателя правительства БиГ Русмир Махмутчеаич заявил без тени смущения: "Я надеюсь, что результаты референдума удовлетворят требования европейского сообщества для признания суверенитета нашего государства". Алия Изетбегович высказался в том же духе: референдум необходим, поскольку его выдвигало европейское сообщество как условие для международного признания государства Босния и Герцеговина (6, с.48-49).

1 марта фактически Босния и Герцеговина объявила свою независимость. Власти устроили в честь такого события торжественный коктейль. Руководство Боснии и Герцеговины обратилось в ЕС с просьбой признать ее государственную независимость.

Столкновений в Сараево еще не было, но напряжение достигло такого накала, что любой, даже незначительный повод мог взорвать ситуацию. Когда в воскресенье 1 марта, в день проведения

референдума, на сербской свадьбе в центре города перед православной церковью мусульманами был убит отец жениха Никола Гардович и ранен священник, сербы восприняли это событие как начало антисербских действий. Уже ночью в Сараево и окрестностях было воздвигнуто около 20 баррикад. Обстановка в городе сложилась более чем напряженная. Дети не пошли в школу, ни один автобус не вышел на линию, в город на вокзал не прибыл ни один поезд. Люди не могли попасть на работу, в больницы, отвезти детей в детские сады. Жители города опасались начала серьезных столкновений. По городу прокатились митинги в поддержку мира.

Первыми полувоенными вооруженными группами в БиГ были мусульманские “зеленые береты”, которые составляли добровольцы. Затем мусульмане создали “Патриотическую лигу” (ПЛ), которая имела 9 региональных и 103 районных штаба, насчитывала 98 тыс. бойцов. И только после этого началось формирование крупных чисто военных образований — “Ханджар дивизии” в Биелине, дивизий “Хусине” в Цазине, “Смаил ага Ченгич” в Сараево, “Кемал паша Атакович” в Брезово-Поле, “Црвени фес” в Босанско-Новом, “Гарда” в Зворнике, “Дрина” в Братунаце.

Муниб Бисич, тогдашний помощник министра обороны в мусульманском правительстве Боснии, дает такой анализ возникновения «Патриотической лиги»: «Где-то в апреле 1991 года я беседовал с людьми, которые понимали, что война в БиГ неизбежна. Все мы были одного мнения о том, что необходимо организовать защиту республики. Когда я вступил в контакт с Суле (нелегальное имя Сулеймана Вранья), мы разослали инструкцию по организации и деятельности на местах. Опирались, в основном, на людей из Партии демократического действия, ездили по районам и искали единомышленников. В мае 1991 года Суле и люди из Сараево назвали организацию “Патриотической лигой”. С сентября 1991 года отмечается массовое вступление в «Патриотическую лигу» бывших офицеров Югославской народной армии. Все это делалось конспиративно и по рекомендациям надежных людей. С приходом офицеров ЮНА расширился Главный штаб “Патриотической лиги”. Почти все общины в БиГ получили штабы ПЛ” (цит по: 6, с.61). В декабре 1991 года идет работа по формированию боевых частей, составляются списки бойцов, ведется раздача оружия, эмиссары направляются в села, ведется анализ территории.

“Патриотическая лига” предлагала начать войну в БиГ

параллельно с Хорватией. Она рассчитывала разрушить мосты на Дрине, когда резервисты входили в Герцеговину. Но политические лидеры не позволяли этого сделать, т.к. Босния не была готова к войне ни в военном, ни в политическом, ни в психологическом смысле. В начале 1992 г. ПЛ предложила план блокады коммуникаций и казарм, чтобы воспрепятствовать стратегическим операциям вывода ЮНА на боевые позиции (6, с.61). А.Изетбегович вспоминал, что уже к апрелю 1992 г. в Сараево действовали отряды Патриотической лиги, "Зеленых беретов", спецподразделения полиции и «многие другие спонтанно возникшие группы сопротивления» (113, с.54).

Сербы также готовились взяться за оружие. Еще зимой 1991 г. Р.Караджич в разговоре с членом Президиума СФРЮ Б.Йовичем говорил, что сербы в Боснии и Герцеговине совсем не имеют оружия, боятся резни и гражданской войны (33, с.274). Осенью 1991 г. сербы начали задумываться о создании военных отрядов. Однако не хватало оружия, боеприпасов, средств полевой связи, не говоря уж об обмундировании, транспортных средствах. Возникли проблемы в связи с отсутствием квалифицированных офицерских кадров, с обучением солдат. Представители сербского населения БиГ обратились к министру обороны Сербии Т.Симовичу с просьбой о помощи. На совещании, которое состоялось 20 ноября 1991 г., министр не мог обещать большой поддержки, так как правительство предполагало, что «Сербия не будет вмешиваться». «К сожалению, все военные склады находились там, где большинство составляли мусульмане, и почти на всех складах работали мусульмане или хорваты, большинство военных объектов и учебные центры опять же были там, как и вся военная промышленность», — отмечала шеф кабинета военного министра Сербии (12, с.260). Поскольку все военные заводы находились на территории с большинством мусульманского населения, то министр предложил сербам «планировать акции по насильственному захвату материально-технических средств со складов», вести обучение бойцов в системе территориальной обороны, готовить эвакуопункты, и в целом рассчитывать на свои силы (12, с.262-264).

После ухода ЮНА из Хорватии командование югославской армии полагало, что в БиГ надо армию укрепить. Именно подразделения ЮНА, в которых остались только сербы из Боснии, как подчеркивал министр обороны СФРЮ В.Кадиевич, стали основой армии Республики Сербской (35, с.148).

12 мая 1992 г. Скупщина РС приняла решение о создании армии РС, в которую должны были войти сараевский, тузлинский, банялукский, книнский и бихачский корпуса. Единогласно командующим АРС был назначен генерал-подполковник Ратко Младич, «храбрый и способный командир, который подтвердил это в боях и которому народ верит» (52, с. 40).

Хорваты в БиГ не рассчитывали на то, что им придется воевать. Их целью было путем переговоров установить конфедеративные отношения с Хорватией. Хорватия во всем их поддерживала, в том числе оружием и собственной военной мощью.

Уже в начале марта начались стычки на национальной почве в разных местах Боснии. Они не носили системного характера, возникали то тут, то там, лишь предвосхищая начало военных действий. 3 марта произошли вооруженные столкновения в Босанском-Броде, что привело к разделу города по национальному признаку. Сербь объявили о формировании сербской общины Босански-Брод, а хорваты ответили торжественным открытием моста через Саву, по которому в город вошли из Хорватии отряды ЗНГ. При этом ЮНА выполнила поставленное ей условие и отошла от города на 25 км, чем вызвала определенную панику в рядах сербов. В газетах сообщалось, что хорватская 108-ая дивизия из Хорватии перешла на территорию БиГ в районе Брода, чтобы установить контроль над территорией, где живут хорваты, что вызвало волну беженцев-сербов в Баня-Луку (48). Делегация Президиума БиГ в составе Фихрета Абдича, Биляны Плавшич и Франьо Бораса 29 марта приехала в Босански-Брод, чтобы попытаться урегулировать ситуацию.

Народ республики был обеспокоен возможным осложнением ситуации и 5 марта во всех городах БиГ вышел на улицы, чтобы выразить протест против возможной гражданской войны и политиков, которые не могли гарантировать народам республики мир. Этот марш протеста показал стремление народа БиГ к миру и согласию. Против скатывания Республики к войне протестовали жители всех национальностей. Жители Сараево избрали очень показательный способ протеста: в день объявления всеобщей мобилизации (4 апреля) в знак протеста они погасили свет в своих квартирах. Город погрузился во тьму.

В эти дни власти республики оказались неспособными проводить единую политику и достичь компромисса по вопросу государственно-правового статуса республики.

Оценки характера войны, причин и поводов, естественно, у сторон были различными. Мусульманское правительство считало войну югославской, а затем сербской “агрессией против Боснии и Герцеговины”, которая началась еще осенью 1991 г. после нападения на село Равно (110). Генерал Л.Маккензи вспоминал в одном из своих интервью, что А.Изетбегович настаивал на том, что “речь идет об агрессии, дирижированной из Белграда... Я сразу ему отвечал, что с точки зрения ООН это не агрессия, а гражданская война, т.к. нет доказательств вмешательства Сербии” (88).

Сербы иначе определяли характер войны в Боснии и Герцеговине. Р.Младич говорил в конце 1994 г.: «Это очень серьезная гражданская, межнациональная, а для нас одновременно и национально-освободительная война, которая ведется в условиях массированного вмешательства извне и реализации натовской стратегии управления кризисами. Против нас до сих пор не применялись только ракетное ядерное оружие и подводные лодки» (6, с.212). Как полагает М.Краишник, “непосредственным поводом для войны было то, что мусульмане в тогдашнем Президиуме в коалиции с хорватами провозгласили мобилизацию... Они пренебрегли Конституцией, интересами сербского народа, провозгласили отделение. Это голосование, провозглашение и навязывание воли было вторым поводом. Третий повод заключается в том, что в то время все инициативы мусульманского руководства дирижировались послем Циммерманом” (42, с.15).

4 апреля сербы называют днем мусульманского путча в Сараево, когда параллельно с мобилизацией начались военные действия – занимались здания милиции, почт, всех важнейших объектов города. Одновременно они считают этот день и днем своего восстания.

Страх и озабоченность стали обычным явлением в Сараево. Соседи, люди разных национальностей, еще все вместе скрывающиеся от выстрелов, не хотели допустить столкновений. Каждый, кто собирал чемоданы, воспринимался как предатель (73, № 2266, с.58). На улицах уже открыто появлялись вооруженные отряды, сформированные по национальному признаку, многие молодые люди ходили по городу в масках. “Патриотической лиге” противостояли сербские отряды из участников войны в Хорватии, из сербской радикально настроенной молодежи. Постепенно разделялись по национальному признаку не только улицы, кварталы, но и органы управления. Одним из первых разделилось на

три части (мусульманскую, хорватскую и сербскую) Министерство внутренних дел.

В такой сложнейшей обстановке Совет министров ЕС не придумал ничего лучше, как принять 6 апреля Декларацию, которая советовала государствам-членам ЕС, начиная с 7 апреля, признать независимость БиГ. Генерал Маккензи, находившийся тогда в Сараево, вспоминал: «Начали кружить слухи, что Европейское сообщество признает независимость БиГ 6 апреля. Хотя мы не дипломаты, все, кто в военной форме, были уверены, что как только провозгласят независимость, вокруг нас начнется борьба. Не было надежды на то, что сербы признают результаты референдума, который сами полтора месяца назад бойкотировали» (72, с.34). Это был своеобразный сигнал руководству БиГ, что Европа их поддерживает, что их требования справедливы. В этот же день Президиум БиГ провозгласил в республике чрезвычайное положение, а 8-го ввел состояние непосредственной военной угрозы. Уже 7 апреля 1992 г. Боснию признали США, ЕС¹, Хорватия. В начале мая БиГ становится членом СБСЕ, начинает сотрудничество в других международных организациях, таких как Организация «Исламская конференция» и Движение неприсоединения (126). 22 мая 1992 г. БиГ стала членом ООН.

Сегодня, по прошествии нескольких лет после Дейтона, многие политические участники тех событий считают ошибкой признание Боснии и Герцеговины, за которой последовала война. Карл Бильдт вспоминал, что «напряженность в стране быстро нарастала, увеличивалось давление в направлении скорейшего признания Боснии. И это признание обусловило распространение конфликта на всю Боснию, которого так опасались» (4, с.8).

Сербы понимали, как осложнилась ситуация с признанием Боснии. Поэтому в этот же злополучный день 7 апреля Скупщина сербского народа БиГ в Баня-Луке провозгласила независимость Республики Сербской Боснии и Герцеговины, а также постулировала ее право вступить в содружество с другими субъектами Югославии. Б.Плавшич и Н.Колевич объявили о своей отставке с постов членов Президиума БиГ. Скупщину БиГ покинули все депутаты-сербы, министры-сербы ушли из правительства, обвинив председателя Президиума БиГ в том, что он открыл новый фронт в югославском кризисе, придав религиозный смысл

---

¹ Первой признала Боснию Болгария – 15 января 1992 г.

межнациональным противостояниям. Чиновники-сербы оставили свои должности во всех структурах власти и ушли в Республику Сербскую в Баня-Луку.

В конце апреля в БиГ уже действовали два центра власти — в Пале (сербский) и в Сараево (мусульманский).

В оставшемся неполном составе Скупщина БиГ торопилась принять ряд законов, чтобы заменить ими союзные. А.Изетбегович издал директиву Главному штабу территориальной обороны БиГ о всеобщем нападении на казармы ЮНА. За югославскими военными начинается охота. Луис Маккензи записал в своем дневнике 10 апреля: «Мы получали сообщения о нападениях на военных ЮНА по всей Боснии. Президиум правительственных сил требовал, чтобы ЮНА передала им оружие, тогда им будет обеспечен безопасный проход. Казармы ЮНА, в которых находились солдаты, были блокированы» (72, с.35). 27 апреля Президиум БиГ, собравшись в неполном составе, потребовал от Югославии вывода ЮНА с территории республики.

22 апреля мусульмане открыли артиллерийскую стрельбу по сербскому району города — Илидже. В городе блокировали казармы, вели прицельный огонь по военному госпиталю, казармам, нападали на военных. Мусульмане делали все, чтобы помешать солдатам ЮНА без потерь выйти из города, а когда колонна военных по договоренности сторон начала выход из города, по ней был открыт огонь, и погибли солдаты. Генерал Младич пытался вывести всех мирных жителей из города. «Хочу мирным путем разрешить ситуацию в Сараево и вокруг него. Мне ясно, как надо отвечать на эту стрельбу с завтрашнего дня. Не хочу никому угрожать, но хотел бы предупредить все гражданское население в Сараево, что, невзирая на то, кто к какому народу принадлежит, все получат возможность выйти к линии, контролируемой войсками. Так они будут спасены. Пусть не находятся вблизи военных объектов, которые подвергаются военному нападению и окружены, а также вблизи армии Али Исетбеговича т.к. нам их отсюда всех видно и знаем, где они. Достаточно было жертв в Сараево и вокруг него», — говорил генерал (6, с.86).

Министр иностранных дел БиГ Харис Силайджич с трибуны ООН упрекал Сербию в руководстве событиями в Боснии. США, а вслед за ними и другие страны и международные организации обвинили Сербию в разжигании конфликта в этой республике. 23 апреля министры иностранных дел Германии и Нидерландов

Геншер и Ван ден Брук потребовали созвать заседание Совета Безопасности и рассмотреть вопрос об ответственности Сербии за ситуацию в Боснии и Герцеговине.

Сайрус Вэнс, назначенный специальным посланником Генерального Секретаря ООН в Югославии, заявил, что ключ к решению проблем БиГ находится в руках Югославской народной армии (116, с.60).

Совещание СБСЕ, проходившее в Хельсинки, поставило Югославии ультиматум — до 29 апреля вывести все войска из БиГ. СРЮ выполнила предъявленные требования и приняла решение в 15-дневный срок вывести свои войска из БиГ. Уже 18 мая в Сараево был подписан договор об эвакуации ЮНА. С этого времени ни один боевой самолет и вертолет военно-воздушных сил Югославии не пересекал границы Боснии и Герцеговины и Хорватии. Заметим, что хорватские подразделения, помогавшие хорватам в Боснии, из БиГ выведены не были. Сербь в БиГ расценили позицию Югославии как дистанцирование Сербии и Черногории от событий в Боснии.

С этого времени в республике ширятся военные столкновения. По некоторым данным, только за первые две недели войны в БиГ погибло 200 человек, 1600 было ранено и 1100 пропали без вести (116, с.61). Р.Караджич вспоминал, что “первые 45 дней, когда у нас не было ни армии, ни объединенного командования армии и полиции, мы переживали хаос. Все ненавидели всех, все воевали против всех. Это было продолжение второй мировой войны, люди вспоминали, что с ними сделала та или иная семья, и они боялись, что это повторится и говорили: давайте убьем их прежде, чем они убьют нас. Люди не забывали, кто убивал их отцов, дедов, матерей. Все опасались мести и начинали первыми” (36). Следует учитывать, что в тот период сербами владела идея объединения с Югославией, или создания единой Сербии, поощряемая Белградом. Каждая из противоборствующих сторон надеялась создать и защитить свое собственное государство. Но государства, важнейшей составляющей которых является территория, еще предстояло создать. Началась борьба за «национальные» территории. Появились первые беженцы.

В Боснию потянулись добровольцы. Многие из них вернулись из Хорватии с оружием. По собственному разумению, или по плану Белграда действовали нерегулярные формирования. Одни были случайными образованиями, другие были представителями националистических политических партий, но никто не подчинялся

никому. Сербская радикальная партия начала создавать отряды четников. В нее записывались добровольцы и из других партий, люди с разными убеждениями. Эти отряды, имевшие «патриотические» намерения, провозгласили цель — защиту «сербства». Четники СРП имели опыт борьбы в Хорватии. Шешель вспоминал: «Мы никогда не получали приказов, это всегда была просьба. Просит нас Милошевич, Радмило Богданович, просит нас генерал Домазетович или кто-нибудь другой — надо столько-то и столько-то добровольцев. И мы их столько и собираем» (23, с.46).

3 апреля «Сербская добровольческая гвардия» Аркана и отряды добровольцев Шешеля вступили в бой с отрядами мусульман и хорватов в Биелене, где в ходе боев были уже десятки погибших. Город перешел под контроль Сербской национальной гвардии САО Семберия и Маевица. Баня-Лука также была взята под контроль сербских добровольческих отрядов и Сербских сил обороны.

Хорватская армия переправляла в Боснию и Герцеговину оружие, артиллерию, минометы (60). Из Томиславграда и Ливно на юго-западе Боснии, где хорваты составляли большинство, бежали мусульмане, уходили или к мусульманам, или к сербам, и даже в Сербию. Драматично развивались события в долине реки Неретва, в общинах Дервента, Травник, Горажде, Вишеград.

12 апреля сербская сторона на Мирной конференции предложила А.Изетбеговичу переговоры о полном прекращении огня, всех террористических действий в БиГ, особенно в Сараево, об отказе от всех политических решений, принятых после 4 апреля. При участии международных посредников 13 апреля было подписано соглашение о прекращении огня, которое мусульманская сторона не выполняла. Одностороннее соблюдение соглашения о прекращении огня сербской стороной результата не дало.

21 апреля начинается кровавая война в Мостаре. Сначала — против югославской армии, потом мусульман, сербов и хорватов между собой.

Уже к 21 апреля 1992 г. число беженцев и перемещенных лиц в БиГ, по сообщениям ООН, достигло 230 тыс. человек и каждый день увеличивалось на 30 тысяч (14, с.5). 10 мая «Медицинский кризисный штаб» БиГ сообщил, что за 44 дня войны в БиГ по неполным данным погибло 1320 человек, ранено 6700, пропало без вести 1900, число беженцев вне республики составило 350 тысяч (116, с.68). Президиум БиГ потребовал зарубежную военную помощь (в частности, у Турции), объявив армию Югославии агрессором в

БиГ. Ища союзников, А.Изетбегович пытался заключить союз с Хорватией и рассматривал даже вопрос о конфедерации БиГ и Хорватии, чем вызвал массу критики в Боснии.

БиГ вызывала большое сочувствие у мусульманских стран. Тегеран утверждал, что “правительства исламских стран должны предпринять меры, чтобы предотвратить геноцид мусульман в Европе”, и грозил, что мусульмане смогут ответить по всему миру (100). 16 июля иранский меджлис “осудил геноцид над мусульманами в БиГ, проводимый сербами-христианами” и назвал эти события “катастрофическим развитием событий в европейской республике, населенной мусульманами” (100). БиГ привлекала Иран как европейское государство, где может утвердиться ислам. А.Изетбегович как раз предлагал взамен помощи доступ мусульманских стран на свои территории. Иран обещал А.Изетбеговичу всестороннюю помощь продовольствием, нефтью, оружием и добровольцами. Шла эта помощь через Загреб (на определенных для него условиях).

Любопытные данные приводит И.Бодански в материалах специальной исследовательской группы по вопросам терроризма палаты представителей американского парламента. По его мнению, с изменением военной ситуации в БиГ не в пользу мусульман А.Изетбегович решил обратиться за помощью к Ирану, который считал, что до необратимой эскалации столкновений обязательно нужно или заручиться поддержкой Запада, или хотя бы обеспечить такую позицию мирового общественного мнения, которая любую акцию мусульманских сил рассматривала бы как мщение в ответ на сербские злодеяния. С этой целью в начале мая 1992 г. специальный мусульманский отряд, многие члены которого состояли в исламских террористических организациях, совершил ряд преступлений, включая расправы над мусульманскими гражданами Сараево. Они нападали, одетые в сербские униформы. Это была часть задуманного “пропагандистского плана для завоеваний симпатий в мире и обеспечения военной интервенции” (100). Мусульмане организовали, как отмечается в исследовании, многие акты, которые были приписаны сербам – бомбардировка очереди за хлебом 27 мая, артобстрел во время визита Дугласа Херда 17 июля, взрыв на кладбище 4 августа, убийство представителя телекомпании ABC 13 августа и т.д. (100).

С самого начала А.Изетбегович стал на радикальные позиции. Но в его окружении были люди и с другими взглядами. К

ним относился, например, Ф.Абдич, очень популярный в мусульманской и немусульманской среде предприниматель и политический деятель. Он полагал, что все проблемы можно решить мирным путем. Позже созданием мусульманской автономии Западной Босния он докажет, что сотрудничество и торговля предпочтительней пуль и ненависти. В этом он решительно разошелся с А.Изетбеговичем. 5 мая представители Президиума БиГ — Фикрет Абдич и Степан Ключич, ЮНА — генерал Аксентиевич, при участии представителей ЕС подписали договор о мире и прекращении столкновений по всей Боснии. 6 мая представители сербского (Радован Караджич) и хорватского (Мате Бобан) народов подписали договор о перемирии и о территориальном разграничении этих двух народов. Но ни одно перемирие в Боснии долго не соблюдалось.

В мае, когда начался уход Югославской народной армии из Сараево, началось и бегство населения из города. Из города в первую очередь должны были быть вывезены дети.

27 мая прогремел взрыв в очереди за хлебом в центре Сараево, где погибло много людей. Хорошо спланированная мусульманами операция принесла определенные результаты – Совет Безопасности, обвинив во всем Югославию, принимает резолюции о введении санкций против СРЮ, о расширении мандата СООНО на БиГ.

Хорваты Боснии и Герцеговины также начали ограждать «хорватские» территории. Силы Хорватского вече обороны предъявили ультиматум силам боснийской армии, требуя, чтобы те подчинились их командованию в тех районах, которые отводились им по плану Вэнса-Оуэна. Так вспыхнула война между хорватами и мусульманами. На помощь братьям пришла хорватская армия из Хорватии. По неофициальным данным, численность войск, прибывших в 1992 г. в БиГ из Хорватии, составляла 40 тысяч человек. Подразделения хорватской армии в БиГ находились под непосредственным командованием Загреба. Мате Бобан, лидер хорватов в БиГ, заявил, что хорваты контролируют почти всю территорию, на которой живут, и что она составляет 30% территории БиГ. Уже с апреля на этой территории единственным платежным средством стал хорватский динар. 3 июля 1992 г. в БиГ было провозглашено Хорватское содружество Герцег-Босния (ХСГБ), что фактически узаконило существовавшее положение вещей, при котором юго-западная Босния уже давно вела себя как "южная

Хорватия": в школах учились по хорватским программам, активно внедрялся "новохорватский" язык, солдаты воевали под хорватскими символами, в употреблении был хорватский динар и действовали хорватские законы. Это все было узаконено специальными постановлениями Президиума ХСГБ. В Загребе мечтали о присоединении этой территории к Хорватии.

Французский исследователь Жерар Бодсон писал: «Хорватская позиция заключалась в том, чтобы тактически вести двойную игру во имя достижения стратегической цели – объединения с Хорватией. “Да” – на референдуме было чисто тактическим. Хорваты знали заранее, что сербы откажутся от независимости. Поэтому маневр состоял в том, чтобы имитировать соблюдение законности и свалить на сербов ответственность за появление новой республики, поддержать правительство Изетбеговича, а одновременно вести бои и дипломатическую игру, чтобы создать “собственное хозяйство”, основать независимое государство Герцег-Босна, “свободную территорию”, что и произошло 5 июля 1992 года. Ее столицей стал город Мостар, который после двух месяцев жестоких боев с сербскими войсками полностью перешел под контроль хорватов. Начатые в мае 1993 года новые бои, на этот раз с мусульманскими силами, привели к тому, что хорваты полностью захватили город, в котором раньше проживало столько же сербских и мусульманских жителей, сколько и хорватских” (5, с.171-172).

28 августа 1993 г. парламент боснийских хорватов преобразовал ХСГБ в Хорватскую республику Герцег-Боснию. Созданная в одностороннем порядке республика, сформировала парламент из 58 делегатов и информационное агентство, отозвала своих представителей из органов государственной власти Боснии и Герцеговины. Складывавшаяся политическая система носила скорее формальный характер. «На территориях, где правила ХДС, была создана полностью тоталитарная атмосфера, а политический плюрализм перестал существовать», – писали сараевские газеты (135). Герцег-Босния имела свой флаг, герб, президента, резиденция которого находилась в здании хладокомбината в городе Груде. В результате начавшихся боевых действий в городе не осталось сербов, а хорваты и мусульмане поделили город на две “национальные” части, разрушили старый мост через Неретву, соединявший две части города, изуродовали этот красивый старинный город. Разрушенный мост этого города, над которым позже был установлен

международный протекторат, надолго останется символом межнациональной нетерпимости. У этого государства не было границ, не было бюджета и своей денежной единицы, хотя было правительство. Возможность самостоятельного существования Герцег-Боснии всегда вызывала сомнения – экономически это образование не могло существовать без поддержки Хорватии. Хорватское вече обороны (ХВО), т.е. армия Герцег-Боснии, не только находилось на полном обеспечении Хорватии, но и являлась фактически ее составной частью. Руководил ХВО генерал Слободан Праляк.

Особая тема для военной Боснии и Герцеговины – Сараево. Сараево в мировых СМИ стал символом страдания и мужества, варварства и всеобщей международной опеки. 9 июля 1993 г. Садако Агата, комиссар ООН по вопросам беженцев, предупредила, что в Сараево более 300 тысяч людей находятся на грани жизни и смерти: им грозит смерть не только от бомбардировок, но и от голода и болезней (116, с.212).

Внутренняя жизнь города всегда была скрыта от посторонних глаз. Известно лишь было, что город находится под постоянным обстрелом сербской артиллерии, что в осажденном городе созданы невыносимые условия жизни, что народ выживает только за счет гуманитарных поставок международных организаций. Между тем, в последнее время появилось несколько книг воспоминаний тех, кто пережил блокаду города, кто знает его жизнь не по наслышке. Открываются трагические страницы исторической драмы многонационального города.

Следует подчеркнуть, что в последний перед войной год очень заметно менялась структура Сараево. В него переселилось огромное число албанцев из Санджака, южной области Сербии, которых называли санджаклии. По этому поводу шутили даже, что название столицы теперь меняется на Санджаково. Та треть нового населения города меняла и его дух — уходили толерантность, терпимость, дружелюбие, которые всегда были свойственны сарайлиям. На смену пришли преступность, неподчинение законам, жестокость, фундаментализм, религиозная нетерпимость. Санджаклии были фанатичны в своей вере и ненависти ко всему сербскому, они стали мощной мафиозной силой. “Они полностью вытеснили традицию, а ислам приняли как основу своего видения мира”, — говорил заместитель секретаря по культуре, науке и образованию города Сараево М.Радованович (73, №2267, с.57).

Жители Сараево находились под тройным «обручем страданий»: город находился в блокаде, окруженный сербской армией, люди страдали без воды и электричества, продуктов питания; ежедневно город обстреливался сербской артиллерией, вызывая ужас и ненависть жителей города, независимо от их национальности; в самом городе к этому прибавлялись муки сербского и хорватского населения, на которых обрушилась репрессивная машина официальных и неофициальных городских властей. Градоначальник Сараево Мурис Купусович не отрицал, что «положение сербов в Сараево специфическое», объясняя его частично «плохим опытом», а частично «обобщением ответственности сербов», «отождествлением сербов и четников» (58).

О тяжелом положении всех жителей блокадного города пишут в своих воспоминаниях все, кто пережил те трудные месяцы «сараевского плена» (39; 11; 68). Но они показывают также невыносимые страдания сербов и хорватов, когда бесчинства бандитов поощрялись правительством, а гуманитарные организации не могли изменить картину происходящего. До войны в городе жило около 200 тыс. сербов. Половину из них война застала в самом городе, а другая половина жила в пригородах, которые потом сербы взяли под свой контроль. К 1994 г. в мусульманской части города осталось около 30 тыс. сербов. Страдания сербов мало были описаны в литературе, посвященной трагедии города. Сербов безнаказанно убивали, мучили в застенках частных тюрем, держали в туннелях, посылали на первые линии фронта под пули. Член Президиума БиГ Б.Плавшич писала в СООНО в июле 1992 г., что 35-50 тысяч сербов Сараево не получают гуманитарную помощь (106), что в административном здании «Югокомерц» около ветеринарного факультета в Сараево создана тюрьма для сербов, где их после допросов и истязаний убивают, а тела бросают в реку (105). Бежавший из Сараево академик М.Экмечич рассказывал в своих воспоминаниях о жестоком обращении с сербами в городе (94, с.152-153).

В тяжелом положении находились и хорваты, которые покидали город при первой возможности. Председатель Хорватского национального вече в Сараево Иво Комшич осудил мусульманские власти за отношение к хорватам, которых увольняли с работы и оставляли без социальной помощи, и подтвердил, что массовый отъезд хорватов из города уже нельзя было остановить (86). По соображениям католического архиепископа Сараево кардинала Винко

Пулича, до начала войны в сараевском округе насчитывалось 528 тыс. католиков. К 1995 году их осталось лишь 200 тыс. Более 20 тыс. погибли, а сотни тыс. человек были вынуждены покинуть город, спасаясь от боевых действий (1).

После войны власти БиГ не могли долго замалчивать преступления против мирного населения города. В 1997 г. сараевская независимая газета “Дани” начала публиковать первые судебные досье (имена убийц, списки жертв) о страданиях сараевских сербов во время войны, об истязаниях их солдатами 10-ой горной бригады Мушана Топаловича Цаце (55). Большинство сербов в Сараево погибли или пропали в 1993—1994 гг. Газета “Освобожден” писала: “Вся мусульманская ложь и долгое сокрытие истины от международной общественности о жестоких преступлениях над сараевскими сербами стыдливо появляется на свет и перестает быть табу-темой, которую годами замалчивали...” (34).

В огромном городе, каким был Сараево, девять общин (не центральной части столицы) с преимущественно сербским населением, контролировались сербами и входили в состав Республики Сербской. Эта часть города называлась «Сербское Сараево», где жили, по данным сербских властей, 120 тыс. человек (47).

Руководство РС не хотело отдавать город мусульманам, аргументируя это тем, что его население до войны на треть было сербским. Отсюда и многочисленные предложения о разделе Сараево на две части и о предоставлении сербам в столице всех прав. Блокада и обстрел Сараево объяснялись несколькими причинами: задержать за сербами ряд районов Сараево, склонить мусульман к разделу огромного промышленного потенциала города, заставить мировое сообщество официально разделить город между сербами и мусульманами; держать мусульман в постоянном страхе перед возможным занятием города сербской армией; приостановить истребление сербского населения под страхом мести со стороны сербской армии. Обстрелы Сараево продолжались с весны 1992 г. по февраль 1994 г. и нанесли большой урон городу. Эта трудная для понимания и объяснения акция подорвала престиж сербской армии, дала повод международному сообществу говорить о сербской агрессии, о неуправляемости сербской армии и неминувости ответственности.

В мае 1992 г. начало формироваться Войско Республики Сербской (ВРС). Решением Скупщины командующим был назначен генерал-полковник Р.Младич. Когда Югославия начинала выводить армию из БиГ, руководство РС обратилось к офицерам и солдатам, рожденным в Боснии, остаться в республике и перейти на службу в ВРС. Около 80% состава ЮНА из БиГ остались в новой формирующейся сербской регулярной армии. К тому моменту сербы в ЮНА уже составляли 85%.

Основные задачи, которые ставило перед собой руководство РС – создание государства, его правовое оформление, объединение с другими сербскими землями, уважение волеизъявления народа, защита созданного государства. Но в сложившихся обстоятельствах приоритетными направлениями деятельности руководства стали:

1. Взаимоотношения с ЕС и ООН и их представителями, участие в переговорном процессе ради международного признания Республики Сербской и определения ее границ.

2. Поддержание военного превосходства сербской армии, создание регулярной армии, достижение успеха в отстаивании сербской территории.

3. Развитие экономики, которая может поддержать армию и дать возможность населению выжить.

4. Решение задачи объединения сербских земель.

5. В годы войны приоритетом было не столько совершенствование государственных институтов, сколько выживание государства. Поэтому политические процессы, развитие многопартийной системы отошли на второй план, хотя уже в 1993 г. в РС было зарегистрировано около 20 политических партий (57, с.13). Демократия соблюдалась лишь через функционирование Скупщины и постоянно проводимые в республике референдумы по всем жизненно важным вопросам.

В трудных военных условиях государство строилось медленно и с большими трудностями. 12 мая 1992 г. Скупщина принимает программу стратегических целей Республики Сербской: 1) государственное разграничение с двумя другими народами Боснии и Герцеговины; 2) создание коридоров между Симберицей и Краиной; 3) создание коридоров в долине реки Дрина, снятие границы по Дрине между двумя сербскими государствами; 4) разделение Сараево на две части – мусульманскую и сербскую, 5) выход РС к морю (59, с.20). Эти задачи стали приоритетными для руководства РС и осуществлялись постепенно разными методами –

дипломатическими, военными, политическими и экономическими. Имея в 1994 г. уже достаточно четко очерченную границу, РС боролась за международное признание. Участие представителей РС в международных переговорах по урегулированию в БиГ приближало их к этой цели. Руководство РС удержало контроль над частью Сараево, что для них было определенным символом государственности. Даже в Конституции РС было записано, что столицей Республики Сербской является Сараево. Выход к морю был предметом обсуждения и горячих споров на всех мирных переговорах Международной конференции по бывшей Югославии. В свою очередь, рассмотрение планов мирного урегулирования стало предметом постоянного рассмотрения Скупщины РС.

Основными составляющими фундамента, на котором руководство РС строило государство, были религия, православие, национализм, патриотизм.

Мусульманская Республика Босния и Герцеговина за короткий срок своего существования прошла несколько этапов, связанных с изменением ее государственно-правового статуса. С 18 ноября 1990 г. в рамках СФРЮ было сформировано новое руководство республики на основе многопартийных выборов. С весны 1992 г. БиГ встала на путь отделения от СФРЮ. На ее территории были сформированы три национальные образования. Мусульманское государство (образование) просуществовало до 18 марта 1994 г., когда была создана мусульманско-хорватская федерация. Но фактически власть руководства Республики Боснии и Герцеговины, независимость которой была признана мировым сообществом, не распространялась на всю территорию Боснии и Герцеговины и даже на всю мусульманскую общину. Тем не менее к 25 июля 1994 г. в Сараево уже шесть стран открыли свои посольства – Иран, Италия, Турция, Хорватия и Франция, а ряд государств, такие как Великобритания, Австрия, Германия, Швеция и др. готовились к открытию своих представительств к концу лета.

Как вспоминал министр иностранных дел БиГ М.Шачирбегович, в первое время государство создавалось и действовало по принципу импровизации как результат общей ситуации в БиГ (132, с.18). Один из оппонентов А.Изетбеговича Фикрет Абдич, входивший в Президиум БиГ, писал, что фактически государство не функционировало, не были созданы министерства,

существовали лишь министры, а страной руководил диктатор (95, с.17).

Борьба Ф.Абдича против А.Изетбеговича, начинавшаяся еще в 1991 г. как несогласие с его методами деятельности в партии СДА, переросла постепенно в столкновение концепций будущего развития Боснии и Герцеговины. Ф.Абдич выступал за мир в БиГ, за сотрудничество всех партий и народов. Его же обвиняли в борьбе против ислама, в предательстве идеалов мусульманского народа. Любую критику в свой адрес или адрес деятельности партии А.Изетбегович воспринимал как измену мусульманскому народу. Особенно остро противоречия этих политиков проявились в ноябре 1991 г. на конгрессе СДА, где Ф.Абдич подверг серьезной критике все подготовленные А.Изетбеговичем материалы, включая и его доклад. Он выходил на трибуну 12 раз, стремясь переломить националистический настрой съезда и утвердить демократические методы организации партии (95, с.17).

Усилиями Ф.Абдича к осени 1993 г. в мусульманском руководстве обозначилась сильная сепаратистская линия. Этот умеренный политик и весьма успешный бизнесмен, пользовавшийся большой поддержкой населения, задумал создать на западе Боснии мусульманскую автономную область, которая бы могла заключить соглашение о мире и с сербами, и с хорватами и доказать на деле возможность мирного сосуществования всех народов на территории Боснии и Герцеговины. Эта идея отражала протест против отказа А.Изетбеговича подписать мирный план Оуэна-Столтенберга. В Цазинской краине, области на крайнем северо-западе БиГ, скопилось более 300 тыс. мусульман и хорватов, беженцев и жителей этой области. Автономный край **Западная Босния** был провозглашен 27 сентября 1993 г. после референдума, на котором 75% жителей Цазинской краины высказались за автономию в рамках БиГ. Президентом этой области стал Фихрет Абдич. В Декларации, принятой по этому поводу, отмечалось, что Автономный край признает создание Федерации Боснии и Герцеговины и хочет стать одним из кантонов федерации (кантоном Западная Босния), обладающим специальным статусом. Ф.Абдич предлагал заключить специальное соглашение с федерацией о едином экономическом пространстве и «социальной инфраструктуре», о совместном представительстве в органах власти, о взаимной корректной информации в СМИ (26). В октябре 1993 г он подписал договор о сотрудничестве с сербами и хорватами, но с А.Изетбеговичем

отношения не складывались. Все правительственные средства массовой информации писали крайне негативно об Абдиче и его сепаратизме. 26 июля 1994 г. была провозглашена Республика Западная Босния (РЗБ) со столицей в городе Велика-Кладуша. Этот город удалось уберечь от разорения и военных действий. В день провозглашения было объявлено, что Западная Босния — это “победа мира над войной, стабильности в этом регионе, стремление к мирной жизни и сосуществованию с соседями” (99, с.3).

Ф.Абдич сумел наладить торговлю со всеми субъектами региона, избежать военных столкновений и дать своим сторонникам надежду на мирный исход. Ежедневный торговый оборот в районе разграничения, по некоторым данным, составлял 30 тыс. марок. (136). В автономии выходила своя газета. Функционировали органы власти. Между РЗБ и Хорватией существовал договор — через Хорватию в РЗБ поступало оружие и продовольствие, гуманитарная помощь. Однако трудности в экономике существовали серьезные — в Западную Боснию не поступали деньги БиГ. Ф.Абдич решил использовать в качестве платежного средства немецкую марку, и сразу был обвинен в измене Родины, “поскольку не признает деньги Боснии и Герцеговины” (95, с.17). Кроме того, небольшая территория новообразования и небольшое по численности население не позволяли создать сильную армию, которая могла бы отстоять автономию. А необходимость такая существовала — подавление сепаратизма Ф.Абдича — было одной из приоритетных задач мусульманского правительства. На границе с автономией был размещен один из самых сильных корпусов мусульманской армии — пятый, которым командовали сначала капитан Рамиз Дрекович, а затем полковник (позже — генерал) Атиф Дудакович. Численность 5-ого корпуса составляла 15 тыс. бойцов.

Правительственные войска пытались военным путем ликвидировать РЗБ, начиная с октября 1993 г. Они получили приказ силой подавить «предательство и сецессионизм» Ф.Абдича. Им противостояла только легковооруженная полиция, позже была создана «Народная оборона Автономного края Западная Босния». Столкновения между войсками Фихреда Абдича и 5-м корпусом армии БиГ (АБиГ) были постоянными, но не меняли значительно линию обороны. После Вашингтонского договора о создании Федерации БиГ разорвались все связи между Кладушей и Загребом.

С 10 июня 1994 г наступления и контр наступления сторон сменяли друг друга. В результате наступления правительственных

войск линия фронта переместилась на несколько километров в сторону города Велика-Кладуша. Защитники РЗБ имели на вооружении три танка, 9 пушек и несколько минометов. Крестьяне обороняли свои села и были самыми упорными защитниками. Ф.Абдич несколько раз обращался в международные организации и штаб СООНО с просьбой защитить западную Боснию как пример мира и добрососедства. Но руководители «голубых касок» считали конфликт внутренним делом суверенного государства и дальше предложений о переговорах в деле урегулирования не продвигались. Более того, войска СООНО, сконцентрированные на границе, ограничили доступ гуманитарной помощи или любых других грузов в Западную Боснию, а 5-ый корпус снабжали с воздуха, сбрасывая грузы с вертолетов. По этому поводу Ф.Абдич направил «протест» СООНО 11 августа 1994 г. (26). К середине августа Ф.Абдич потерял уже четвертую часть удерживаемой территории. Западная Босния прекратила свое существование 21 августа 1994 г. 5-ый корпус БиГ занял Великую Кладушу. 30 тыс. мусульман, некогда верных Абдичу, спасали свои жизни на территории соседней республики Сербской Краины.

Военные аспекты кризиса занимают одно из центральных мест в публикациях о БиГ.

Главнокомандующим армии БиГ был А.Изетбегович. Главный штаб возглавлял полковник Сефер Халилович, а затем Расим Делич. 20 июня 1992 г. Президиум БиГ провозгласил военное положение, всеобщую мобилизацию вследствие “агрессии на БиГ ЮНА, Сербии, Черногории, и экстремистской Сербской демократической партии” (116, с.84).

В войне в БиГ солидарность с братьями по вере проявили многие исламские страны. На мусульманской стороне, как утверждалось в печати, сражались свыше 2 тысяч профессиональных военных из Малайзии, Пакистана, Алжира, Ливии и других стран (37). Некоторые утверждали, что численность наемников в армии БиГ достигала 20 тысяч человек (49). По подсчетам СООНО, численность наемников достигала 20% численного состава правительственной армии (107). Эти данные подтверждал и Ф.Абдич. Фундаменталисты под знаменем ислама осуществляли террор среди населения и наносили огромный ущерб репутации боснийских мусульман, “стремились уничтожить мусульманскую

традицию в Боснии". насадить "религию, которая... никогда не была характерна для мусульман в Боснии" (97, с.3).

Моджахеды отличались особой жестокостью: осуществляя чистку территории от сербов и хорватов, они убивали свою жертву не пулей, а ножом, медленно, при этом обязательно отрезали голову. Они наводили страх на население тем, что сажали людей на кол, зажаривали на вертеле. Они совершали террористические и диверсионные акции, участвовали в обучении военных кадров, активно занимались поставкой оружия в БиГ.

Поставка вооружения мусульманам и хорватам шла несколькими путями: 1) через хорватские порты и далее по территории Хорватии и Герцег-Боснии; 2) воздушным путем, используя самолеты НАТО; 3) с гуманитарными конвоями; 4) из Албании через Косово. Главными поставщиками оружия были Иран и Саудовская Аравия.

В 1991—1992 гг. оружие шло мусульманам главным образом через Хорватию. Д.Оуэн пишет в своей книге, что, эмбарго на поставку оружия, введенное 25 сентября 1991 г. Резолюцией № 747, внешне соблюдалось для БиГ, но никогда для Хорватии. Западные страны, а особенно США, закрывали глаза на то, что Хорватия получала оружие через Словению и Венгрию, воздушным и морским путем. В свою очередь она соглашалась получать оружие и для мусульман в Боснии, но брала из каждой партии себе до 50%, а иногда и больше, требовала и денежного возмещения. Отрезанная от всего мира, Босния и Герцеговина соглашалась на это (121, с.71).

С апреля 1992 по апрель 1994 г. Хорватия приобрела вооружения на сумму 600 млн. долл. (85).

У боснийских сербов в 1994 г. было 80 тыс. бойцов, 330 танков, более 400 бронетранспортеров и 800 артиллерийских орудий и минометов (10). На стороне сербов воевали русские добровольцы, но их количество было незначительным, по некоторым данным, не превышало 200 человек. Среди добровольцев были и румыны, а также один японец.

Несмотря на значительные военные успехи в 1992-1994 г., сербская армия больше походила на добровольческие отряды, которые формировались по территориальному принципу и воевали недалеко от своих сел. Солдаты возвращались из окопов в родные дома, помогали по хозяйству и снова уходили воевать. Только к концу 1994 г. во время боев с 5-ым корпусом Армии БиГ около Бихача появляется "маневренное войско", не привязанное к

определенной территории. Так постепенно осуществлялась основная цель руководства сербской армии — создать профессиональную армию (54).

Каждая сторона имела свою мотивацию войны. По словам Силайджича, в Боснии идет речь не о наступлении, а ”о борьбе против агрессии. Наше сопротивление не может характеризоваться как наступление” (127). Генерал Р.Младич охарактеризовал эту войну для сербов как “гражданскую, национально-освободительную”, а для мусульман — религиозную. По его мнению, хорваты вообще не имеют цели в этой войне, их просто “использовала” Германия в своих собственных интересах (54, с.16).

Для мусульман целью максимум было создание унитарного мусульманского государства, целью минимум (в случае разделения Боснии и Герцеговины) — максимальное расширение территории, которое включало бы три фазы: включение территории вокруг Сараево, соединение Горажде, Жепы и Сребреницы, попытка поднять на борьбу мусульман Санджака, Косова и Метохии, Македонии, Черногории. Генерал Расим Делич главными стратегическими целями в 1994 г. считал: предотвращение оккупации БиГ и сохранение ее государственно-правовой независимости, защиту народа от физического уничтожения, освобождение большей части территории БиГ, военную победу над силами Хорватского вече обороны (110). В военных действиях и переговорном процессе предписывалось использование следующей методики: а) не подписывать договор о прекращении огня на всех фронтах; б) провоцирование сербов на ответный огонь; в) разрушение мостов на Дрине — вовлечение СРЮ в войну.

Цели сербов заключались в следующем: 1.Закрепить определенную территорию с преимущественно сербским населением. 2. Отделиться от мусульман, не вступать в федерацию, создать собственное государство. 3. Не дать мусульманам выйти на правый берег Дрины и подойти к границе СРЮ, пересечь путь к Санджаку. 4) Остановить наступление мусульман, заключить перемирие по всему фронту, закрепив всю территорию РС. 5) Не позволять мусульманам укреплять свои позиции на сербских территориях. Методика: отвечать на каждый удар ударом, наказывать наступлением и нанесением ударов, и не обязательно в этом же месте.

Цели хорватов определил один из хорватских генералов: “Как хорват... знаю, что наше наступление остановится там, где заканчиваются наши интересы, что и является целью нашей борьбы. Ничто другое нас вообще не интересует. При всем том следует иметь в виду, что мы всегда защищали, защищаем и будем защищать хорватский интерес и интерес каждого хорвата. И это цель нашей борьбы. С самого начала” (125, с.5).

В 1992 г. военными средствами началось разграничение, которого не сумели достичь путем переговоров, фактический раздел территории между тремя народами. В одном из докладов Б.Бутроса-Гали удивительно точно подмечена ситуация в БиГ: “Для населения в Боснии и Герцеговине с точки зрения мест проживания характерна исключительно высокая степень перемешанности. Поэтому на базе этнических или конфессиональных критериев не представляется реальным создать три территориально обособленных государства. Любой план создания таких государств неизбежно приводил бы к тому, что на территории каждого из них проживало бы очень большое число лиц, принадлежащих к другим этноконфессиональным группам, либо к тому, что они состояли бы из определенного количества отдельных анклавов каждой этноконфессиональной группы. При таком плане обеспечить однородность и обоснованную конфигурацию границ можно было лишь за счет насильственного перемещения населения” (17, с.13).

Уже к маю 1992 г. военные действия развернулись во многих районах Боснии и Герцеговины. Ситуация осложнялась тем, что в военных действиях принимали участие три стороны. Основная цель военных действий, по мнению наблюдателей ООН, заключалась в создании этнически чистых районов “в контексте переговоров о “кантонизации” Республики” (15, с.3). Генеральный секретарь ООН выражал опасение, что сербы и хорваты поделят БиГ между собой, и мусульманам отойдет лишь незначительная часть территории.

Как пишет один американский журналист, к маю, ко времени вступления Младича в должность командующего сербской армией в Боснии, “сербские боевики, пользуясь своим подавляющим военным превосходством, уже развернули широкую кампанию “этнических чисток”, заставляя сотни тысяч мусульман бросить свои дома. Эта операция продолжалась в течение семи недель. Младич получил полную власть над рассредоточенными отрядами боевиков всего год назад, но операции по проведению

“этнических чисток” продолжались. Его роль в последовавших за этим событиях не совсем ясна” (2, с.52-53). Известный кинорежиссер Э.Кустирица в своих воспоминаниях упоминает этнические чистки, проводимые сербами в Фоче и Приедоре. За убийство 17 мусульман и трех хорватов в Приедоре в марте 1992 г. виновные были осуждены сербскими властями в Баня-Луке (91).

Р.Младич в свою очередь вспоминал, что “в марте 1992 г. хорваты начали войну и террор против гражданского сербского населения от плато Купрес до Добоя. Они начали проводить политику геноцида против сербов в Модриче и Дервенте, в долине реки Неретва вплоть до Мостара. В июне и июле мусульмане сожгли свыше 100 деревень на реке Дрина” (2, с.52). Сербский Владыко Атанасие сообщал, что после отхода ЮНА, хорваты при поддержке мусульманских сил, стремительно наступали в долине Неретвы, занимали и сжигали сербские деревни, уничтожали церкви, монастыри. Полностью были разрушены монастыри Житомирлич, Пребиловцы, православные церкви в Коничком крае, Мостаре, во всех православных селах по обеим сторонам реки Неретвы (13).

«Сразу после начала войны мусульмане произвели нападения и опустошили около 100 сербских сел в районе Сребреницы и Братунаца. Результатом этих действий стали убитые сербы, сожженные дома и сербские беженцы. Только Красный Крест Сербии зарегистрировал 12800 сербских беженцев из этого района, что составляло 45% от общего числа сербского населения. Все нападения на сербское население были хорошо подготовлены, проводились по плану и при этом было задействовано большое число вооруженных людей. Смертельная опасность угрожала сербам и в самом городе Сребреница, откуда сербы бежали 9 мая 1992 г., два дня спустя после получения сообщений о массовом уничтожении сербов в селе Блечево» (6, с241).

Боевые действия, откровенные запугивания и страх привели к массовому перемещению гражданского населения. Согласно оценкам ООН, к 8 мая 1992 г. “было перемещено по меньшей мере 520000 человек (более 12 процентов населения Республики)” (15, с.3).

В пресс-релизе, распространенном в феврале 1993 г. Международным комитетом Красного Креста (МККК), говорится, что с июля по декабрь 1992 г. МККК зарегистрировал 10800 заключенных в 52 лагерях, контролируемых конфликтующими сторонами в Боснии и Герцеговине. При посредничестве МККК

сербы освободили 5040 узников, 357 — хорваты и 137 — мусульмане. В феврале 1993 г. в 25 лагерях содержалось 2692 человека, из них 1061 — у мусульман, 1203 — у сербов и 428 — у хорватов (51).

В июне 1992 г. началась борьба за северный посавинский коридор. Сербы пробили его 27 июня и соединили западную и восточную части Республики Сербской.

Мировое сообщество, пытаясь урегулировать ситуацию в БиГ, большие надежды возлагало на соглашения о прекращении огня, которые должны были стать основой дальнейших мирных переговоров. Первым таким соглашением стало соглашение от 12 апреля 1992 г., которое не соблюдалось. 1 июня усилиями сил СООНО было заключено новое соглашение, которое было нарушено уже спустя несколько часов после подписания. Как сообщал Б.Бутрос-Гали 15 июня, силы территориальной обороны Боснии и Герцеговины пытались использовать артиллерию, доставшуюся им после вывода ЮНА из казарм в Сараево, “для расширения пределов контролируемой ими территории”, в то время как “боснийские сербские силы продолжали использовать свою собственную артиллерию для обстрела города Сараево” (92, с.2). Сербская сторона не раз выступала с предложением о прекращении огня, соблюдении мирных договоренностей, однако они не находили отклика, прежде всего, у мусульманской стороны. Например, 11 июня Р.Караджич объявил об одностороннем прекращении огня с 15 июня, однако “А.Изетбегович отверг эту меру, охарактеризовав ее как “попытку ввести в заблуждение Организацию Объединенных Наций и мировое общественное мнение” (16, с.2). Под давлением представителей ООН А.Изетбегович согласился подписать соглашение о прекращении огня с 15 июня. Но и оно соблюдалось крайне непродолжительное время. В июне сербы передали аэропорт Сараево под контроль миротворческих сил. Над аэропортом Сараево был поднят флаг ООН, и он был открыт для первого рейса, на борту которого находилась гуманитарная помощь. Однако ежедневные перестрелки в районе аэропорта продолжались, периодически он закрывался и вновь после переговоров открывался.

Летом 1992 г. мусульмане держали только 11% территорий, под контролем хорватов было даже несколько больше территории, поскольку им помогала хорватская армия. Остальное было в руках сербов (121, с.75).

27 октября после многомесячных боев сербы вошли в город Яйце. Д.Оуэн пишет, что занятие Яйце стало последним большим

приобретением сербов в этой войне. Вплоть до падения Сребреницы и Жепы в июле 1995 г. “линия конфронтации по главным стратегическим направлениям вообще не менялась” (121, с.89).

К 17 декабря Скупщина РС заявила, что “сербский народ в ходе гражданской войны, которая ему была навязана, осуществил свое законное стремление к собственному суверенному государству”. Под контролем сербов находились города Баня-Лука, Приедор, Босански-Нови, Сански-Мост, Приявор, Котор-Варош, Босанска-Градишка, Дубица, Добой, Биелина, Зворник, Власеница, Соколац, Вишеград, Рогатица, Гацко, Билеча, Требине, Яйце. Был пробит коридор, соединяющий сербские области в районе Посавины. К концу года сербы держали под контролем более 60% территории Боснии и Герцеговины. Поэтому Скупщина РС приняла Декларацию об окончании войны, провозгласив, что “этническо—религиозная война в бывшей Боснии и Герцеговине для Республики Сербской окончена” и границы будут защищаться “политическими средствами”. РС готова вести мирные переговоры со всеми сторонами конфликта, сотрудничать с международными организациями, обеспечить мирную жизнь всем гражданам на территории РС (101).

Приняв декларацию об окончании войны, сербы РС начали готовиться к позиционной войне. В политической сфере руководство республики рассматривало пути укрепления государственной власти. После объявления об окончании военных действий активизировались политические партии, которые стали искать поддержку в армии, усилилась борьба за влияние на армию. Раздавались также голоса о необходимости сокращения армии.

В 1993 г. характер военных действий изменился. Сербь не вели наступательных операций, а теперь мусульмане пытались отвоевать часть территорий. В середине января мусульмане начали наступление в районе Братунаца. Особенно активным было наступление на городок Склани. Мусульмане окружили несколько сербских деревень, вырезали гражданское сербское население, а затем открыли артиллерийско-минометный огонь по гидроэлектростанции “Перучац”, которая находится на территории СРЮ. Боевые действия проходили недалеко от югославской границы и тысячи беженцев устремились в СРЮ, спасаясь от мусульманских боевиков. За неполный месяц мусульманского наступления сербы в обороне потеряли 1260 человек убитыми. “Мы

всегда в десять—пятнадцать раз больше теряем людей в обороне, чем в наступлении, — говорил в то время Р.Караджич. — Мы не имеем на это право. Мы будем защищаться теперь активно, а не пассивно” (41).

Еще осенью 1992 г. значительно ухудшились отношения между хорватами и мусульманами. В конце октября в центральной Боснии в городе Прозор хорваты начали очищать город от мусульман, грабили мусульманские магазины, сжигали дома, убивали людей. Д.Оуэн вспоминал, что, увидев снятый фильм о хорватских зверствах, он сразу осудил их и потребовал ввести санкции. Однако “незамедлительно последовали протесты обиженной хорватской невинности. Запад молчал о событиях в Прозоре и продолжал политику двойного аршина...” (121, с.86). 11 ноября хорватская армия возобновила силами 16 бригад военные действия в Восточной Герцеговине на направлениях Мостар — Невесине и Дубровник — Требине. Как писал Д.Чосич Б.Бутросу-Гали, “злодейства, которые при этом совершаются над невинным и безоружным гражданским населением сербской национальности, относятся к разряду геноцида и криминала” (61).

Хорватская община с помощью регулярных войск и ополченцев непосредственно из Хорватии установила контроль над районами на севере и юге республики. Согласно данным, опубликованным в “Политике”, на территории Боснии и Герцеговины в конце января 1993 г. воевали 14 бригад ХВО (24000 человек) и около 18500 солдат регулярной армии Хорватии. Эти войска, расположенные в Герцеговине, Центральной и Северной Боснии, поддерживают с территории Хорватии 10 бригад (63). В январе 1993 г. командующий Хорватского веча обороны издал приказ, согласно которому, все армейские подразделения армии БиГ в провинциях, которые по женеvским картам должны отойти хорватам, переходят под единое командование ХВО Герцег-Боснии. Несмотря на подписанный Туджманом и Изетбеговичем в Загребе 21 июля 1992 г. договор о дружбе и сотрудничестве, в начале 1993 г. начинаются столкновения в Центральной Боснии в районе Горни-Вакуфа, Нови-Травника, на подступах к Бугойно. Столкновения прежде всего начались на территориях, которые, согласно женеvским договоренностям, были определены как мусульманско—хорватские. Каждая из общин перед вступлением в силу соглашений о территориальном разделе республики стремится утвердить свой контроль над как можно большей частью территории. 19 января

хорватское радио сообщало, что большая часть Мостара находится под контролем ХВО. Мусульманские отряды отказывались подчиняться хорватским командирам, оказывали сопротивление, нападали на хорватские села. Боснийское правительство назвало Хорватию агрессором и решило обратиться в Совет Безопасности. Главнокомандующий вооруженными силами мусульман Сефер Халилович в интервью испанской газете “Паис” признал, что у мусульманской армии “есть проблемы” с хорватскими союзниками, которые уже перехватили 50% оружия, предназначенного мусульманским формированиям. Аналогичным образом к хорватам пошла значительная часть международной гуманитарной помощи. “Они отняли у нас и нефть, которую нам бесплатно посылают Турция и Иран”, — заявил военачальник. Он утверждал, что “хорваты стремятся создать свое государство в Боснии и Герцеговине, а затем присоединить его к Великой Хорватии и потому прибегают к политике этнических чисток” (63). В конце января хорваты и мусульмане договорились о прекращении огня и остановке боевых действий, но договоренности не соблюдали.

Специальная миссия Совета Безопасности, побывавшая в Боснии и Герцеговине, назвала военные действия сторон “цепной реакцией”, когда “убийства гражданских лиц мусульманами рассматривались сербами в качестве оправдания для их наступления”. Убийство хорватами мусульманской семьи в Ахиничах (у членов отряда на руках были нашивки со свастикой) вызвало яростную реакцию мусульман, которые в отместку подожгли несколько домов (19, с.1, 4). По мнению генерал-лейтенанта Ларса-Эрика Вальгрена (командующего СООНО), “все стороны совершают злодеяния различного характера, но территорию захватывают только сербы” (19, с.1). Такое заявление противоречило наблюдениям сопредседателей МКБЮ, которые как раз во время столкновений между мусульманами и хорватами отмечали, что “и те, и другие пытались захватить как можно больше территории” (20, с.2).

В Сребренице, городе, где до войны проживало около 10 тыс. человек, скопились, по данным международных организаций, десятки тысяч беженцев-мусульман из окрестных деревень в результате боев между мусульманами и сербами. В городе складывалась тяжелая обстановка. Гуманитарные организации сравнивали Сребреницу “с открытой тюрьмой” и “плохим лагерем

для беженцев”, где много раненых и нет врачей, отключено водоснабжение и электричество, ширятся эпидемии (19, с.2).

Еще в марте сербы, имея военное преимущество, окружив город, заставили мусульман капитулировать и пойти на подписание соглашения о разоружении и демилитаризации Сребреницы под надзором СООНО. Переговоры велись с участием командующего СООНО. 17 апреля генералы Р.Младич и С.Халилович подписали соглашение, предусматривавшее прекращение огня и всех боевых действий в районе Сребреницы, развертывание роты СООНО в городе к 11 утра 18 апреля, открытие воздушного коридора между Тузлой и Сребреницей для эвакуации раненых и больных. Текст договора включал в себя следующие положения:

«1. Полное прекращение огня в зоне Сребреницы вступает в силу в 04.59 ч. 18 апреля 1993 г. прекращаются все боевые действия на занятых позициях противостояния, включая артиллерию поддержки и ракеты.

2. Размещение одной роты СООНО в Сребренице до 11.00 часов 18 апреля. Обе стороны гарантируют этой роте безопасный и беспрепятственный проход из Тузлы в Сребреницу.

3. Открытие воздушного коридора между Тузлой и Сребреницей через Зворник для эвакуации тяжело раненых и больных. Воздушный коридор открывается в 12.00 ч. 18 апреля 1993 г. и действует 19 апреля 1993 г. в зависимости от метеоусловий до тех пор, пока все имеющиеся тяжело раненые и больные не эвакуируются. Вертолеты будут летать из Тузлы в Сребреницу с приземлением в Зворнике с целью контроля, который не повлияет на задержку с эвакуацией. СООНО в присутствии двух врачей с каждой стороны и представителя Международного Красного Креста проведет идентификацию личностей тяжело раненых и больных, которых надо эвакуировать. Тяжело раненые и больные всех категории будут без препятствий с обеих сторон эвакуированы воздушным путем. Предположительно тяжело раненых и больных насчитывается около 500. Это подтвердит 18 апреля СООНО, окончательно число будет сообщено обеим сторонам.

4. Демилитаризация Сребреницы осуществится в течение 72 часов после прибытия роты СООНО в Сребреницу (11.00 часов 18 апреля 1993 г., если прибудет позднее, то срок отодвигается). Всё оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и запасы (кроме лекарств), находящиеся в Сребренице, будут собраны и переданы СООНО под наблюдением офицеров – по трое с каждой стороны. СООНО

произведет контроль. По окончании процесса демилитаризации в городе не останется ни одного вооруженного лица, ни одного вооруженного подразделения, кроме сил СООНО. Ответственность за процесс демилитаризации несет СООНО.

5. Будет сформирована рабочая группа, которая примет решения по отдельным вопросам, связанным с демилитаризацией Сребреницы. Эта группа будет особо рассматривать: какие необходимо предпринять меры, если демилитаризация не завершится в срок 72 часа, корректно ли поведение в отношении лиц, сдающих свое оружие СООНО. Рабочая группа будет докладывать генералу Вальгрёну, генералу Младичу и генералу Халиловичу. Первый отчет будет представлен к совещанию, которое состоится в понедельник 19 апреля 1993 г., в 12.00 часов.

6. Обе стороны должны передать СООНО сведения о минных полях и взрывчатых устройствах, установленных в Сребренице. Каждая из сторон должна очистить свои поля от мин под наблюдением СООНО.

7. Ни одна из сторон не должна препятствовать свободе передвижения. Высший комиссариат ООН по беженцам и Международный Красный Крест должны особенно тщательно проверять факты о препятствиях свободе передвижения в Сребренице и Тузле.

8. Будет разрешена плановая доставка гуманитарной помощи городу.

9. Обе стороны конфликта должны гарантировать безопасность офицеров и врачей, которые будут вести наблюдение за процессом демилитаризации под флагом СООНО.

10. Рабочая группа должна рекомендовать способ обмена пленными, погибшими и ранеными в районе Сребреницы по принципу "всех на всех" в десятидневный срок. Это будет производиться под контролем Красного Креста.

11. Все спорные вопросы должна решать совместная военная рабочая группа или решаться во время встреч делегаций на высшем уровне, где посредником выступает генерал Уолгрён» (6, с.94-95).

В тот же день СБ рассматривал вопрос о ситуации в Сребренице, не зная о готовящемся соглашении. Он принял Резолюцию № 819, которая обязывала сербов прекратить боевые действия и отойти от защищенной СООНО зоны, хотя ситуация в Сребренице начала стабилизироваться, прекратился обстрел города, в город вошли миротворцы. Миссия СБ сделала вывод, что

“договоренность по Сребренице не может являться моделью и должна побудить Совет Безопасности к действиям, направленным на то, чтобы предотвратить падение других анклавов и территорий, таких, как Горажде, Жепа и Тузла” (19, с.2)¹.

Командование РС отказалось от штурма города, согласилось на эвакуацию мирного населения из города и доставку гуманитарной помощи, требуя взамен содействия в эвакуации из мусульманской Тузлы 15 тысяч сербов, которые погибли от ужасных условий и преследований со стороны местных властей. В результате из Сребреницы конвой ООН вывез 5 тыс. мусульман, а из Тузлы — 80 сербов, причем исключительно граждан Югославии. В дальнейшем местные власти воспротивились выезду гражданских лиц из Тузлы, мотивируя это тем, что эвакуация якобы является одной из форм “этнической чистки” (40, с.9).

В апреле продолжались ожесточенные столкновения мусульман и хорватов, которые намного превысили интенсивность сербско-мусульманского противоборства. Усиление взаимной неприязни было вызвано желанием силой закрепить границы будущих провинций, предложенных планом Вэнса-Оуэна. Сопредседатели МКБЮ стремились заключить договор между мусульманской и хорватской сторонами, изменив карту военных действий. Одним из первых шагов было подписание 24 апреля 1993 г. в Загребе А.Изетбеговичем и Мате Бобаном соглашения о прекращении огня и приостановлении всех военных действий во всех районах Боснии и Герцеговины. Соглашение было подписано в момент жесточайших военных столкновений между хорватами и мусульманами. В документе, подписанном при большом количестве свидетелей — Д.Оуэне, Ф.Туджмане, послах П.Холле, Г.Окуне, П.Аренсе, бригадном генерале Дж.Уилсоне и др.— явно обозначилось стремление обратить силы на борьбу против общего врага. В нем подчеркивалось: “Стороны, подписавшие настоящее совместное заявление, подтверждают, что столкновения между подразделениями ХВО и Армии Боснии и Герцеговины в Республике Боснии и Герцеговине идут вразрез с политикой

---

¹ По сообщениям Верховного комиссара ООН по делам беженцев, когда в Сребреницу вошли миротворцы, мусульманские власти не разрешили эвакуацию из города женщин и детей, поскольку полагали, что сербы не будут наступать на город, если там будут находиться женщины и дети, т.е. фактически оставляли их в заложниках (S/25519)

представителей обоих народов и что продолжение подобных столкновений серьезно отразится на ... успехе в борьбе с агрессором, который стремится разделить государство, захватить его территорию и присоединить оккупированные территории к “большой Сербии” (18). С этой целью было решено создать объединенное командование обеими армиями в составе представителей обоих штабов. Соглашение пришлось на время активного обсуждения плана Вэнса-Оуэна и должно было оказать давление на сербскую сторону. Но уже в мае в БиГ между мусульманами и хорватами вновь вспыхнули ожесточенные столкновения. Радио Ватикана сообщало о “тяжких зверствах мусульман над хорватскими женщинами и детьми” в городах Конич, Бусовача, Равно и в районе Травника (64).

Летом 1993 г. Б.Бутрос-Гали в специальном сообщении подчеркивал, что военные столкновения в БиГ переместились из плоскости сербско-мусульманской конфронтации в плоскость мусульманско-хорватского противостояния. Для него было очевидным, что сотрудничество мусульман и хорватов больше невозможно (116, с.213). В июне мусульманские войска начали наступление в Центральной Боснии на город Травник. Более тысячи хорватских беженцев, женщин, стариков и детей, спасаясь от уничтожения, нашли прибежище в окружающих горах, обращаясь за помощью даже к сербам. Около тысячи хорватских военных сдались сербам и были отпущены (54, с.17). Р.Младич вспоминал, что «в 1993 г. во время войны между хорватскими и мусульманскими силами, когда хорватское население Центральной Боснии оказалось под угрозой уничтожения, сербский народ и его армия оказали помощь хорватам. Мы приняли их на своей территории, а впоследствии все эти хорваты, включая и хорватские вооруженные формирования с их оружием были пропущены на территорию Герцег-Босны, а также в Хорватию. В окрестностях Вереша мы приняли более 30000 хорватских беженцев и около 700 хорватских солдат и офицеров. В районе Жепче — 12500 беженцев и 903 военнослужащих, в районе Бугойно — 6000 беженцев и 604 солдата и офицера...». Однако, продолжает Младич, спустя несколько месяцев после их перемещения через Купрес в Ливно (на хорватскую территорию), хорваты «напали на нас именно с этих позиций с целью захвата нашей территории. К сожалению, им удалось занять город Купрес и часть Купрешского плоскогорья. Подобным образом мы помогли и

мусульманам в 1993 г. пережить трагедию в Мостаре. Благодаря нашей помощи им удалось уцелеть в ходе этих событий» (6, с.210).

А.Изетбегович в интервью газете “Монд” заявил: “Это не наступление, а операция по защите боснийской территории. Вооруженные формирования Хорватского веча обороны, практически вышедшие из подчинения своего командования, нарушают договоры о прекращении огня. Они задерживают конвои с гуманитарной помощью, и поэтому наша армия, естественно, дала им отпор. ХВО создало тревожную атмосферу среди хорватского населения, которое бежало, став жертвой пропаганды в средствах массовой информации... Речь идет не о боях между мусульманами и хорватами. Повторяю, что это столкновения между боснийской армией и ХВО, по большей части обусловленные личными, субъективными интересами... Зачем Мате Бобан начал воевать в Мостаре и Центральной Боснии? Затем, что он не желает единой Боснии, о которой говорится в плане Вэнса—Оуэна? А оба этих варианта одновременно воплотить невозможно... Наверное, он хотел присоединить Герцег—Боснию к соседней Хорватии” (29, с.18—19).

В июле боснийское правительство вело наступление против хорватов в центральной Боснии — на Киселяк, где скопилось много беженцев из хорватских сел, ранее занятых мусульманами. Население охватила паника, поскольку они знали о злодеяниях мусульман. В Киселяке оказались и беженцы из Травника, среди которых были мусульмане-добровольцы ХВО, женатые на хорватках. Занятие Киселяка означало для мусульман овладение всей центральной Боснии и создание этнически чистой мусульманской территории. Армия БиГ овладела Бугойно, Фойничей, Горни-Вакуфом. На помощь хорватам прибыли части регулярной армии Хорватии. Реванш хорваты взяли в Мостаре. Несмотря на заключенные с мусульманами соглашения, хорваты начали этническую чистку в городе. Представители ООН сообщили, что хорваты вывезли из города за несколько июльских ночей сотни мусульманских семей. Мужчин помещали в лагерь для военнопленных в районе аэродрома (70). На юге хорваты при поддержке хорватской армии наращивали силы в районе Прозора, готовя контрнаступление на мусульманскую армию (21, с.2). В августе 1993 г. А.Изетбегович писал председателю Совета Безопасности, что в результате наступления хорватских войск “нарушения прав человека ... в отношении боснийских мусульман достигли масштабов подлинной человеческой катастрофы”; он

приводил список 16 концентрационных лагерей, в которых содержатся пленные-мусульмане (22).

К концу сентября накал боев несколько снизился. Командиры мусульманских и хорватских войск пришли к хрупкому перемирию в районе Мостара, в центральной Боснии. Сербско—хорватский и сербско—мусульманский фронты постепенно превращались в охраняемую границу. Однако затишье на фронтах продлилось лишь около месяца. Уже в ноябре мусульмане, используя передышку для укрепления своих сил, начали боевые действия в районе Горни-Вакуфа и Вареша в центральной Боснии. Ожесточенные бои шли на стыках национальных анклавов. К концу 1993 г. границы национальных анклавов были в основном обозначены.

Создание Федерации Боснии и Герцеговины. Решительный перелом в соотношении сил в БиГ наступил после того, как США заставили мусульман и хорватов пойти на перемирие, а затем на создание федерации. С начала марта 1994 г. в Вашингтоне и Вене шли переговоры об условиях объединения в одно государство сторон, которые жестоко воевали друг с другом. Причиной создания федерации было стремление Запада поставить под свой контроль войну в Боснии и Герцеговине, создать вместо трех два фронта, объединив мусульман и хорватов в борьбе против сербов. Только сильный противник, по мысли Запада, мог заставить сербов пойти на перемирие или мир. Объединение против одного неприятеля было большим стимулом для создания федерации, которая имела шанс сохраниться, пока имелся общий неприятель — сербы. А.Изетбегович откровенно заявил газете «Вашингтон пост»: «Мусульмане смотрят на договор с хорватами как на тактический ход, который мог бы им помочь вести войну с сербами с еще большим успехом. Улучшенная военная организация и постоянный поток оружия, вопреки эмбарго, придали нам храбрости» (93). Хотя для боснийских мусульман создание федерации означало конец мечтам о создании централизованного исламского государства в Боснии и Герцеговине, их согласие оговаривалось рядом важных для них моментов. Федерация необходима для легализации поставок оружия правительственной армии. Кроме того, мусульманам предлагалось учитывать то, что основной канал поставок оружия проходил через Хорватию. Герцег-Босна, а точнее, Хорватия с трудом пошли на этот шаг, но угроза введения санкций из-за

присутствия частей хорватской армии на территории Боснии и Герцеговины, которыми запугивала Америка, возымела действие. Руководство Герцег-Боснии обусловило свое вхождение в федерацию ее возможной конфедерацией с Хорватией. Это позволяло легализовать присутствие хорватских войск в соседнем государстве. Общественное мнение Хорватии разделилось – многие были против мира с мусульманами, за борьбу до победы, за отстаивание своих территорий и присоединение их к Хорватии (75). Газеты писали, что "хорваты в Вене подписали капитуляцию перед мусульманами" (77, с.27).

18 марта 1994 г. в Вашингтоне в присутствии Б.Клинтона прошла торжественная церемония подписания договора о создании мусульманско-хорватской федерации на территории БиГ. Официальное название нового государственного образования – Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ). Так как военное соглашение между двумя общинами было подписано ранее¹, речь шла, прежде всего, о конституционном устройстве. «Сегодня мы подтверждаем предложенную Конституцию Федерации Боснии и Герцеговины, а также предварительный договор о будущем экономическом и военном сотрудничестве между Федерацией и Республикой Хорватии. Эти договоры означают нашу совместную решимость достичь мира в Боснии и Герцеговине и всем нашем регионе... Боснийская и хорватская делегации подтверждают свою решимость предложить данный проект Конституции учредительной Скупшине, как основу для федерации, которая будет гарантировать полное национальное равноправие, демократические отношения, самый высокий уровень соблюдения свобод и прав человека», – отмечалось в подписанном документе (26). Результатами первых договоренностей было создание совместной делегации на переговорах с сербами, просьба к ЕС об организации международного управления в Мостаре, который оставался столицей одного из хорватских кантонов. Согласно предложенной Конституции, «бошняки и хорваты», используя свои суверенные права, «преобразуют внутренние территории с большинством бошняцкого или хорватского населения в Республике Боснии и

---

¹ В Сплите в 20-х числах июля 1995 г. был подписан военный хорватско-мусульманский договор (Декларация) с целью защиты от сербской агрессии. При подписании договора присутствовали американский и немецкий послы в Хорватии.

Герцеговине в Федерацию, которая состоит из федеральных единиц с едиными правами и ответственностью» (134, с.20).

Нонсенсом было то, что внутри de jure суверенного государства на части его территории создавалась федерация с неопределенными отношениями с теми территориями, которые не хотели входить в федерацию. Создание нового государственного образования на территории унитарного государства, признанного всеми странами, являлось началом «тихого» разделения БиГ на части под патронатом США. Предполагалось, что федерация будет состоять из кантонов, имеющих собственное руководство, а общегосударственные проблемы станут заботой центрального правительства. Президент страны и вице-президент, избираемые на 4 года, будут представлять разные общины и ежегодно сменять друг друга на высшем государственном посту. Те же условия предусмотрены для должности премьер-министра и его заместителя. Стороны договорились о создании единого парламента, правительства и армии. Столицей федерации остается Сараево. Служебными языками становились никогда не существовавший боснийский язык и хорватский, самостоятельность которого с таким упорством доказывали хорватские политики и ученые¹. Следующей фазой урегулирования в БиГ должны были быть переговоры о присоединении к федерации и Республики Сербской.

РС спокойно восприняла создание федерации. В РС были даже убеждены, что Европа и Америка создали федерацию, чтобы помешать проникновению ислама в Европу. А.Буха пытался найти выгоду для РС в сложившейся ситуации: "Мы исходили из факта, что вашингтонскими бумагами создано новое государство на территории бывшей БиГ. Тем самым и формально-юридически перестала существовать фикция, называемая Республикой Боснии и Герцеговины. Если же мы будем вынуждены остаться в союзе с тем новым государством, то только как суверенное независимое государство на основе договора об Унии" (8).

После трудных пятидневных переговоров в Вене мусульмане и хорваты наконец 11 мая 1994 г. договорились, что их федерация охватит 58% территории БиГ и будет состоять из 8 кантонов. И хотя мусульмане и хорваты контролировали в то время 30% территорий, они рассчитывали расширить свой контроль до обозначенных

---

¹ Фактически речь шла о сербскохорватском языке с использованием латинского алфавита.

пределов, благодаря помощи международных организаций или "другими средствами" (65). Договором не определялись границы будущей федерации, не разъяснялись причины и последствия мусульманско-хорватских столкновений.

С начала подписания договора многие считали его ни чем иным, как браком по принуждению и результатом американской политики силы. Фактически, договор оставлял много проблем открытыми, а взаимодействия субъектов неясными. Чей статус выше — Республики Боснии и Герцеговины или Федерации? Почему мусульман и хорватов на переговорах теперь будет представлять федерация, т.е. часть Республики Босния и Герцеговина, а не признанная Босния и Герцеговина? Если переговорный процесс продолжит команда федерации, то почему ее возглавляет президент Боснии и Герцеговины, а не федерации? Если возможны конфедеративные отношения с Хорватией, то чей международный статус выше: конфедерации или федерации? Возможно ли создание самостоятельной территории в БиГ с большинством сербского населения? И так далее, так далее. Мусульмане полагали, что наибольшая опасность для них состоит в том, что новое образование построено на отрицании прежней Конституции БиГ (75). Хорваты опасались, что кантоны начнут образовывать не по национальному признаку, что присоединение к Хорватии не осуществится (26). Они выступали за создание чисто хорватских кантонов, т.к. «не хотели нового братства-единства» (83). Представители миротворческих сил наивно полагали, что важно заставить функционировать экономику федерации, что надо начать вкладывать деньги в эти территории, тогда и сербам захочется присоединиться к ней (26).

США с самого начала хотели, чтобы федерацию возглавлял хорват и отстаивали кандидатуру Казимира Зубака на должность президента федерации. 30 мая в мусульманской части Сараево состоялась учредительная Скупщина ФБиГ, на которой были избраны президент федерации (хорват Крешимир Зубак), его заместитель (мусульманин Эюп Ганич) и премьер-министр (мусульманин Харис Силайджич). Их полномочия распространялись лишь на переходный полугодовой период. Закончиться этот период должен был проведением демократических выборов в органы власти федерации.

Хорватам подписание договора о федерации было выгодно. Для хорватского населения наступал мир, они получили закрепленные в законе свои национальные территории (кантоны).

Кроме того, хорватский народ стал государствообразующим народом, что позволяло им отстаивать определенные права и привилегии в БиГ.

В начале мая президенты Хорватии и БиГ обменялись письмами, упрекая друг друга в невыполнении соглашения, и предлагали провести официальные встречи для урегулирования нерешенных вопросов. 14 июня Туджман посетил с официальным визитом Сараево и открыл посольство Хорватии в БиГ. В разговоре с А.Изетбеговичем он обсуждал Совместное заявление, которое включало четыре пункта: либерализация проезда через Хорватию жителей БиГ, а также транзита товаров, возвращение беженцев, восстановление дорог, железнодорожных путей, телекоммуникационных связей, особенно на линии Тузла – Мостар – Сараево – Зеница – Тузла, обеспечение специального доступа к порту Плоче на адриатическом побережье для мусульманского правительства и боснийских представителей. Мусульмане остались недовольны посещением президента Хорватии. Сараевская печать оценила посещение как "провокацию и усиление герцеговинской¹ струи". Ф.Туджману ставили в особую вину то, что на пресс-конференции на сараевском аэродроме, говоря о Западной Герцеговине, он употребил термин "Южная Хорватия" (79).

16 мая в Сараево было объявлено о начале деятельности объединенного штаба совместной хорватско-мусульманской армии с задачей формирования единых вооруженных сил в соответствии с политической концепцией федерации. Во главе его были поставлены хорватский генерал Анте Росо и мусульманский генерал Фикрет Муслимович (56). 21 июня 1994 г. состоялось совместное заседание Скупщины БиГ и Учредительной скупщины ФБиГ для формирования правительства и обсуждения вопросов мирного плана.

Однако далее подписания формальных актов дело функционирования федерации продвигалось крайне медленно. Вся последующая история мусульманско-хорватской федерации – это история совмещения несовместимого, преодоления и одной, и другой сторонами тех условий договора, которые они считали невыгодными для себя, борьбы за лидерство при желании отстоять свою национальную обособленность. Член Президентского совета Хорватской республики Герцег-Боснии Миле Акмаджич говорил,

---

¹ Т.е. хорватской

что будущую ФБиГ на просторах бывшей БиГ "из-за торопливости нельзя будет построить в атмосфере любви". Некоторый вид союза может образоваться только в том случае, если кто-то третий нападет на будущую федерацию (78, с.1).

В федерации не решались вопросы кадров, определения границ кантонов и разработки соответствующих карт, формирования совместной армии. Иногда мусульманские военные пытались силой начать объединение армий, но встречали серьезное сопротивление хорватов, которое приводило даже к перестрелке (76). По мнению самих военных (на июль 1994 г.), "Армии Федерации не существует. Есть самостоятельные Армия БиГ и Хорватское вече обороны" (125, с.4). По мнению командующего АБиГ Р.Делича, поскольку ХВО уже несколько лет не воевало против «сербско-черногорского агрессора», то «лучшим путем для создания федеральной армии является совместная борьба» (115). Через месяц после подписания договора он обвинил ХВО в том, что хорватские солдаты оставляют позиции, уходят с линии фронта (74).

В тюрьмах оставались пленные обеих сторон, в выступлениях лидеров то и дело проскальзывали сомнения в правильности раздела республики, в нарушении договоренностей, в правомерности кантонального устройства (120). А хорватский представитель в Президиуме БиГ С.Ключич заявил немецкому информационному агентству, что Ф.Туджман не намерен выполнять условия договора. «Туджман изменил свою позицию под огромным нажимом США, но он продолжает и дальше выступать за разделение Боснии», — подчеркивал он (38). Ф.Туджман и А.Изетбегович обменивались «открытыми письмами», призывая друг друга к выполнению подписанных соглашений. Серьезные разногласия проявились в переговорах о статусе Мостара.

В июне на совместном заседании скупщин кабинет министров БиГ был преобразован в орган с двойными функциями — правительства БиГ и правительства федерации. Правительство возглавил Харис Силайджич. Членами правительства стали 14 мусульман, 13 хорватов и один серб. Десятеро из министров были докторами наук, а два — кандидатами наук. Возраст министров колебался от 25 до 56 лет (117, с.12). Выборы в местные органы власти были назначены на август, а в федеральный парламент — на сентябрь. Хотя к выборам начали готовиться многие партии — и либералы, и социал-демократы и даже реформисты — в условиях войны, расчленения территории, неопределенности границ

федерации и кантонов главную роль продолжали играть две партии — мусульманская ПДД и хорватская ХДС. Но медленность осуществления задуманного совместного государства вносила свои коррективы. Газеты пестрели критическими статьями в адрес руководителей, якобы виновных в замедлении процесса объединения хорватского и мусульманского народов в БиГ. Мусульманский журнал «Лилян» писал в августе, что «федерация бошняков и хорватов хорошо функционирует только на бумаге. А на деле все обстоит совсем иначе. Нет свободы движения, отсутствует возможность вернуться в свои дома там, где власть принадлежит ХВО» (123). А.Изетбегович даже обратился через журналистов к Ф.Туджману и Б.Клинтону с вопросом, серьезно ли они подумали, когда решили подписать договор о федерации (26). «Все чаще происходят инциденты и провокации в ущерб армии ХВО. В этих планах решающая роль принадлежит экстремистским силам в рядах руководства Партии демократического действия, а также военного руководства Армии Боснии и Герцеговины», — писала «Западна Босна» (111). А президент ФБиГ обратил внимание на то, что мусульмане считают свою республику иерархически выше, чем федерация, что приводит к ущемлению прав хорватов (80). Наученные горьким историческим опытом, подчеркивал Дарио Кордич, председатель ХДС в БиГ, хорваты хотят твердо знать, «что принадлежит в кантонах, федерации, конфедерации им, а что — мусульманам» (46). Именно так он предлагал трактовать вашингтонский договор.

В конце августа лидеры политических партий собирались встречаться в Сараево для обсуждения вопросов возвращения беженцев, организации местных органов власти, создания совместной полиции и ряда других. Но полиция БиГ на одном из пропускных пунктов не пропустила хорватскую делегацию на территорию под контролем мусульманской армии. Переговоры были сорваны. Фактически в федерации за отведенные полгода были построены декорации единого государства, а действие так и не начиналось: лишь формально были приняты основные законодательные акты, избран президент, назначено правительство. На деле существовали два самостоятельных образования, противившихся объединению, две армии. Самым серьезным и основным результатом мартовского соглашения было прекращение боевых действий между хорватами и мусульманами в БиГ, хотя

состояние повышенной боевой готовности войска сохраняли во многих населенных пунктах.

1 сентября в Мостар прибыла первая группа международных полицейских, которая должна была вместе с местной полицией навести порядок в городе, где царила атмосфера неприязни, постоянных стычек и провокаций. И мусульмане, и хорваты открывали в городе огонь, не пропускали на свою территорию ни людей, ни технику. По мнению многих наблюдателей, ФБиГ должна была взорваться и, прежде всего, в Мостаре.

13-14 сентября 1994 г. в Загребе состоялась встреча делегаций БиГ и Хорватии, возглавляемых Ф.Туджманом и А.Изетбеговичем. Ее целью было оживить ФБиГ-и вашигтонский договор, рассмотреть вопросы сотрудничества БиГ и Хорватии, ФБиГ и Хорватии. На встрече обсуждались тексты соглашений, но ни один из них так и не был подписан. По окончании переговоров было сделано совместное сообщение, в котором определялись основные направления сотрудничества между БиГ и Хорватией в области экономики, транспорта, таможни, дипломатии, телевидения. По вопросу ФБиГ договорились о создании переходных органов власти до 30 сентября 1994 г., о пополнении правительства, о начале разработки закона о местном самоуправлении и создании новых общин в соответствии с Венским договором, об активизации совместного руководства армии, федеральной полиции, о возвращении беженцев, изгнанных и расселенных (112).

Вопрос о функционировании федерации всегда вызывал сомнения у исследователей и был весьма труден для политиков. Выступая на Генеральной ассамблее ООН 1 октября 1994 г., А.Изетбегович ни словом не обмолвился о федерации, которая уже полгода существовала в БиГ. Руководители федерации не стали политически значимыми фигурами. На переговорном процессе Боснию и Герцеговину, а вернее мусульман, представлял А.Изетбегович, а хорватов — Ф.Туджман. Не были выполнены договоренности о проведении через полгода выборов в местные органы власти, организации хозяйства, репатриации сотен тысяч беженцев и насильственных переселенцев. В январе 1995 г. Вена даже настаивала на создании международной комиссии ЕС по преодолению препятствий в функционировании ФБиГ. Скупщина ФБиГ продолжала оставаться учредительной, функционировала с большим трудом.

Западные страны, особенно США, всячески поддерживали федерацию. В начале 1995 г. США заявили, что пошлют в скором времени генерала в отставке Фредерика Фрэнка в Боснию, чтобы помочь мусульманско-хорватской федерации объединить свои вооруженные силы (89, с.7).

24 января 1996 г. Президиум Герцег-Боснии принял решение о постепенной передаче исполнительной власти Герцег-Боснии соответствующим органам Федерации Боснии и Герцеговины. Того же потребовали и от мусульманской стороны. При этом Крешимир Зубак оставался председателем ФБиГ в переходный период. Тем самым *de jure* прекратила свое существование Герцег-Босния, созданная в середине 1992 г. Продолжались стычки на многих фронтах, продолжался и поток беженцев. Спасаясь от мусульманского террора, только в сентябре более 1000 хорватских беженцев оставили район Зеницы (81). Эти и многие другие факты разногласий в федерации настраивали хорватов против этого искусственного объединения. Согласно опросу загребского «Глобуса», 47, 2% хорватов Хорватии выступали против конфедерации с БиГ (109). Командующий седьмого корпуса мусульманской армии Мехмед Алагич обвинил хорватов в нападении на мусульманские позиции около Бугойно и в отказе участвовать в совместных боевых действиях против сербов. «Все наши договоры с хорватской стороной заканчивались неудачно, и, если так будет и дальше, то мы не сможем начать занимать территории, которые находятся под сербским контролем, т.к. за нашей спиной будут находиться враждебно настроенные силы ХВО», — подчеркивал он (82). Сараевские газеты обвиняли хорватов в том, что они спят, пока мусульмане воюют, и пытаются всякими способами избежать боевых действий (124).

Создание Федерации значительно изменило стратегическую ситуацию в БиГ. Я.Акаши писал в Нью-Йорк, что в связи с поддержкой ХВО правительственных сил БиГ, «военная ситуация в Боснии и Герцеговине в основном стабилизировалась, благодаря достижению баланса сил в наиболее напряженных районах» (104). Мусульманская армия была намерена использовать сложившуюся ситуацию для активизации военных действий против сербов. СООНО сообщали в марте 1994 г., что мусульманская армия, закрепив перемирие с ХВО, активизировала свое наступление в следующих направлениях: Бугойно — Горни-Вакуф, Жепче —

Завидовичи — Маглай, Добой — Градацац. Напряжение возрастало также на направлениях Горажде — Сребреница, Олово.

Осложнилась ситуация вокруг Горажде. Горажде, объявленное защищенной зоной, стал городом, в котором были сконцентрированы мусульманские войска. Продолжала производить вооружение фабрика “Победа”, снабжавшая мусульман боеприпасами. Для сербов этот город был важен и со стратегической точки зрения, и с чисто военной. Отражение непрерывных атак мусульман в сторону югославской границы по направлению к Санджаку требовало постоянного присутствия значительного количества сербских войск, которые были важны на других участках. “Это для них было стратегическим, жизненно важным вопросом, — вспоминал Д.Оуэн свой разговор с М.Крайшником. — Крайшник был неумолим, и складывалось впечатление, что он не расхотился с Младичем по этому вопросу” (121, с.304). В условиях санкций для сербов важно было захватить фабрику боеприпасов. Для мусульман жизненноважной была задача соединения анклавов Сребреница, Горажде и Жепс с центральной Боснией. 28 марта сербы начали обстрел города. В городе сложилась трудная гуманитарная обстановка. Атаки не прекратились даже тогда, когда по сербским позициям силами НАТО были проведены воздушные удары. Лишь 19 апреля под давлением мировой общественности и угрозы новых ударов НАТО с воздуха, сербы сели за стол переговоров.

Активное участие в переговорах приняли представители СООНО и лично Я.Акаши. 19 апреля сербы с представителями СООНО подписали “Меморандум”, в котором в одностороннем порядке объявили о прекращении огня. В рамках предложенного перемирия сербская сторона обязывалась прекратить военные действия в радиусе трех км от центра города (119). 22 апреля Я.Акаши получил указание от Генерального секретаря ООН, которому переговоры казались затянувшимися, поставить сербам ультиматум: вывести свои войска из города за трехкилометровую зону к полночи. В противном случае переговоры прекратить. Последовал ультиматум и от НАТО. Все было готово к новым авиаударам по сербским позициям. Но Я.Акаши удалось договориться с сербами отойти от города и вывести все тяжелое вооружение, разрешить свободу передвижения персоналу СООНО и гуманитарных организаций. В официальных кругах окончание кризиса около Горажде называли “успехом натовского ультиматума”.

В резолюции № 913 от 21 апреля 1994 г. СБ поставил сербам ультиматум вывести войска из трехкилометровой зоны от центра города, а все тяжелое вооружение из двадцатикилометровой зоны поставить под контроль ООН (23). Согласно донесениям наблюдателей СООНО, тяжелое вооружение было выведено из всех 32 пунктов обследованной зоны.

В апреле началось “весеннее” наступление мусульман, которое стало возможным благодаря вашингтонскому договору между мусульманами и хорватами и освобождению части войск с хорватского фронта. Сербы оказались в неприятной ситуации — против них стояли хорватские войска, которые до недавнего времени занимали нейтральную позицию, а иногда выступали совместно с сербами. Мусульманские силы концентрировались на двух приоритетных направлениях — на Добой и Брчко. Командующий мусульманской армией Расим Делич обещал дать решающий бой сербам в районе Посавинского коридора (90). Планировалась и деблокада Сараево. СООНО сообщали в конце мая, что мусульмане были инициаторами шести, а сербы — трех (незначительных) наступательных операций.

1 октября командующий СООНО в БиГ генерал Майкл Роуз подтвердил, что мусульманские силы начали наступление на сербские позиции на южных склонах горы Игман, где находились подразделения “голубых касок”, на Белашницу и Трескавицу, возобновили артиллерийские обстрелы Озрена. 6 октября, беспрепятственно пройдя сквозь демилитаризованную зону, охраняемую французским батальоном, мусульманские подразделения напали на сербов и с жестокостью убили 16 бойцов и четырех медсестер. 13 октября мусульманские войска вновь нанесли удар по сербам из этой зоны. Как полагали специалисты, главной целью мусульман было пересечь дорогу Лукавица— Трново, по которой сербским войскам доставлялось продовольствие, топливо и боеприпасы. Представители СООНО предприняли операцию по выдворению 650 мусульманских солдат с Игмана, но оставшиеся 500 контролировали зону в 250 квадратных километров, продолжая обстрелы дорог, транспорта, жилые дома (27, с.8). Нарушения мусульманскими войсками демилитаризованной зоны на Игмане и Белашнице, а также игнорирование “голубыми касками” нарушений со стороны мусульман вызвали резкие протесты с сербской стороны. Командование ООН признавало законность требований сербов,

однако давления на мусульман оказано не было. Сербь сначала придерживались одностороннего прекращения огня и не отвечали на эти провокации, пытаясь урегулировать напряженность политическими средствами, в частности, предлагая провести встречу командующих всех воюющих сторон, но затем прибегли к традиционной методике “давления” на СООНО : ограничивали, “дозировали” доставку гуманитарной помощи в Сараево, обстреливая основную дорогу, по которой проходили колонны автомобилей ООН, задержали доставку топлива, угнали пять грузовиков с медикаментами, блокировали аэродром. Премьер-министр БиГ Харис Силайджич в одном из интервью подчеркнул: мусульмане ожидают, «что НАТО будет действовать в соответствии со своими обязательствами...» (цит. по: 69, с.8).

Р.Младич в одном из интервью так описывает события второй половины 1994 г.: «Напомню Вам, что мы этим летом в Женеве предлагали прекратить военные действия на год, чтобы создать условия для активизации политического диалога. Однако мусульмане, которых возглавляет Изетбегович, с этим предложением не согласились. После этого мы предложили прекратить огонь на шесть месяцев, затем на четыре месяца. В конце концов, мы договорились заключить перемирие на один месяц. Но мусульмане это перемирие нарушили. Спустя двадцать дней после подписания документа о перемирии они начали военные операции в районе Сараево. По всей вероятности они рассчитывали захваченную в ходе этого наступления территорию превратить в “зону безопасности”, а оставшуюся территорию — то есть Республику Сербскую — в зону, в которой могут действовать силы НАТО. Помимо этого армия Изетбеговича возлагала большие надежды на поддержку авиации НАТО» (6, с.209).

В начале ноября 7-й мусульманский корпус развернул наступление на Купрес, который находился в руках сербов с весны 1992 г. Хорватские войска наступали на город с юга — из Томиславграда и Ливно. Купрес — важный со стратегической точки зрения город, находящийся на пересечении транспортных коммуникаций между Герцеговиной, западной и центральной Боснией. По планам Контактной группы Купрес должен был отойти к ФБиГ¹. А.Изетбегович заявлял в это время, что стратегия

---

¹ По переписи 1991 г. в Купресе жили 51% сербов, 39% хорватов и 7% мусульман.

правительства состоит в том, чтобы заставить сербов согласиться с планом мирного урегулирования КГ. Занятие территорий, отводившихся по плану мусульманам — часть этой стратегии (31). Именно в это время сербы стремятся найти взаимопонимание с хорватами, подлить масла в огонь мусульманско-хорватских противоречий. Они практически без боя сдают город хорватам. Журналисты тогда часто не могли найти объяснения поворотам в мусульманско-хорватско-сербских отношениях, полагая, что «ситуация в Боснии носит иррациональный, недоступный для понимания нормальных людей характер» (44, с.5). Они допускали, что на предыдущих сербско—хорватских секретных переговорах сербы обещали Купрес хорватам как компенсацию за территории в Посавины недалеко от коридора между западной и восточной частями территории РС.

В ходе эскалации боевых действий в Боснии и Герцеговине войска, верные боснийскому мусульманскому правительству, одержали самые крупные военные победы в этой войне. В районе Бихача мусульмане заняли уже 250 км² территории, которая была под контролем сербов. Военные действия продолжались и в районе Чемерской планины севернее Сараево (которую сербы заняли в августе), и на линии разграничения западнее от Бугойна (мусульмане пробивались к Дони-Вакуфу), на подступах к городу Босанска-Крупа (84).

После того, как летом 1994 г. сербы отказались подписывать план КГ, международные организации фактически изолировали руководство РС, организовали его международный бойкот, который был нарушен лишь в декабре 1994 г., когда при посредничестве бывшего президента Дж.Картера был подписан договор о четырехмесячном (с 1 января по 1 мая 1995 г.) перемирии между враждующими сторонами в Боснии и Герцеговине.

Мусульмане в БиГ использовали время четырехмесячного перемирия для серьезной дипломатической и военной подготовки. Э.Ганич в марте 1995 г. был с визитом в Америке, Х.Силайджич — в Китае и Пакистане, И.Любиянкич¹ — в Греции, А.Изетбегович — в Германии. «Мы хотели, — отмечал А.Изетбегович, — посмотреть, какова позиция международного сообщества в отношении БиГ и

---

¹ Ирфан Любиянкич — один из основателей ПДД, в 1995 г. - председатель Главного комитета ПДД, погиб в июне 1995 г.

попытаться повлиять на нее» (113, с.36). Среди средств воздействия на Запад президент Боснии и Герцеговины называл «две палки», с помощью которых они «могут заставить международное сообщество что-либо предпринять». Первой «палкой» он называл «отказ от продления перемирия после 30 апреля», а второй считал требование снятия эмбарго на поставки оружия в БиГ (113, с.40). Дипломатия БиГ заручилась международной поддержкой США, получила обещание материальной поддержки от США, ЕС «Клуба поддержки федерации» в сумме 300 млн. долларов (113, с.40). В это же время велась и военная подготовка. Мусульманская сторона пошла на подписание перемирия, по словам президента БиГ, чтобы попытаться найти политическое решение, реорганизовать армию и дать ей отдохнуть (113, с.50). А.Изетбегович говорил в то время, что «если сербская сторона не примет мирный план Контактной группы», то мусульманская сторона «не пойдет на продолжение перемирия. Никогда, — решительно заявлял президент, — поскольку это было бы началом постоянной оккупации большей части нашей земли» (113, с.35). Руководство БиГ видело шанс быстрой победы в «максимальной политической и военной изоляции Караджича» и в хороших отношениях с хорватами. Мусульмане и хорваты пришли к соглашению о формировании единого военного командования на территории БиГ, разработали план синхронного открытия широкого фронта против Армии РС и РСК. Кроме того, была проведена дополнительная мобилизация всех мужчин от 16 до 65 лет. В марте 1995 г. создавалась дополнительная система обороны страны, в которой бы участвовали все взрослые мужчины и женщины. Подразделения территориальной обороны формировались по территориальному и производственному признаку, что позволяло охватить практически все население мусульманской части страны (113, с.42).

Армия РС находилась в тот момент в трудном положении. Она пострадала от авиаударов НАТО, все ее тяжелое вооружение находилось под контролем «голубых касок». Разрыв связей с СРЮ и установление блокады на границе сделали катастрофическим ее материальное положение. В сложившихся условиях Армия РС стремилась к укреплению системы обороны. Однако начавшиеся еще в предшествующий год противоречия между гражданской и военной ветвями власти в начале 1995 г. еще больше углубились. Эти противоречия разрастались на фоне сложных взаимоотношений Пале и Баня-Луки, а также идеологических разногласий. Все эти

противоречия в конечном итоге выстраивались по линии Милошевич — Караджич. Белград стремился к ослаблению Караджича и его авторитета в Боснии и Герцеговине, поддерживая всех, кто был против него. Так, Белград явно проявлял симпатии к Баня-Луке, которая всегда критиковала сербское Сараево за то, что основные должности в государстве занимали представители сараевско-романийского региона. Сербская печать часто представляла Баня-Луку как оппозиционный город. Открытые симпатии руководства РС (читай -Пале) к этническому движению также противопоставляли его Белграду, не желавшему отступить от партизанских традиций. Антикоммунистически настроенное руководство РС все больше вставало на монархические рельсы, в то время как в Сербии укреплялся левый блок, наследник Союза коммунистов. И армия, большинство офицеров которой происходило из ЮНА, не всегда одобряло монархические и этнические наклонности политической элиты. В феврале 1995 г. политическая напряженность готова была перерасти в кризис. Девять оппозиционных партий РС, среди которых заметное место занимали Социалистическая партия РС и Союз коммунистов — Движение за Югославию, потребовали проведения многопартийных парламентских выборов с тем, чтобы «создать законные органы власти, которые бы смогли ответственно и более удачно решать насущные проблемы своего народа, в первую очередь — окончания войны и установления мира» (28, с.6). В официальном сообщении оппозиции напоминает, что нынешняя Скупщина РС была сформирована из состава депутатов-сербов парламента Боснии и Герцеговины три года назад в момент ее распада и начала войны. Президент же был избран не на прямых выборах, а Скупщиной. Однако власти республики были против проведения выборов в условиях войны.

На юбилейном 50-ом заседании Народной Скупщины в Сански-Мосте в апреле 1995 г. армия подверглась серьезным обвинениям со стороны некоторых политических и партийных деятелей. Отчет и предложения Главного штаба были встречены в штыки. Армию обвинили во вмешательстве в политические вопросы, в некомпетентности, самодовольстве, в «коммунизме» и даже в подготовке военного переворота. Вопросы укрепления армии, ее социальной защиты, обеспечения всем необходимым так и не были решены (52, с.173). В печати развернулись дискуссии о негативных явлениях в армии и вне ее — о спекуляции, дезертирстве,

социальном расслоении, ненужности введения военного положения, падении мотивации к продолжению войны. В условиях непосредственной военной опасности условия снабжения армии не стали приоритетными задачами властей всех уровней. Кроме того, радио и телевидение, по мысли военных, повернулись к ним спиной и занялись, фактически, антиармейской пропагандой (52, с.198).

В начале 1995 г., как сообщала ООН, именно правительственные силы БиГ развязали военные действия в большинстве безопасных районов и вокруг них (Сараево, Тузла, Бихач). Они использовали защищенные ООН зоны для концентрации своей армии, исключением не было и Сараево. А в Горажде находился завод по производству боеприпасов (24, с.12). Реакцией сербов были ответные действия, как отмечалось в отчетах, “часто в несоразмерных масштабах”. При этом “запрограммированные” против сербов миротворцы, согласно мандату “на сдерживание нападений на безопасные районы.., реагировали на действия сербов независимо от того, являются ли они реакцией на наступление, предпринятое другой стороной” (24, с.12). Правительство БиГ нарушило соглашения и о прекращении снайперской стрельбы, и о горе Игман, использовало СООНО в качестве щита для наступательных и провокационных действий, все больше вводило ограничения на передвижение сил миротворцев (24, с.14). Сербь со своей стороны использовали такой рычаг давления на мусульман, как Сараево. Они закрыли дороги в аэропорт, возобновили обстрел города, обстреляли дорогу через гору Игман, ужесточили свой контроль за доступом в районы, удерживаемые мусульманскими войсками, прекратили снабжение города питьевой водой, электроэнергией и газом..

Уже в феврале мусульманское правительство грубо нарушило перемирие в районе города Круп-на-Уни, прорвав сербские позиции и нанеся чувствительные потери сербским войскам, а во второй половине марта ожесточенные сражения начались на трех фронтах — в районах Тузлы, Травника и в Посавинском коридоре. Продолжая нарушать перемирие мусульманские подразделения атаковали 22 марта сербские позиции, действуя из зоны под защитой ООН в Горажде, в восточной Боснии. “Тотальная война — единственная альтернатива неукладу международных мирных планов для бывшей Боснии и Герцеговины”. — говорил премьер-министр мусульманского правительства Харис Силайджич (87).

Весеннее наступление 1995 г. мусульманская армия тщательно планировала и широко об этом оповещала. Проводились учения, закупалось оружие, передислоцировались войска согласно намеченному плану наступления. При действующем международном эмбарго на поставки оружия американские самолеты типа "Геркулес" С-130 наполняли аэродром Тузлы всевозможным оружием и полевой техникой из мусульманских стран и Западной Европы. В городах Вереш, Високо, Горажде срочным порядком возводились взлетно—посадочные полосы для тяжелых самолетов. Американские и немецкие инструкторы обучали солдат, помогали в разработке тактических планов. Хорватское и мусульманское командование разработали планы совместного участия против сербов в Боснии и Хорватии. В частности, один пунктов плана предполагал активизацию военных действий на границе РС, с тем, чтобы облегчить хорватским войскам нанесение молниеносного удара по территории РСК, с целью захвата как можно большей сербской территории. После этого предусматривалось совместными действиями мусульманской и хорватской армий перерезать северный и западный коридоры, соединяющие сербские районы. Совместные операции хорватских и мусульманских сил против сербов планировались на совместных встречах высшего командования федерации в Мостаре, Сплите, Загребе.

27 марта Р.Караджич направил письмо Генеральному секретарю ООН, президентам США, Франции, Великобритании и России, в котором просил их, используя свой авторитет, остановить мусульманское наступление на Республику Сербскую.

В условиях запрещения Советом Безопасности использования авиации в БиГ, боевые вертолеты армии мусульман атаковали сербские позиции в районе Дони-Вакуф (32). В результате стремительного наступления правительственные войска захватили стратегически важную горную вершину Трескавица в 30 км к югу от Сараево и несколько близлежащих деревень. Сербам все труднее было удерживать линию фронта: не хватало оружия и живой силы. Во время наступления хорватско-мусульманских сил сербские войска установили контроль над всеми площадками сбора тяжелых вооружений в 20—километровой зоне вокруг Сараево, куда они сдали БТР и танки в феврале 1994 г. Хорваты помогали мусульманам пробить кольцо вокруг Сараево, наступая с запада, от Киселяка. По словам генерала ХВО Винко Лучича, на сараевском фронте

сражались 30 тыс. мусульманских солдат и 6 тыс. хорватских против 12-15 тыс. сербских (98, с.5).

В конце июня 1995 г. французская газета “Монд” опубликовала материал своего сараевского корреспондента о боснийской армии. Он писал, что боснийская армия повзрослела и возмужала, произошло военное укрепление федерации, несмотря на ее политическую слабость. Во многом организационному становлению армии способствовали американские советники – отставные генералы Джон Гэлвин (в 1994 г.) и Джон Сьюэл (в 1995 г.), которые помогли созданию объединенного штаба. Мир боснийцев с хорватами позволил доставлять через Хорватию военное снаряжение, армия поняла необходимость штабной работы и строевой подготовки в сотрудничестве с ХВО. Наступления стали вестись исключительно грамотно, солдаты обрели профессиональные навыки (53).

Раздираемое прогиворечиями, руководство РС находилось под большим давлением международных организаций и ограничениями, наложенными на ее армию. Политика ведения войны «ни победы, ни поражения» и тактика «вперед-назад» еще больше влияли на ослабление морального духа сербской армии.

Во второй половине 1995 г., по словам Б.Бутроса-Гали, в БиГ “отмечался беспрецедентный уровень военной активности, включая наступления, предпринимавшиеся всеми сторонами и приведшие к крупным потокам беженцев и перемещенных лиц” (25, с.4). Очевидной была решимость сторон добиться военного решения конфликта после истечения срока соглашения о прекращении военных действий, заключенных в декабре 1994 г. 6 июля 1995 г. сербы начали крупномасштабное наступление на Сребреницу, а 25 июля они заняли Жепу. Собравшиеся 21 июля в Лондоне члены КГ, представители НАТО и войск СООНО предупредили сербов, что им “будет дан решительный отпор, включая нанесение ударов авиацией НАТО” (25, с.4).

2 августа 1995 г. президент РС Р.Караджич принял решение о переименовании Главного штаба АРС в Генеральный штаб АРС, который передавался в подчинение верховному главнокомандующему (президенту) в условиях военного времени или непосредственно военной опасности. Генерал Р.Младич фактически был смещен со своей должности, и ему была предложена новая – специального советника Верховного главнокомандующего по координации совместной обороны РСК и РС. В армии такое

решение было принято как предательство интересов республики, стремление дискредитировать армию и стремление поссорить ее с народом. Р.Младич отказался уйти с должности командующего, а 18 высших офицеров обратились с письмом к Народной Скупшине РС с просьбой поддержать решение коллегии командующего Главного штаба АРС о недопустимости кадровых изменений в армии. Борьба в РС против военного руководства проходила в тот момент, , когда было необходимо единство всех сил по защите сербского населения в Хорватии во время хорватского наступления на Гламоч и Грахово, следствием которого стало падение Республики Сербской Краины.

В августе—сентябре 1995 г. НАТО провело беспрецедентную по своей жестокости операцию по уничтожению сербских военных объектов, центров связи, систем ПВО. Были уничтожены телекоммуникационные системы радио и телевидения, резервуары воды, сельскохозяйственные фермы, больницы, дома для беженцев, мосты, высоковольтные линии передач и др. Бомбардировка авиации НАТО сопровождалась успешным наступлением мусульманско-хорватских сил в западной части страны. Ситуация на фронтах начала меняться с молниеносной быстротой. Лишенные связи, военные подразделения были дезориентированы и двоевластием — «двойным» командованием в отдельных подразделениях в результате попыток заменить военное руководство, которое официально считалось смещенным.

За неделю, начиная с 10 сентября, мусульмане заняли большую часть Озренского выступа, а хорваты выдвинулись на значительное расстояние в юго-западной части страны, захватив и районы, в которых традиционно проживали сербы. Были заняты Яйце, Мркониц-Град, Рибник, Сипово (108). По убеждению западных аналитиков, именно авиаудары заставили сербов сесть за стол переговоров. После подписания 12 октября соглашения о прекращении огня, бои еще велись в районе Приедора. Толпы сербских беженцев, покинув город, двинулись в сторону Баня-Луки. Мусульманские и хорватские войска продолжали обстреливать из артиллерийских орудий и минометов сербские боевые порядки и гражданские объекты южнее Баня-Луки. Мусульманская армия захватила Сански-Мост.

Война в Боснии и Герцеговине принесла стране огромные разорения и жертвы среди гражданского населения. За годы войны погибли 200 тыс. человек, из которых 90% — мирные жители. Од 2, 5 до 3 млн. человек покинули свои жилища: 800 тыс. сербов из

Западной Герцеговины, средней и Западной Боснии, 800 тыс. мусульман из Восточной Герцеговины, Краины и Восточной Боснии, около 500 тыс. хорватов из средней Боснии (71).

Окончательный итог войне в Боснии и Герцеговине был подведен в Дейтоне, где в декабре 1995 г. были подписаны мирные соглашения, открывшие новую страницу истории БиГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архиепископ Сараево призвал способствовать достижению мира в бывшей Югославии // ИТАР—ТАСС. Серия “СЕ”.—М.,1995.—16 мая.—С.3-4.
2. Байндер Д. Ратко Младич - командир боснийских сербов// Там же. КОМПАС.-М., 1994.-15 сент.-№142.- С.51-59.
3. Бибикова О.П. Ислам в Боснии//Независимая газ.-М.,1996.-7 февр.-С.5.
4. Бильдт К. Стала ли Босния уроком для Европы?: Выводы для европейской внешней политики // Intern. politik.-М.: Посольство Германии в Москве, 1997.-№ 7.-С.7-13.
5. Бодсон Ж. Нови светски поредак и Југославија.— Београд, 1996.— 242 с.
6. Булатовић Љ. Генерал Младић.-Београд,1996.- 336 с.
7. Бурзановић Т. Године за цео век // Јавност.- Сарајево.-,1995.- 22 јул.- N 25/26.-С.10.
8. Буха А. Интервју...//Там же.- 1994.-2 септ.-№ 182.-С.11-13.
9. Валев Э.Б. Югославский клубок // География.-М., 1996.-Февраль.- № 7.-С.1,8-9,14-15.
10. Войска и вооружения воюющих сторон//ИТАР-ТАСС. Вести Европы.-М.,1994.-7 февр.-С.13-14.
11. Вучковић Р. Збогом, Сарајево.-Београд: Просвета, 1994.-299 с.
12. Гајић- Глишић Д. Српска војска: Из кабинета министра војног.- Београд,1992.-313 с.
13. Голгота српског Мостара // Православље.—[б.м.],1994.—септ.— 4 с.
14. Документација ООН.- S/23836.
15. То же.- S/23900
16. То же.-S/24100
17. То же.-S/24795
18. То же.-S/25659
19. То же.-S/25700
20. То же.-S/26066

21. То же.-S/26260
22. То же.-S/26342
23. То же.-S/1994/465
24. То же.-S/1995/444
25. То же.-S/1995/987
26. Документација СООНО.
27. Иванов И. Мусуљмански војска вноу на боснијски сербов в демилитаризованној зони на Игмане // ИТАР—ТАСС. Серија “СЕ”.—М.,1993.—26 окт.—С.7—8.
28. Иванов И. Оппозиционне партије Сербској Републике потребовале проведување парламентарских избора // Там же.-1995.—13 фебр.—С.6—7.
29. Изетбеговић А. Интервју газете “Монд” // Там же.- 1993.—21 јуна.—С.18—20.
30. Информација // Там же.—29 јанв.—С.28.
31. Информација // Там же.—22 нояб.—С.2.
32. Информација // Там же.-1995.—14 апр.—С.3.
33. Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника.- Београд: Политика, 1995.- 491 с.
34. Јовић-Славуј С. Страдање сарајевских Срба // Ослобођење.- Сарајево, 1997.-29/30 нов.-С.19.
35. Кадијевић В. Моје виђење распада.-Београд: Политика, 1993.-166 с.
36. Караџић Р. Интервју //Моск. новости.-М.,1993.-5 сент.- № 36.- С.11А.
37. Карпов М. “Аллах акбар” // Независима газ.—М.,1994.—23 фебр.—С.4.
38. Кљуић М. Туђман неће испунити вашингтонски договор // Политика.- Београд, 1994.- 14 апр.-С.4.
39. Којовић В. Крвава кошуља сарајевска.-Београд: Добротвор, 1995.- 235 с.
40. Кондрашов А. Об обстановке в Сребренице и вокруг нее // ИТАР—ТАСС. Серија “СЕ”.—М.,1993.—7 апр.—С.7—10.
41. Конференција за штампу председника РС// Политика.—Београд, 1993.—23 фебр.—С.8.
42. Крајишник М. Интервју...//Интервју.- Београд, 1994.- 19 авг.- № 342.-С.14-17.
43. Крајишник М. Интервју: О раду Скупштине бивше БиХ // Ослобођење.-Сарајево, 1995.-6 јан.- С.10-11.
44. Кондрашов А. Что стои за ескалацијом боевих дејствиј в Боснији? // ИТАР-ТАСС. Серија “СЕ”.—М., 1994.—8 нов.—С.5-9.
45. Конституисана Скупштина српског народа у БиХ // Политика.- Београд, 1991.—26 окт.—С.1.
46. Кордић Д. Зашто Изетбеговић у Њујорку није споменуо федерацију //Там же.- 1994.-3 окт.- С.7.

47. Лична карта српског Сарајево // Ослобођење.-Сарајево, 1995.- 6 јан.-С.99.
48. Марић М. ЈНА није никога угрозила // Борба.-Београд, 1992.-28/29 март.-С.3.
49. Марковић М. Муџахетина - има, има! // Јавност.- Сарајево, 1994.-5 март.- N 156.-С.12.
50. Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. степ. д-ра истор. наук.-М.,1996.-520 с.
51. Международный комитет Красного креста: Итоги 1992 г.//ИТАР-ТАСС. Серия "СЕ".—М., 1993.—21 февр.—С.30-31.
52. Милутиновић М. Војска Републике Српске између политике и рата. - Сремска Митровица: Матроз, 1997.- 332 с.
53. "Монд" о "Боснийској" армији//ИТАР-ТАСС. Вести Европы.- М.,1994.-29 јуна.- С.3-5.
54. Нуклеус маневарске војске//Јавност.-Сарајево, 1994.- 24 дец.- № 193.-С.14-17.
55. Објављени први судски досије о страдању сарајевских срба // Политика.- Београд, 1997.- 16 нов.-С.16.
56. Озваничен здружени хрватско-муслимански Генералштаб// Там же.-1994.-17 мај.-С.1
57. Остојић В.Пет српских година // Јавност.- Сарајево,1995.-22 јул.-, N 25/26.-С.11-13.
58. Очување вишенационалне БиХ//Борба.-Београд, 1994.-15 авг.-С.2.
59. Парламентарни живот у Републици Српској // Ослобођење.- Сарајево, 1995.- 6 јан.-С.19-22.
60. Писмо Бранка Костића Бутросу Галију о ситуацији у БиХ // Политика ЕКСПРЕС.- Београд, 1992.- 27 март.-С.4.
61. Писмо Ћосића Бутросу Галију // Политика.—Београд,1992.—12 нов.—С.1.
62. Плавшич Б. Боснийская война была неизбежной // Труд-7.—М., 1997.—20 јуна.—С.7.
63. Присуство војске Републике Хрватске на територији Босне и Херцеговине // Политика.—Београд, 1993.—20 фебр.—С.8.
64. Радио Ватикана о боснийских мусульманах// ИТАР—ТАСС. Серия "СЕ".—М.,1993.—14 мая.—С.12.
65. Ракић Ж. Окончани преговори у Бечу//Политика.-Београд, 1994.- 12 мај.-С.1,7.
66. Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине.-Белград: Министерсво информации Србији,1992.-16 с.
67. Рат се преноси на Босну // Борба.—Београд, 1991.—12 септ.—С.6.
68. Рат у Босни: Како је почело.-Бања Лука: Канал, 1993.-163 с.
69. Рейтер о положенији в Боснии// ИТАР-ТАСС. Серия "СЕ".—М., 1994.—21 окт.—С.6-9.

70. Риян Л. Боснија: “Мултиетнически” миф // Србија.-Београд, 1996.-№ 28.-С. 54-58.
71. С.И. Привремени биланс рата// НИН: Нед. информ. нов.-Београд,1995.-15 дец.-№ 2346.- С.19.
72. Сарајевски дневник генерала Мекензија //Јавност.-Сарајево,1994.-29 окт.- № 190.-С.34-35.
73. Солдо Л., Јовановић З. Пропаст Сарајева // НИН: Нед. информ. нов.-Београд, 1994.-3 јун.- № 2266.-С.56—59; 10 јун.— № 2267.— С.55—58.
74. СРНА.—Сарајево,1994.—14 апр.
75. То же.—16 апр.
76. То же.- 17 апр.
77. То же.- 16 мај.
78. То же.- 18 мај.
79. То же.- 16 јун.
80. То же.- 4 септ.
81. То же.- 22 септ.
82. То же.- 25 септ.
83. То же.- 1 окт.
84. То же.- 6 нов.
85. То же.- 1995.—27 фебр.
86. То же.- 9 март.
87. То же.- 22 март.
88. Станичић С. Луис Мекензи, генерал који је морао да оде //Политика.-Београд, 1993.- 27 апр.-С.21.
89. США намереваются помочь мусульманско-хорватской федерации// ИТАР—ТАСС. Серия “СЕ”.—М.,1995.—30 јанв.— С.6-8.
90. Сысоев Г. Мусульмане провоцируют сербов в Боснии, надеясь поставить их под удар НАТО // Известия.—М., 1994.—6 мая.—С.3.
91. Убице иза решетака?//Политика-ЕКСПРЕС.—Београд, 1992.—10 апр.—С.1.
92. Услови за преговарање //Дневник.-Нови Сад, 1992.--5 март.--С.7.
93. Фадеев Е. А мира в Боснии все нет // Правда.- М., 1994.-27 мая.- С.3.
94. Југославија в огне: Документи, факти, коментарији (1990-1992).- М,1992.-372 с.
95. Abdić F. Prava istina о Bosni i Hercegovini // Zapadna Bosna.-Zagreb, 1994.- 22 јул.-S. 17-18.
96. Alagić M. Agresija traje, nema opuštanja // Oslobođenje.-Sarajevo,1994.- 15/22 sept.-S.21.
97. Bilten vesti.- Moskva, 1993.- 16 dec.- 3 s.
98. Idem.- 1995.- 21 јун.- 5 s.
99. Idem.- 26 јул.- 4 s.

100. Bodansky Y., Forrest V.S. Iran's European springboard? Task force on terrorism & unconventional warfare.-Washington: U.S.House of Representatives/ House Republican Research Committee, 1992.-20 p.
101. Deklaracija o završetku rata // СРНА.—Београд, 1992.— 17 дец.
102. Divjak J. Intervju...// Svijet.-Ljubljana, 1996.-8 febr.- N 2.-S.33-37.
103. Donia R.J., Fine J.V.A. ВН – Izdana tradicija // Ibid.-1 febr.– N 1.–S.58-61.
104. From Akashi to Annan, 31 May, 1994.- Документација СООНО.- Рукопись.
105. From Biljana Plavsic to UNPROFOR, 11 July, 1992.- Документација СООНО.-Рукопись.
106. From Biljana Plavsic to СООНО, 18 July, 1992.- Документација СООНО.-Рукопись.
107. From De Lapresle to Annan, 7 Sept, 1994.- Документација СООНО.- Рукопись.
108. Genocid against the serbian population in the municipalities of Mrkonic Grad, Ribnik and Sipovo in September and October 1995.- Belgrade, 1996.-57 s.- Рукопись.
109. Globusuvo istraživanje // Globus.- Zagreb, 1994.-23 rujan.- S.8.
110. Haul E. Ljiljani polomili PAM // Oslobođenje.–Sarajevo, 1994.–15/24 apr.–S.11.
111. Hodžić Š. Izetbegović je izjavio: Armija BiH spržit će i Herceg-Bosnu!// Zapadna Bosna–Zagreb,1994.- 26 kolovoz.-S.6.
112. Hrvatsko-bosanskohercegovački dijalog u Zagrebu // Oslobođenje. – Sarajevo, 1994. – 22/29 sept.–S.3.
113. Izetbegović A. Govori, pisma, intervju '95.– Sarajevo: ТКР "Šahinpašić", 1996.–200 s.
114. Jeger K. Hrvati i muslimani ovog će ljeta napasti posavinski koridor i napokon započeti odlučnu bitku za Bosnu //Globus.-Zagreb, 1994.– 1 srpnja.-S.2-3.
115. Konferencija za štampu armijskog generala Rasima Delića // Oslobođenje. – Sarajevo, 1994. – 21 sept.–S.3.
116. Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942-1993.- Beograd: IES,1994.- 284 s.
117. Lična karta Muslimansko-hrvatske federacije // Borba. - Beograd,1994. - 4 jul. -S.12–13.
118. Lučkin S. Okupacija JNA //Oslobođenje.–Sarajevo, 1994.–21 sept.–S.6.
119. Memorandum of understanding on the temporary arrangements for the town of Gorazde. 19 April 1994.- Документација СООНО.-Рукопись.
120. Niski udarci Federaciji BiH // Slobodna Dalmacija.- Split, 1994.–11 travanj.- S.40.
121. Oven D. Balkanska odiseja.-Beograd: Radio B92, 1996.-410 s.
122. 500 milijuna \$ za obnovu Sarajeva //Vjesnik.-Zagreb,1994.- 1 jul.-S.56.

123. Ratkušić E. Hoćemo u Stolac, nećemo u Evropu // Ljilijan.- Sarajevo; Ljubljana, 1994.-17 avg.-S.17.
124. Resulović I. 100 dana Federacije // Sarajevo TIMES.- Sarajevo, 1994.- Sept./Rujan.- N 2.- S.4.
125. Roso A. Intervju...// Posavski glasnik.-Orašje, 1994.-14 srpanj.-S.4-5.
126. Salihbegović A. Drugo priznanje Bosne//Ljilijan.-Sarajevo;Ljubljana,1994.-15 juni.-S.7.
127. Silajdžić H. Intervju...//Oslobodenje.-Sarajevo,1994.-16/23 jun.-S.3.
128. Stefanović N. Radovan Karadžić //Vreme.-Beograd,1994.-13 jun.-S.19.
129. Strogo kontrolisana iznenađenja //Borba.-Beograd,1994.-25 avg.-S.13.
130. Tragedija BiH//Oslobodenje.-Sarajevo,1994.-16/23 jun.-S.1.
131. Taljić I. Kad migracija prerasta u - emigraciju // Ljilijan.- Sarajevo; Ljubljana, 1994.- 15 juni.-S.23.
132. Šaćirbegović M. Intervju...// Svijet.-Ljubljana, 1996.-15 febr.- N 3.-S.12-18.
133. U Johanesburgu: djece nudjene su od 6000 maraka!//Globus.-Zagreb,1994.- 1 srpnja.-S.61-63.
134. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine // Ljilijan.- Sarajevo;Ljubljana, 1994.- 30 mart.-S.20-21.
135. V.Z. Demokracija u Hercegovini. Šta je to? // Style.-Sarajevo, 1994.-2 sept.-S.3.
136. Velikokladuški "Agrokomerc" je bosanski Hong Kong // Zapadna Bosna.- Zagreb, 1994.- 6 svibanj.-S. 20-21.

**Гуськова Е. Ю.
 ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
 НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ**

(Хроника событий)

Технический редактор В.Б.Сумерова

ЛР № 020990 от 15.05.95 г.

Подписано к печати 27/XI-98 г.

Формат 60x84 /16

Печать офсетная

Бум.кн.-журн.

Свободная цена

Усл.-печ.л.9,75

Уч.-изд.л. 9,2

Тираж 400 экз.

Заказ № 12

